

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

С. Н. Нургушев

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
И. А. КРЫЛОВА
В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

АЛМА-АТА 1951

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

С. Н. НУРУШЕВ

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
И. А. КРЫЛОВА
В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА — 1951

Ответственный редактор
доктор филологических наук В. М. Сидельников
Соредактор С. Г. Медведев.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Казахской ССР

ОТ АВТОРА

Ленинское положение о том, что «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»,¹ — является основным законом советского литературоведения. Отход от этого ленинского положения приводит к отрыву литературных явлений от условий материальной жизни общества.

Основными факторами, обусловившими в рассматриваемый период развитие казахской литературы, являются социально-экономические, культурные и бытовые связи казахского народа с русским народом в течение последних столетий.

«Россия... по сравнению с Востоком, — писал Энгельс, — действительно прогрессивна. Русское господство... было цивилизирующим для Черного и Каспийского морей и для Центральной Азии, для башкир и татар».²

Русская передовая культура оказала свое прогрессивное воздействие на развитие культуры и, в частности, литературы казахского народа.

Изучение процесса этого воздействия должно быть основным направлением в истории казахской литературы, так как под воздействием русской культуры претерпел изменения казахский фольклор и была создана казахская письменная литература. Казахская письменная литература возникла на базе национального устного творчества, но именно в результате общения казахского народа с русским народом.

Влияние русской литературы осуществлялось путем освоения казахскими демократами-просветителями творческого наследия Пушкина, Лермонтова и других классиков русской литературы, а также творчества создателя социалистического реализма Максима Горького и других советских писателей. Благоприятное влияние русской литературы на казахскую литературу продолжается и сейчас. Оно имеет свои определенные этапы, связанные с историей общего раз-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. VIII, изд. 3-е, стр. 389.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Сборник избранных писем, 1932, стр. 52.

влияния русского и казахского народов, свои характерные особенности, связанные с индивидуальными чертами творчества отдельных представителей русской литературы и своеобразными чертами казахской литературы.

Первый этап относится ко второй половине XIX века, когда особенно характерным явлением было идейно-творческое влияние Белинского, Чернышевского, Пушкина, Лермонтова, Крылова, Шедрина, Толстого и других на основоположника казахской письменной литературы Абая.

В истории казахской письменной литературы вопрос об отношении русской литературы к казахской литературе является не только огромным по своему объему, но и решающим по своему значению. В решении ЦК КП(б) Казахстана в 1947 году было сказано: «Институт языка и литературы не сумел критически относиться к литературному наследию казахского народа и, собрав значительный материал, не дал в своих работах научно обоснованного материалистического объяснения истории зарождения и развития казахской литературы, не вскрыл ее социальных корней и значения в развитии общественной мысли в Казахстане, не раскрыл влияние литературы других народов СССР, в первую очередь передовой русской литературы, на создание и формирование казахской литературы и ее деятелей».¹

Данная работа является попыткой выяснить влияние творческого наследия И. А. Крылова на формирование жанра басни и вместе с тем критического реализма в казахской литературе XIX в., а также на формирование мировоззрения казахских демократов-просветителей.

ВВЕДЕНИЕ

I

Наша новая социалистическая культура представляет собой «развитие лучших образцов, традиций, результатов *существующей культуры с точки зрения* миросозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры» (Ленин). Изучая историю казахской литературы, мы руководствуемся этим ленинским положением, которое является для нас путеводной нитью в изучении также и наследия народного творчества.

Казахское народное творчество имеет свою богатую историю, отражающую историю культуры казахского народа, его самосознание и его общественное развитие. Но надо сказать, что до сего времени истории казахской культуры, литературоведы не полностью раскрыли формы и жанры казахского народного творчества. Обычно сваливают в одну кучу сказки, анекдоты, басни и т. п. под общим наименованием «ертегілер». Это непростительная ошибка наших литературоведов, которую необходимо исправить общими усилиями. Надо показать подлинное лицо казахского народного творчества, богатство его форм, из которых выросли наша современная литература и наше искусство. Допускать разрыв между настоящей, социалистической культурой казахского народа и его прошлой культурой — значит отрицать исторические факты и в искаженном, неверном свете представлять себе все наше современное художественное творчество. Слов нет, что между культурами разных эпох, между культурой социалистической и прошлой культурой казахского народа существует глубочайшее принципиальное различие как качественное, так и количественное. Но современная казахская социалистическая культура не с неба свалилась, не извне привнесена. К ней вполне применимо вышеприведенное ленинское положение.

Казахский народ до Великой Октябрьской социалистической революции был забитым и неграмотным, но неиссякаемым ключом било в нем народное творчество. Сам народ и его лучшие интеллигентные представители неустанно творили свою культуру, заимствуя и ассимилируя все передовое, революционно-демократическое из культуры русского народа. В этом отношении характерным и до-

¹ «Большевик Казахстана» № 1. 1947, стр. 48.

стойным глубокого изучения является вопрос о возникновении и развитии казахской басни в связи с переводами великими просветителями И. Алтынсариним и Абаем Кунанбаевым басен великого русского баснописца И. А. Крылова. Это один из самых актуальных и важнейших вопросов истории казахской литературы.

До сих пор в казахском литературоведении об этом вопросе не было ясного и четкого представления. Влияние творчества Крылова на казахскую литературу сводилось к простому констатированию фактов перевода его басен и к формалистическим рассуждениям о «точности» или «неточности» этих переводов. В результате этого оставались нераскрытыми идейная сущность переводов произведений русской литературы и значение процесса перевода как искусства. Это привело к недооценке роли влияния русской литературы, так как это влияние во многом проходило именно через переводы.

Перевод есть один из видов заимствования культурного наследия одного народа другим. Причем, заимствование через перевод не является простым переложением текста переводимого произведения с одного языка на другой, а есть сложный идейно-творческий процесс.

Этот процесс не терпит шаблона. Он отражает собой свою эпоху — культурные запросы заимствующего народа, его мечты и перспективы, уровень его культуры, идеологические взгляды переводчика и т. д.

Велика роль переводной литературы в любой национальной литературе. Еще Чернышевский предлагал включить переводную литературу в историю национальной литературы. Особенное значение имеют переводы басен Крылова для казахской литературы, так как они вошли в состав последней с самого начала ее зарождения и тем самым оказали сильное влияние на ее дальнейшее развитие.

Вопрос об идейно-творческом влиянии Крылова на казахскую литературу нельзя рассматривать только в рамках перевода. Содержание данного творческого заимствования не вмещается в понятие «перевод» в обычном смысле этого слова. В казахских переводах басен Крылова главное — это идейные мотивы, как содержащиеся в переводимых произведениях, так и созревшие в жизни самого казахского народа. Абай переводил басни Крылова не только потому, что они были на высоком идейно-художественном уровне, но и потому, что в жизни казахского народа созрели такие условия, которые определили творческий путь Абая. Следовательно, дело, главным образом, не в формально-переводческих моментах — языковых, стилистических и т. д., а в идейном содержании переводов: формальная сторона подчинена в них идейным моментам. Таким образом, корни этого заимствования, т. е. переводов басен Крылова лежат глубоко в жизни русского и казахского народов.

Значение творческого наследия Крылова в казахской литературе определяется глубиной идейностью его. Перевод басен Крылова способствовал в значительной степени оформлению критического реализма в казахской литературе.

Следует отметить антимарксистский характер той тенденции, которая культивирует установку на родной быт в переводах, что ведет к искажению басен Крылова при их переводе.

Влияние творчества Крылова как на творчество Абая, так и на всю казахскую литературу в большей части осуществлялось через переводы. В связи с этим данная работа включает в себя некоторые вопросы теории и практики перевода.

II

Тема творческого освоения казахской литературой XIX века наследия И. А. Крылова представляет часть общего вопроса о роли русского народа в культурном развитии казахского народа.

Вопрос о влиянии русской культуры на казахскую ставился еще в трудах первых казахских просветителей-демократов — Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина — и был поднят на особую принципиальную высоту после Октябрьской социалистической революции на основе ленинско-сталинской национальной политики, получив общенациональное признание и огромное развитие в борьбе с буржуазным национализмом. Систематизированное изучение вопроса начинается с 1930-х годов, со времени выхода учебников казахской литературы. Сам факт составления этих учебников потребовал постановки некоторых вопросов и способствовал дальнейшему расширению и углублению изучения влияния на казахскую культуру переводов русской культуры. В учебниках получило до некоторой степени систематизированный, обобщенный характер все ранее высказанное в этой области.

Вопрос о влиянии русской литературы на казахскую литературу и, в особенности, на творчество Абая и Алтынсарина освещался в многочисленных публицистических, литературно-критических, литературоведческих трудах, написанных большей частью в сороковые годы. Из многих работ можно назвать статьи С. Муканова, М. Ауэзова, Г. Мусрепова, Т. Нуртазина о влиянии на Абая русских классиков, брошюру «Абай», статью «Абай и басни Крылова» и научный доклад «Басни Крылова в казахской литературе» М. С. Сильченко, учебники по истории казахской литературы и статью С. Муканова «Крылов на казахском языке», учебники по истории казахской литературы Х. Джумалыева и Е. Исмаилова; статьи «Абай еңбектерінің биік нысынасы», «Казахская литература за 20 лет» и «Биография Абая» М. Ауэзова (второй том собрания сочинений Абая, 1940 г.), статью «Абай — основоположник новой казахской литературы» Н. Т. Сауранбаева, «Абай и казахская культура» И. Омарова, «Абай и Лермонтов» К. Бекхожина, «Абай и казахская литература» А. Тажигаева, «Песни Абая» Н. С. Смирновой, «Особенности поэтики Абая» Е. Исмаилова и др.

Анализ этой литературы свидетельствует о том, что по изучению данного вопроса проделана значительная работа, особенно за последние десятилетия, а это является естественным отражением

«... того небывалого революционного скачка, характерного для развития экономики и культуры Советского Казахстана, который явился результатом правильного осуществления ленинско-сталинской национальной политики большевистской партии»¹.

Необходимо отметить, что почти все эти работы посвящены творчеству великого казахского поэта Абая Кунанбаева и педагога-демократа Ибрая Алтынсарина. Все, что сказано в этих трудах о роли русской культуры и русской литературы в развитии казахской литературы и, в частности, о переводах на казахский язык произведений русской литературы, в основном связано с произведениями этих двух представителей казахской литературы XIX века. Это явление не случайное. Оно обусловлено тем, что в казахской литературе (письменной) XIX века в числе прогрессивных ее представителей мы встречаем только имена Абая и Алтынсарина.

Таким образом, в существующей публицистической, литературно-критической и научно-исследовательской литературе понятие — казахская прогрессивная литература XIX века — само по себе почти отождествляется с понятием литературного наследия Абая и Алтынсарина, а понятие влияния русской литературы на казахскую литературу — с понятием влияния русской литературы на творчество Абая и Алтынсарина. Так же обстоит дело и с переводами. В данном исследовании так же рассматривается материал, связанный, главным образом, с именами Абая и Алтынсарина.

Общий разбор содержания обзора казахского круга литературы, прежде всего, показывает, что во всех трудах, так или иначе, подчеркивается огромное идейное влияние на Абая и Алтынсарина русской классической литературы XIX века.

М. С. Сильченко в своей книге «Абай» дает обзор проникновения в казахский аул товарно-денежных отношений, отмечает возникновение промышленных очагов и промыслов, устанавливает связь между казахами и русскими в быту.

Из обзора вышеуказанных трудов выясняется, что в числе идейных русских учителей Абая, кроме классиков русской художественной литературы, фигурируют имена великих русских мыслителей: Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Говорится о личной дружбе Абая с русскими ссыльными — Е. П. Михаэлисом и др.

Хорошо освещен вопрос влияния русской литературы на казахскую литературу в области поэтики. Трудно найти автора, хотя бы публицистической статьи, не подтверждающего эту сторону вопроса. На этом подробно останавливаются М. Ауэзов в биографии Абая, помещенной во втором томе собрания сочинений Абая (1940 г.). Неоднократно писал об этом в своих трудах С. Муканов.

Одним из разработанных вопросов, связанных с влиянием русской литературы на казахскую литературу, является вопрос о реализме Абая. Об этом пишут И. Омаров, Н. Т. Сауранбаев и ряд других.

¹ Из постановления ЦК КП(б) Казахстана «О состоянии и дальнейшем развитии казахской советской литературы». «Казахстанская правда», 17 сентября 1948 г.

Под влиянием русской классической литературы Абай обогащает казахскую литературу реалистическими картинками родной природы. Он создает не только реалистический образ природы, но и образ живого человека. В 1945 году на эту тему появилась специальная статья В. Совсуна — «Образ природы в поэзии Абая», в которой приведен ряд примеров из произведений поэта, свидетельствующих о том, что Абай дает не просто картину природы, а связывает образ природы с человеческой жизнью, с жизнью казахского народа.

В отмеченной нами литературе говорится, что Абай, в основном отрицая восточную традицию, не остановился и перед традициями народного творчества. Он пришел к русской литературе, критически воспринимая ее и беря от нее только лучшее, прогрессивное.

В том, что под влиянием русской классической литературы в казахской литературе появилась сатира, мнения всех авторов, высказывающихся по этому вопросу, сходятся. Разногласия между ними в этом вопросе возникают в связи с некоторыми подробностями. Дальнейший анализ вопроса о влиянии русской литературы на развитие сатиры в казахской литературе проводится по линии выяснения того, кем это влияние оказано и в чем оно выразилось. В качестве конкретного выражения влияния русской сатиры на Абая разными авторами приводятся стихи Абая: «Кулембаю», «Дютпаю», «Управитель начальству рад», «Вот я стал волостным», «Ухмыляется волостной», «Не трудясь попрошайничают», «Что не под силу зоркому орлу», «Интернатта оқы жай», «Кайтсе жеңіл болады» и т. д. Мусрепов считает, что «Абай сатирасын түзіп Ізі Салтыковқа, Некрасовқа қабысып жатады» («Истоки абаяевской сатиры восходят к Салтыкову-Щедрину и Некрасову»). Сауранбаев относит это влияние к Некрасову и Добролюбову, Омаров — Некрасову и Салтыкову-Щедрину, а Нургазин и другие — только Щедру. М. С. Сильченко, посвятивший этому вопросу специальный раздел в своей брошюре «Абай», считает, что «стихи Абая: «Кулембаю», «Управитель начальству рад», «Дютпаю» и другие — сближают поэта с некрасовской музой пламенной сатиры».

Анализируя влияние русской классической литературы на казахскую литературу XIX века, многие авторы пытаются определить место отдельных классиков русской литературы в этом влиянии. В этом отношении особо выделяется мнение М. Ауэзова, который в нескольких трудах доказывает, что из классиков русской литературы самое глубокое влияние на Абая оказал Пушкин, хотя при ближайшем ознакомлении эти его взгляды оказываются непоследовательными. Другие исследователи, как С. Муканов, М. С. Сильченко, К. Бекхожин, наоборот, склонны признать большее влияние Лермонтова.

Более глубокому изучению подвергнуто влияние русской литературы на казахскую литературу через переводы. Прежде всего, необходимо отметить, что в анализируемых трудах этим перево-

дам придается огромное значение. Говоря о влиянии русской литературы, большинство авторов всех этих трудов в первую очередь отмечает тот факт, что Абай и Алтынсарин перевели на казахский язык произведения Пушкина, Лермонтова и Крылова. Изредка упоминается, что Алтынсарин для своей хрестоматии перевел некоторые детские произведения Л. Н. Толстого. Многие авторы исходят из этих же переводов, когда говорят о влиянии русской литературы на возникновение и развитие в казахской литературе реализма и ряда других литературных явлений.

Почти всеми авторами переводы признаны важнейшим фактором литературного влияния как в идейном, так и в художественном отношении. Это надо признать положительным явлением, направляющим исследование вопросов о литературных связях по правильному пути.

Иной путь — отрицание значения переводов русской литературы — неизбежно привел бы к порочной, космополитической точке зрения — все достижения казахской литературы сводились бы к влиянию восточных и западно-европейских источников, а также к идеализации древне-казахской феодальной культуры. Правильная постановка вопроса о влиянии переводов на казахскую литературу связана с тем, что в 30 — 40 гг. острее, чем раньше, был поставлен вопрос о партийности в казахской литературе. Еще в 30-е годы был нанесен сокрушительный удар казахским буржуазным националистам в результате индустриализации страны и сплошной коллективизации сельского хозяйства на основе ликвидации кулачества как класса.

Таковы положительные результаты, достигнутые нашей общественностью в деле изучения вопроса о влиянии русской культуры и литературы на казахскую литературу XIX века. При этом мы здесь старались показать, в каком направлении и масштабе ставился данный вопрос до сих пор. Поэтому некоторые из отмеченных фактов надо принять во внимание с точки зрения постановки и развития данного вопроса вглубь и ширь, а не с точки зрения разрешения его. Они зачастую содержат грубые, искажающие суть дела, ошибки, требующие специального и глубокого анализа, чего не представляется нам возможным сделать в объеме данной работы. Свои критические анализы обозреваемой литературы автор считал целесообразным выпустить отдельно или напечатать их в периодических изданиях в виде статей, отмечая здесь только общий характер подвергнутых критическому анализу отрицательных фактов.

Отрицательные факты, имеющиеся в обозреваемых трудах, связаны с теми идейными ошибками и извращениями, которые осуждены в решениях ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинокартине «Большая жизнь» и в решениях ЦК КП(б)К «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР», «О состоянии и дальнейшем развитии казахской советской литературы» и т. д.

Основным, конкретным выражением этих идейных извращений в казахской литературе является идеализация ее прошлого, преувеличение влияния восточной литературы на нее и тем самым «отрыв литературы от условий материальной жизни общества». Этот вопрос в данном случае непосредственно связан с определением истоков творчества Абая.

В некоторых из обозреваемых трудов идейными источниками творчества Абая считаются: а) древнеказахская культура; б) восточная литература и в) русская литература. При этом во многих случаях или не дается оценки каждому из этих источников, или она оказывается недостаточной и зачастую неправильной.

Абай, конечно, освоил все ценное в восточной литературе, но это не значит, что восточная литература была одним из равноценных источников творчества Абая. Некоторое влияние Востока было неизбежной стадией, ступенькой в развитии его творчества. Абай фактически боролся с влиянием Востока и, в результате этой борьбы, вместе со всеми прогрессивными элементами общества повернул казахскую литературу на путь к русской литературе. Это был крутой поворот, так как влияние Востока было тем, что «... начинает уже отмирать...», а влияние русской литературы «... тем, что возникает и развивается...»²

Игнорирование этого факта и на этой основе идеализация памятников староказахской феодальной культуры и преувеличение влияния восточной литературы, естественно, приводили к игнорированию влияния русской литературы на казахскую литературу. Именно этой неправильной исходной позицией в вопросах казахской литературы объясняется низкий уровень разработки анализируемого нами вопроса, ошибки и извращения. Казахскому литературоведению предстоит сделать новый шаг вперед в деле изучения влияния передовой русской литературы на казахскую литературу.

¹ «Большевик Казахстана» № 1. 1947.

² Краткий курс Истории ВКП(б). 1945, стр. 101.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАЗАХСКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ БАСНИ

До появления казахских переводов басен Крылова в последней четверти XIX в. в казахской литературе существовала только зачаточная форма басен. Басня у казахского народа к тому времени еще не вполне сложилась как по своей форме, так и по содержанию, и ее роль в народном устном творчестве была незначительной. Среди казахских масс басни не имели даже своего особого общезвестного названия. Как правило, их смешивали со сказками или анекдотами. Этим объясняется тот факт, что казахские литературоведы в своих трудах о казахской литературе того времени до сих пор не выделяют басню как специальный вид литературы.

Казахские басни впервые получили свое название в трудах русских ученых, собиравших их наряду с другими видами казахского фольклора. В 1897 г. И. И. Крафт поместил в «Тургайской газете» на русском языке следующие басни: «Мышь и Змея», «Вор и Блоха», «Осел и Суслик», «Лягушка и Муравей», «Наказанный хитрец». После этого он их публикует во II части своей книги «Из киргизской старины», изданной в 1900 г.

Ряд басен опубликовал А. Е. Алексоров в 1898 г. в I части своей «Киргизской Хрестоматии» на казахском языке.

Кроме того, казахские народные басни собирали и публиковали такие ученые, как Г. Потанин, А. Диваев и др. Для примера приведем текст басни «Мыш и Змея» в записи и переводе И. И. Крафта.

МЫШЬ И ЗМЕЯ

Однажды мышь, возвратясь с прогулки за поисками пищи, застала в своей норе змею. Испугалась мышь непрошенной гостьи, но ничего не могла сама предпринять и отправилась к соседям рассказать свое горе и попросить их совета.

Собрались на совет мудрые мыши и, обсудив дело, сказали обидной:

— Отступись от норки, выкопай себе другую и живи. Неправедливо поступила змея, отняв у тебя жилище, но ничего не поделаешь. Будешь приставать к змее, она тебя съест и больше ничего.

Погоревала несчастная мышь и, примирившись со своим положением, придумывала только способы, как бы отомстить своей обидчице.

В один жаркий летний день мышь заметила, что змея, греясь на солнце, уснула около норки, а в недалеком расстоянии, в саду, спал, лежа навзничь, садовник. Мышь быстро побежала к садовнику и укусила его за нос. Садовник, проснувшись от боли, погнался за мышью, которая, не торопясь, бежала к тому месту, где лежала змея. Следуя за мышью, садовник увидел змею и убил ее, как более вредную, чем мышь.

Мышь таким образом достигла своей цели и стала попрежнему жить в своей норке.

Никогда не следует сильному обижать слабого хотя бы потому, что слабый может найти совершенно неожиданную поддержку со стороны еще более сильного.¹

* * *

Это вольный перевод того, что устно сообщено одним из исполнителей собирателей. При исполнении другими лицами в тексте этой же басни могли быть те или другие изменения. Но тем не менее, данный текст можно считать одним из характерных для казахских народных басен. Концовка басни произвольная, добавленная исполнителем или даже переводчиком.

Общий тон содержания подобных басен отличается от содержания многих сказок тем, что при сравнительно кратком тексте в них наиболее ошутителен нравоучительный характер.

Но и сказки имеют нравоучительный характер. Например, И. И. Крафт в своем сборнике приводит сказку «Добро — залог будущего блаженства» и басню «Наказанный хитрец». Оба эти произведения имеют нравоучительный характер. Только в первом случае говорится — «не делай так», а во втором — «делай так».

Такое сходство казахских басен со сказками еще больше усиливалось прозаической формой этих басен. Это говорит о том, что старые казахские басни не имели резко отличительных черт от многих казахских сказок как по содержанию, так и по своей форме.

Идейное содержание басен так же, как и других жанров казахского фольклора, крайне разнородно. В них чувствуется известное влияние религии (мораль басни «Вор и Змея» и др.), но оно — не резко выраженное явление в казахских баснях.

Видно в них также влияние патриархально-феодалной идеологии. Это встает из содержания басни «Лягушка и Муравей», где муравьи, для того чтобы помочь лягушкам, просят на это

¹ И. И. Крафт. Из Киргизской старины. 1900, стр. 126.

разрешение у своих ханов, что отражает подчиненное положение народных масс ханам, аксакалам. Следы подобной идеологии — и в содержании басни «Вор и Блоха». Но и этот идейный оттенок нельзя считать характерным признаком казахских басен.

Однако указанные факторы, несмотря на то, что они не являются характерными, оказали отрицательное влияние на содержание еще очень слабого, только начинающего формироваться басенного жанра, так как они вносили в него тот религиозный и патриархально-феодалский дух, сторонники и распространители которого в то время воинствовали. Этим самым затуманивалось народное реалистическое содержание басен.

Против этих факторов действовала творческая сила народа, оберегая свои произведения от всего наносного, реакционного.

Многие басни имеют ярко выраженный народный характер. Метко и остро они высмеивают конкретные общественные пороки с идейных позиций народных масс, и эта народность дает им возможность развиваться дальше. В тех крайне отсталых социально-экономических и реакционных общественно-политических условиях басни не могли сыграть заметной роли потому, что оставались на уровне только нравоучительной насмешки, не превращаясь в сатиру.

При благоприятных экономических и общественных условиях, т. е. при дальнейшем расхождении общества, они могли бы стать настоятельными баснями с социально выраженным содержанием и более отшлифованной формой. Содержание их могло бы развиваться в сатирическом направлении с введениями или концовками. При известных условиях на основе таких басен могли возникнуть настоящие стихотворные басни. Они могли бы стать также маленькими драматическими сценками. Так, например, басня «Волк, собака и кошка» и в своей старой форме является настоящей сценкой. Она по содержанию напоминает басню Крылова «Вороненок», где вороненок, подражая орлу, унесшему из стада ягненка, хочет унести жирного барана, и в результате этой авантюры попадает в руки пастухов. Отдельные действия в басне, например, желание собачонки повторить действия волка похожи на подробные затем лягушки в басне «Лягушка и Волк».

Характерными особенностями анализируемых нами басен надо считать следующие. Они распространялись в народе в устной форме, как произведения фольклора, и поэтому одна и та же басня имеет разные варианты. Содержание их имеет распылчатый нравоучительный характер. Оно еще больше ослаблено под влиянием идеологии господствующих классов того времени. Но в то же время содержание басен сохраняет народную основу.

По своей форме они почти не отличаются от простого текста маленьких сказок, потерявших специфическую сказочную окраску. Содержание басен излагается путем повествования с элементами диалога. В народе они бытовали только в прозаической форме, причем распространение их не было повсеместным. Одни из них были известны в одних местах, другие — в других, что говорит о

слабой роли басен даже в устной литературе. Не может быть и речи о каких-либо хотя бы элементах басен в казахской письменной литературе того времени.

Фольклорные басни в целом являются отражением слабо развитой социально-экономической жизни казахов. Но, несмотря на все это, надо признать, что в казахском фольклоре того времени действительно существовала такая форма, которую можно назвать первоначальной стадией басни. Первым крупным событием в области этого жанра в казахской литературе надо считать собрание народных басен и опубликование их в печати русскими учеными в конце XIX в. Благодаря этому басни сохранились как памятники народного творчества, отражавшие народную жизнь в прошлом.

Нет сомнения, что дальнейшее изучение этих произведений народного творчества внесет в казахское литературоведение значительный вклад, помогая лучше освоению старого наследия казахской литературы с точки зрения нашей современности.

Басенный жанр в казахской литературе свое дальнейшее развитие получил через переводы басен Крылова.

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ БАСЕН КРЫЛОВА

В 1879 г. И. Алтынсарин в «Киргизской хрестоматии» поместил стихотворный перевод басни Крылова «Ворона и Лисица» («Қарға мен түлкі») и прозаический перевод (перелаванный) басни «Пустынник и Медведь».

В 1890-е годы были опубликованы в печати еще несколько переводов басен Крылова. В газете «Дала уалаяты»¹ («Киргизская степная газета») помещены басни «Стрекоза и Муравей» («Шегіртке мен құмырсқа»), № 32, 1894, в переводе Асылжолан Курманбаева и «Пустынник и Медведь» («Аю мен жапан түзді мекен қылған жалғыз адамның мәселесі»), № 49, 1895, неизвестного переводчика. Кроме того, в 1892 г. эта же газета перепечатала перевод басни «Ворона и Лисица», вошедший в хрестоматию Алтынсарина. В 1898 г., в I части «Киргизской хрестоматии» Алекторова помещены: стихотворный перевод басни «Лев, Серна и Лиса» («Арыстан, түлкі және киік»), сокращенный прозаический перевод басни «Крестьянин и Смерть» («Шал және өлім») и перевод басни «Ворона и Лисица» из хрестоматии Алтынсарина.

Ибрай Алтынсарин (1841—1889) является одним из казахских просветителей-демократов XIX в., вложивших очень много труда в дело просвещения казахского народа. По его инициативе были открыты русские школы для казахов. Он является основоположником казахской детской литературы. Им составлена первая хрестоматия на казахском языке. Для этой хрестоматии Алтынсарин сам составил ряд стихотворных и прозаических произведений, предназначен-

¹ «Дала уалаяты» — единственный печатный орган на казахском языке в то время.

ных для детей, и ряд произведений перевел с русского языка, в числе которых были и басни Крылова.

Переводчик басни «Стрекоза и Муравей» Асылхожа Курманбаев был учителем. Переводчики басен, вошедших в «Киргизскую хрестоматию» Алекторова, неизвестны. Надо полагать, что и эти переводы были выполнены учителями-казахами. Неизвестен и переводчик басни «Пустынник и Медведь». Надо заметить, что «Киргизская степная газета» имела своих переводчиков, но утверждать, что эти переводы принадлежат именно этим переводчикам, нельзя, так как эта газета печатала переводы и других лиц.

В качестве образца первых переводов крыловских басен на казахский язык приводим басню «Ворона и Лисица» в переводе Алтынсарина и к ней — русский подстрочный перевод.

КАРГА МЕН ТҮЛКІ

Асығып түлкі жүрді жапандарда,
Тамақ іздеп, жол шекті сапарларға.
Еш нәрсені көре алмай келе жатса,
Көзіне түсті алыстан жалғыз қарға.

Жүгіріп түлкі соған жетіп келді,
Қарға ағаштың басында мұны көрді.
Тісеген аузына тәтті ірімшік,
Оны көріп түлкі-екең сөйлей берді:

— Қарға батыр, әр сөзің күміс — алтын.
Сыртыңнан тілеу тіленді барша халық.
Қарға үніңдей дүниеде әуен жоқ, — деп
Осылайша шығалы сыртқа даңқын.

Сандуғаш, бұлбұлдарды көріп едім.
Жүзінді бір көруге келіп едім.
Даусыңды бір шығаршы, шаттанайын,
Сыртыңнан ашық болғаннан өліп едім.

Басың салып, құйрығың бұлаңдаттып,
Екі көзің қарғаға қылмаңдаттып,
«Қарға тақсыр, көз жасым көріңіз» — деп,
Жыламырап сөйлейді жылмаңдаттып.

Масаттанып, бұл қарға сілкінеді,
Ішін тартып мұртынан бір күледі.
— Арпы-ашып алыстан келген шығар,
Көңілі тынып кетсінші, шіркін — дәлі.

Мақтау сөзге семіріп, судай тасып.
Пәрменіңше қарқ етті аузын ашып,
Қарқ еткенде ірімшік жерге түсіп,
Оны кетті түлкі-екең ала қашып.

Подстрочный перевод

Поспешно лисица шла в степи,
В поисках пищи она отправилась в путь.
Идя, и не встречая ничего, она
Издали увидела одинокую ворону.

Рысью лисица к ней подбежала.
Ее сидевшая на дереве ворона увидала
Она в зубах вкусный сыр держала,
Увидев это, говорить лисица стала:

— Ворона-батыр¹, твое каждое слово —
Серебро и золото.
Весь народ желает тебе благополучия.
Слава такая пошла, что нет на свете

Голоса лучше вороньего.
Я видала и соловья.
Пришла посмотреть на тебя,
Спой разок, повесели, не видя тебя.

Я смертельно скучала о тебе.
Опустив голову, вертит хвостом,
Смотрит на ворону играющими глазами.
— Госпожа ворона, пожалейте мои слезы, —

Плача, говорит скороговоркой.
Возгоряясь, ворона отразнулася,
Набирая в себе воздух, гордо улыбнулася,
«Наверное издали с трудом добралась,

Пусть возвращается успокоенной», — подумала.
От похвал знойная пошла, как разливная вода,
Со всей силой каркнула, открывая рот,
Когда каркнула, сыр на землю упал,
Схватив его, лисица убежала.

Как видим, Алтынсарина передает содержание басни в общих чертах, в результате чего оно значительно упрощается, в сравнении с оригиналом. Так, например, в басне Крылова у вороны вскружилась голова от похвал самой лисицы:

«Голубушка, как хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так право, сказки!
Какие перышки! Какой носок!
И верно английский быть должен голосок!»

А у Алтынсарина лисица сама лично не находит у вороны хороших качеств, а ссылается на «слухи»: «Слава такая пошла, что нет на свете голоса лучше вороньего», вследствие чего в переводе басни уменьшается роль лисицы, сглаживается острота данного эпизода. Мотив, который вскружил голову Вороне, отделяется, слабеет, становится как бы эхом непосредственного живого голоса. Не выходит и образ лисицы. Ее хитрость не показана. Она к дереву не «на цыпочках подходит», а рысью бежит и не говорит «так сладко, чуть дыша». Вместо «Вертит хвостом, с вороны глаз не сводит» в переводе — «Опустив голову, вертит хвостом», платчет, умоляет. В оригинале — это хотя и очень вежливая, но настоячивая, нахальная лисица. В переводе она слезливая и беспомощная, больше похожа на собаку, просящую пищу и виляющую хвостом, опустивши голову. Переводчик нигде не употребляет даже слово «хитрый».

¹ Батыр — в данном случае обращение.

Автор перевода басни начинает не с того, что «Вороне где-то бог послал кусочек сыру», а рассказывает о том, как лисица путешествовала в поисках пищи. Вся басня в переводе от начала до конца изложена в таком однообразно-повествовательном тоне. Этот тон, многие фразы и слова, особенно то место, где слова вороны сравниваются с серебром и золотом, приближает перевод к фольклору. Отдаляется перевод от оригинала басни еще и тем, что совершенно не переведена вступительная мораль и в тексте перевода не делается никакого намека на нее.

Кроме того, такие моменты в содержании басни, которые в оригинале даются иносказательно, насмешливо или с острой иронией, в переводе раскрываются в прямом смысле, просто путем рассказа, вследствие чего теряются или ослабевают сатирическая острота басни, ее ирония и драматизм. Повествовательная тенденция удлиняет текст перевода излишними пояснениями, несущественными с точки зрения замысла басни.

Переводы басен «Стрекоза и Муравей» и «Пустынник и Медведь» гораздо слабее, чем переводы Алтынсарина. Для наглядности приведем казахский текст басни «Стрекоза и Муравей» и подстрочный перевод.

КҰМЫРСКА МЕН ШЕГІРТКЕ¹

- Құмырсқа жұмыс қылған жанын қыйнап
Жатпаған алажаздай түбін ойлап.
Қауыпсыз қысты күні болайын деп
4. Азығын қысқа жетер алған жыйнап.
Төсекте тыныш тауып жата алмаған.
Тәтті дәм қолы тиіп тата алмаған.
Өз күшімен табуға жинат қыдып
8. Біреудің нәрсеіне бата алмаған.
Жұмысты азаппенен мойнына алып,
Ұясын жылы қылып салып алып
Күздікүн рақаттанып дамыл алған
12. Жеткізген мұрадына жоббар халық.
Шегіртке жаздың бойы ойын салған
Қайғы жоқ, уайым жоқ ойына алған
Ақымақ боп есерлікпен жүремін деп
16. Болғанын күздің күні білмей қалған.
Шегіртке үй салмаған, азығы жоқ
Болмайды еш нәрсеге көңілі тоқ
Ішер тамақ, кірер үй болмаған соң
20. Құмырсқаға келеді шармада боп.
— Құмырсқа, айналайын, кетті халім
Аштықтаң қыйналып тұр шыбын жаным.
Кірер үй, жатар жерім менің жоқты
24. Сабазым, мені аясаң тапшы амалын,
Ұйіне кіргізеңсің мен байғұсты
Амалдап өткізейін бйым қысты
Барар жер, басар тауым болмаған соң
28. Басыма қыйыншылық енді түсті.

— Әр жерден сен сөйлейсің сөз келтіріп
Аяймын сен байғұсты қарап тұрып
Түскендей мұндай күйге осы күнде
32. Жүріп ең алажаздай не бітіріп?

— Мен, жазған, жаздықүні не қылмадым
Боларын халым мұндай біле алмадым
Ойын-құлкі өлемей күй кешіріп
36. Дауренсіз салдық құрмай жүре алмадым.

— Шегіртке сағат айтар бір сөзім бар
Дүниеде ақымақ болмас өзіне пар
Жаз бойы жұмыс қылмай жүрген болсаң
Өз обалың өзіне жалқау мұндар.

Подстрочный перевод

Муравей работал, мучаясь,
Целое лето заботился о будущем.
Желая быть в безопасности зимою,
4. Собрал себе корм на всю зиму.

Он не мог спокойно полежать в постели,
Ему некогда было вкусно покушать.
Старался добывать всяким трудом,
8. Не смел (трогать) чужое.

Он решился работать, мучиться,
Устроил себе теплое гнездо.
Осенью с блаженством отдыхал —
12. Бог дал ему достичь своей цели.

Стрекоза все лето вдоволь гуляла
Ни о чем не горевала, не думала.
По своей глупости время проводя, как помешанная,
16. Не заметила, как осень наступила.

Стрекоза дом не построила, нет пищи,
Ничем не может удовлетвориться.
Не имея пищи и дома,
20. В горестях приходит к муравью.

— Муравей, милый мой, у меня нет сил,
От голода мучается душенька моя.
У меня нет дома, нет ночлега.
24. Ищсрый мой, найди выход,

Пусти меня, бедную, в свой дом
Как-нибудь проведи эту зиму.
Некуда мне деться,
28. Теперь испытываю трудности.

— Какие слова ты говоришь,
Смотрю я, жалко мне тебя, бедненькую.
Попав в такое положение сейчас,
32. Что ты делала целое лето?

— Чем только не занималась летом я, грешная,
Не предугадала, что попаду в такое положение.
Все время провела в веселье,
36. Не могла жить без пышности, без вольного пиршества.

¹ «Дала улаатыз» газеті. № 32, 1894 жыл.

— Стрекоза моя, я тебе одно слово скажу.
Наверное, нет на свете глупца, равного тебе.
Раз ты целое лето не работала
Так и надо тебе, негодному лодырю.

Как видно из текста, в первых 12 строчках перевода говорится о трудолюбии муравья, что совершенно отсутствует в оригинале. Автор оригинала рассчитывает на общезначимость этого факта и всем построением и стилем басни хочет сделать его средством критики человеческих пороков. Но перевод нарушает этот замысел автора и снижает качество басни. 13—16-е строчки можно считать переводом 1—4-х строк оригинала. 17—19-е строки продолжают те же мысли без всякого эффекта, они излишни. Также¹ излишни 22—24, 27 и 28-е строки, где стрекоза объясняет муравью свое полагание. В оригинале она этого не делает, а прямо просит муравья помочь ей. Остальные 16 строк условно можно считать переводом 14—30-х строк оригинала.

В переводе много излишних объяснений и повторяющихся одни и те же мысли строк. Например, 26, 30, 38 строки, некоторые словосочетания и слова могут быть вычеркнуты без всякого ущерба для данного текста. 5—13-е строки оригинала остаются непереведенными.

Перевод басни «Пустынник и Медведь» отличается следующими характерными особенностями. Вступительная мораль переносится на конец перевода и заключена в казахской поговорке «Акимак достан ақылды дұшпан артық» («Лучше умный враг, чем глупый друг»), близкой по своему значению к пословичному выражению «услужливый дурак опаснее врага», которым кончается басня Крылова. Не переведен следующий отрывок из басни:

Про жизнь пустынную как сладко не пиши,
А в одиночестве способен жить не всякий;
Утешно нам и грусть и радость разделять.
Мне скажут: «А лужок, а темная дубрава,
Пригорки, ручейки и муравья шелкова?»
«— Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, как не с кем молвить слова.
Так и Пустыннику тому
Соскучилось быть вечно одному.

Пропуск этот очень характерен в том отношении, что для традиции казахского фольклора не популярно изложение мысли в форме такого рассуждения. Уместно напомнить о таком же пропуске и в переводе басни «Стрекоза и Муравей» целого отрывка, в котором выражено суждение автора и дается картина природы.

Остальная часть текста оригинала последовательно отражена в переводе с некоторыми пропусками и добавлениями в пределах тех или других мыслей, заключенных в отдельных строках или в небольших отрывках текста. Дальше переводчик старался переводить по оригиналу строка за строкой, а отклонения от основного текста вызваны его неопытностью в этом деле. Эта неопытность

переводчика видна даже в точных переводах отдельных строк и ряда словосочетаний.

От данного перевода остается впечатление, что объективно достигнут известный эффект в переводе именно в результате того, что переводчик придерживался той последовательности в изложении содержания басни, которая дана в оригинале.

Среди отклонений от оригинала заслуживает внимания тот факт, что у переводчика замечается характерная и для других переводчиков тенденция — стараться резче, подробнее, чем в оригинале, раскрывать смысл того или другого момента басни или характера, образа участвующих в баснях зверей и насекомых или их действий. Например, для того, чтобы ярче показать момент, который у Крылова дан в следующих строках:

А так как человек медведя послабее,
То пустынный наш скорее,
Чем Мишеника, устал
И отставать от друга стал.

Переводчик пишет: «Медведь рыскал по долинам, по горам», «С его товарища топт градом катится», «(он) свалился, дойдя до самого медведя». Но эти попытки резче отразить те или иные места текста басни нельзя считать углублением ее содержания.

Прозанческие переводы басен Крылова сделаны исключительно для детских буквварей и отличаются своей краткостью. Они знаменательны тем, что являются первыми элементами прозы в казахской литературе, наряду с другими несколькими произведениями Алтынсарина, вошедшими в «Хрестоматию» 1879 г.

Таким образом, во всех этих первых переводах мы замечаем одно общее явление — тяготение к идейным и художественным традициям фольклора. В этом отношении характерно высказывание Алтынсарина о том, что казахи басен не любят. В письме от 3 декабря 1876 г. Н. Ильминскому он писал: «Вчера только начал свою книжку для первоначального чтения на киргизском языке в видах избежания татарских книг и начал следующими стишками...

Для первой книжки думаю придерживаться того порядка, по которому составлена книга Паульсона, конечно, с приспособлениями для киргизских мальчиков. Басен не желаю вносить, так как киргизская натура, развивающаяся посреди суровой жизни, требует вообще предметов посерьезнее. Я по опыту знаю, с какою наשמехой и неохотой читают киргизские мальчики басни, а родители их бывали даже недовольны тем, что детей их учат, например, таким нелепостям, что будто бы сорока говорит с вороною и т. д. Для киргизских мальчиков, по мнению моему, более идут остроумные анекдоты, загадки, рассказы наставительного характера или о чем-нибудь таком, которое возбуждало бы любопытство, напр., в роде превращений шелковичных червей, бабочек, устройства себе жилищ бобрами и т. п.»¹

¹ Н. Ильминский и т. п. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань. 1891, стр. 36—38.

Эти слова просвещенца-демократа отнюдь не говорят о том, что он был против того нового, которое в казахскую литературу принесли с собой крыловские басни, так как он сам перевел эти басни, включил их в свою «Хрестоматию» и, вероятно, немало потрудился над их переводами. А данное высказывание его свидетельствует лишь о том, что слишком сложны были те условия, в которых шло тогда культурное развитие казахов; что социально-экономические и культурные условия того времени еще не были в достаточной степени подготовлены к восприятию тех демократических идей и той сатиры в баснях Крылова, которые спустя четверть века воспринял Абай.

Если сатира Крылова в конце третьей четверти XIX в. не нашла себе почвы в казахской литературе, а нашла ее лишь в конце четвертой четверти, то в этом нет ничего удивительного, ибо влияние России в это время становится более значительным. Развитие казахской степи во многих отношениях в это время шло вперед сравнительно быстрее. В этой обстановке не четверть века, а десятилетие сыграло огромное значение. В то время, когда Алтынсарин писал слова, приведенные нами выше, влияние старого было сильнее, чем в период переводов басен Абасм.

Устное народное творчество в то время было преобладающей формой у казахов. Традиции фольклора в своей худшей части были связаны с предрассудками, которые имели определенную силу. Работать было трудно. Казахские господствующие классы за просветительскую деятельность объявляли Алтынсарина миссионером, а царские жандармы подозревали Алтынсарина и Абая в противодействии правительству. Казахская письменная литература тогда только еще зарождалась. И подобные условия жизни, конечно, не способствовали зарождению новых произведений в литературе, слишком резко отличающихся от старых. Эти новые произведения входили в быт народа постепенно, все больше и больше совершенствуясь и в идейном и в художественном отношениях.

Так и басни Крылова заняли свое место в казахской литературе не сразу, а входили в нее постепенно. Расширялась тематика переводов, улучшался перевод в идейном и художественном отношении, усиливая влияние басен на народ.

Все выше сказанное нисколько не умаляет значения первых переводов крыловских басен. Значение их было огромно для своего времени. Несмотря на значительное идейное и художественное отступление от оригинала, первые переводы басен Крылова можно считать огромным прогрессом в области жанра басен в казахской литературе. Эти первые переводы были тогда новыми произведениями в казахской литературе, возникшими на основе русских печатных источников и, в известной мере, сохранившими их черты. По сравнению с казахскими фольклорными баснями, в их содержании ясно чувствовалась большая идейная направленность и конкретность мысли. Они имеют более стройную и сложную композицию законченного характера и отличаются от старых басен своими стихотворными формами, а прозаические переводы басен были

первыми элементами настоящей прозаической письменной литературы, обладающей всеми качествами ее в этой стадии. В отличие от народных басен, эти переводы имеют своих авторов, известен и автор оригиналов, с которых они переведены.

Первые переводы крыловских басен являются первыми баснями в казахской письменной литературе, началом нового в этой области, возникавшего в борьбе со старым. Появление этих басен — результат борьбы за новое, за овладение русской культурой. Басни Крылова переведены не случайно и не для забавы, а с целью просвещения остального казахского народа. Эти переводы в то время считались очень важным делом, за них брались самые передовые люди того времени. Из писем Алтынсарина Ильминскому видно, что он свою просветительскую деятельность связывал с переводами. Об этом Алтынсарин говорит как о своих сладких мечтах и высказывает опасение — справится ли он с этой задачей? В одном из писем Ильминскому он пишет: «Детский мир» мне очень понравился тем, что в нем весьма много статей, годных именно к преподаваемому мною переводу. Все татарско-арабско-персидские книги, преподаваемые мullaми, ведут человека к отступлению от всякого здравого рассудка, а для киргиз, как и для всякого рода людей, надобны такие книги, которые, на понятном для них языке, изъясняют им то, что в ум и мысли при чтении. Собравшись с духом, я попробую перевести какую-нибудь статью из «Детского мира» и пошлю к Вам на показ, если останусь еще жив». ¹ Дальше он говорит, что два его ученика читают «Детский мир», «из которого так же делают переводы».

Это была борьба не только за создание отдельных произведений, а борьба за новое течение, противоположное всей системе старого. Из первого отрывка, приведенного нами из письма Алтынсарина, видно, что «Хрестоматию» на казахском языке он составлял «в видах избежания татарских книг». Из другого письма мы узнаем, что русскую графику письменности для казахов он желает применить для того, чтобы количество чуждых казахскому языку восточных слов уменьшалось, ибо «Все татарско-арабско-персидские книги, преподаваемые мullaми, ведут человека к отступлению от всякого здравого рассудка». Алтынсарин имел в виду под татарскими книгами религиозные книги, напечатанные на татарском языке.

Из всего сказанного видно, что в переводах Алтынсарина воплощены те же демократические просветительские идеи, которым посвящены все другие его произведения — собственные и переводные.

Роль и значение этих первых переводов басен Крылова в общественной жизни казахов можно определить со всей отчетливостью только в совокупности со всеми проявлениями нового в то время, а не изолированно от него. Эти переводы сами по себе еще не отражают достаточно выраженного перелома в какой-либо обла-

¹ Н. Ильминский. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. Казань. 1891. стр. 215.

сти общественной жизни, а являются только элементами того нового культурного влияния, которое проникало в степь в разнообразной форме, и могут быть оценены только на общем фоне всех проявлений плодов этого влияния.

Остановимся еще на одном вопросе, вытекающем из данного анализа. Не являются ли эти переводы самостоятельными творческими произведениями, написанными в подражание басням Крылова, а отмеченные нами расхождения связаны с их оригинальными художественными особенностями? Если бы это было так, то в таком случае неправильно было бы оценивать их достоинства только с точки зрения соответствия или несоответствия оригиналу, так как басни, написанные на одни и те же сюжеты разными баснописцами, почти никогда не выходили одинаковыми, и это считается совершенно нормальным явлением. К анализу таких переводов мы должны подходить с точки зрения их собственных достоинств, а не с точки зрения соответствия содержанию оригинала.

Переводы, анализируемые нами, не являются такими переводами. В отмеченных нами различиях между переводами и оригиналами нет никаких творческих расчетов, хотя эти различия представляют собою отражение жизни казахского народа в известной ее стадии, в стадии крайней отсталости. В то время еще в полной мере не созрели необходимые условия для полного восприятия такого критического элемента в литературе, каким являются басни Крылова. Это с одной стороны. С другой, — замеченные нами отклонения от оригинала являются результатом неумения переводить. Искать какие-то закономерности в этих наивных и запутанных строках бессмысленно. Многочисленные отклонения от оригинала привели к тому, что переводы значительно походят на старые традиционные народные басни.

Метод сравнения их с оригиналами является правильным методом потому, что основными непосредственными факторами, определявшими качество данных переводов, были: во-первых, идейное и художественное влияние переводимых басен и, во-вторых, влияние старого, традиционного в области фольклора вообще.

Первый фактор влиял больше, активнее, так как один только факт выбора этих тем и увлекательная работа над внесением этого нового в мир старого, в значительной своей части оживляющего свой век, сыграли в то время заметную роль в области идеологии и были чувствительным ударом по старым традициям в этой области. Переводимые басни оказывали свое влияние на переводчиков не только своим общим идейным содержанием, но и своими конкретными текстами, построением этих текстов. И в наше время влияние переводимых текстов на переводчика огромно.

Второй фактор, повлиявший на качество переводов, является более слабым, хотя бы потому, что он не останавливает тенденцию к прогрессу, а только ограничивает ее. В дальнейшем этот фактор все больше и больше ослабевает, уступая место первому фактору, — влиянию переводимых басен, т. е. приближению переводов к текстам их оригиналов. Первый фактор в переводах Абая уже

превращается в принцип, определяющий уровень идейности и художественности, а, следовательно, всю сущность этих переводов, и тем самым раскрывает перед нами свое содержание как закономерность. Вот почему анализ данных переводов делается путем сравнения их с оригиналами и продолжается этот принцип и в отношении переводов Абая. При этом здесь имеется ввиду не механическое, а творческое сближение переводов с оригиналами.

Таким образом, первые басни в казахской письменной литературе появились в виде переводов басен Крылова и они отражали определенный прогресс не только в культурном, но и в общественном развитии казахов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОЛЬ БАСЕН КРЫЛОВА В КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX в. И В ТВОРЧЕСТВЕ АБАЯ

Борьба прогрессивного направления с реакционным направлением в казахской литературе XIX века

История экономического и культурного общения казахского народа с русским народом уже исчисляется столетиями. Еще в начале второй четверти XVIII в. хан младшего джуза казахов Абул-хайр принял русское подданство. К середине XIX в. русское подданство приняли все казахи, населяющие территорию нынешнего Казахстана. Русские торговые караваны проходили через заселенную казахами территорию еще до официального принятия ими русского подданства. С первых времен общения обоих народов новые предметы, отражающие высокие достижения культуры, появились в самых отдаленных уголках казахской степи. Вместе с ними туда приходили их названия или вырабатывались для них новые наименования, а некоторые старые начинали приобретать новое содержание. Эти новые предметы не только вошли в быт народа, но и проникли в устное народное творчество: в народные песни, поговорки, пословицы, загадки и т. д. В архиве Института языка и литературы АН КазССР нам встретились три загадки, отгадкой которых является слово самовар. В загадки вошли даже такие вещи, как зонтик, пароход и т. д.

В степь проникали товарно-денежные отношения. Они встречали сопротивление старых патриархально-феодалных отношений и ломали их. В литературе отразилась и эта борьба. Начали возникать промысловые очаги.

Таким образом, в хозяйственной и культурной жизни казахского народа появляется новое направление, которое противопоставляет себя старому, традиционному. Усилилось классовое расслоение среди казахов. В условиях товарно-денежного хозяйства байско-феодалная верхушка населения и духовенство получили возможность еще больше эксплуатировать трудовой народ. Они наступали на жиз-

ненный уровень трудящихся единым фронтом вместе с представителями царизма. Этот двойной гнет привел к еще большему обнищанию трудовых слоев казахского народа, за счет которого шел рост обогащения эксплуататорских классов. Но одновременно с ростом эксплуатации шло и пробуждение самосознания эксплуатируемых. На основе этих социально-экономических факторов развивается борьба между новым прогрессивным и старым реакционным направлениями в литературе — устной и письменной. Во главе прогрессивного направления в казахской литературе стояли казахские просветители-демократы — Ч. Валиханов, И. Алтынсарин и Абай. Это прогрессивное направление отражалось в творчестве и тех акынов, во главе с Джамбулом, которые чувствовали новое в жизни и воспевали его. А реакционные акыны во главе с Шортамбаем отражали идеологию отрицающего феодально-патриархального строя. Представители прогрессивного направления призывали к овладению наукой, к сближению с русской культурой, с русским народом. Представители реакционного направления ориентировались на Восток, проповедовали возврат к старому, отрицая все новое. Одни и те же вопросы жизни представители разных направлений по-разному оценивали и по-разному воспевали.

Песни акынов охватывали те стороны жизни, которыми горячо интересовались все слои населения и которые вносили в эту жизнь новые струи. На этой основе в творчестве акынов определялись известные круги вопросов, о которых все заговорили. Отношения к ним акынов отражали или прогрессивную тенденцию, или реакционную, и по этому признаку акынов разделяли на два лагеря. В круг вопросов, охватываемых литературой, наряду с некоторыми хозяйственными вопросами, больше всего входили вопросы нравственного характера, определяющие поведение людей и факторы, порождающие это поведение. Таким факторами оказались города, базар, торговля, деньги, учение в русских школах, наука, культурное и бытовое общение с русскими и т. д. Среди них одним из самых характерных факторов, в смысле привлечения населения к себе и стимулирования к частому общению с источниками всего нового, был базар, ярмарка, деньги и торговля вообще. Товарно-денежные отношения, проникая во все поры степной жизни, все больше и больше ломали старые патриархально-феодалные отношения. Базары, ярмарки стали даже местом развлечения для казахов. Там устраивались бега, состязания акынов, борьба силачей и всевозможные другие народные игры.

В том же XIX в. в торговый оборот было втянуто такое национальное, ранее считавшееся священным, блюдо, как кумыс. В казахском фольклоре имеется ряд поговорок, подчеркивающих святость всего молочного. В своем быту казахи строго придерживались, например, такого обычая, что нельзя было наступить на то место, где пролило молоко, нельзя было перешагнуть через молоко. Дети, нарушившие этот обычай, наказывались родителями. Продажи молока не было, а когда это явление начало распространяться, то оно старой традицией осуждалось. Поэтому нельзя не усмотреть в фак-

те торговли кумысом значительную ломку не только в быту, но и в психологии казахов.

Необходимо прежде всего заметить, что в степи с первых же дней мусульманское духовенство бойкотировало базар. Для представителей духовенства появляться на базаре считалось позором. Эту силу, разрушающую везде и всюду все старое, не могли не заметить и реакционные акыны. Выражая интересы замкнутого феодально-патриархального строя, они в своих стихах буквально проливали слезы, жалуясь на то, что вот появились города, базары, торговля, деньги и т. п. и все пошло плохо: народ испортился, все хорошее исчезает.

Вот что писал самый видный представитель реакционного направления в казахской литературе акын Шортамбай:

«Мініп көрс көші жоқ,
Сауып ішер сүгі жоқ,
Ақша деген мал шықты.
Киязді көрдің піріндей
Тілашті көрдің біндей,
Дуалды көрдің үйіңдей...
Ендігі байға мал бітсе,
Шайдан басқа асы жоқ»¹.

Шортамбай проклинает деньги, он против распространения торговли. Он говорит: «Появился такой вид скота, как деньги, которых нельзя доить и на которых невозможно ездить». Раньше мерлом всех ценностей был скот, и Шортамбай никак не мог представить себе, чтобы деньги смогли заменить скот. Эти возражения Шортамбая и всех акынов реакционного направления были органически связаны со всей системой их мировоззрения. В деньгах, в торговле они видели источник разрушения старого уклада жизни, изменения поведения людей. Все акыны этого направления хором пели о том, что теперь молодежь не стала придерживаться старых обычаев, женщины пересекают дорогу мужчинам и т. д.

Как же реагировали на торговлю, на деньги и вообще на городскую жизнь акыны прогрессивного направления? На этот вопрос мы находим ответ в стихах великана казахской поэзии Джамбула. В составлении с Кульмамбетом (в первой половине 80-х годов XIX в) он пел так:

«Біздің елдің адамы өнері асқан,
Өнерімен талайдың көңілі басқан.
Жерді көрген, ел көрген, қала барған,
Бір кем емес байыңнан асып, тасқан

Аматанын шәһәрінде
Көк күмбез үйді салдырған,
Қарасаң көзді талдырған

Арғы шетін алтайын:
Қызылжар мен Семейден,
Мына шетін айтқын:
Ташкент пенен Наманған
Әндіжан мен Марғұлап,
Ақша деген неменді
Қалқа салып алдырған.
Жігіттер бар жетілеген,
Орыс қазақ ұжым боп
Тізе қосып бекінген
Бұларды айтсам мақтанып,
Жерім бар ма шалдырған!

Керек болса ақшаны
Көп қапқа салып алдырған².

Қайыры қарашыға сондай жақсы,
Қандырар сусындайтып қант пен шайға»³.

Акын Кульмамбет восхвалял свой род, указывая на то, что у него много скота. Джамбул противопоставил этому другое: раньше гордились тем, что много скота, а теперь гордятся своими деньгами. Джамбул говорил, что у них есть такие всезнающие молодцы, которые бывали в Ташкенте, Намангане и в других городах, что они деньги возят мешками, подружались с русскими и т. д. В данном случае он имеет в виду людей, которые занимались торговлей. Таким образом, Джамбул одобряет торговлю, считает ее полезной отраслью хозяйства, положительно относится к торговым людям, называя их всезнающими молодцами. Он не только воспевае предметы материальной культуры, как, например, города, деньги, «дом с зеленой крышей», чай и т. д., но и охватывает своей поэзией психологию человека нового типа. Живость, поворотливость, находчивость, общительность такого человека нового типа он противопоставляет феодально-патриархальной косности, замкнутости, отсталости и т. д. Здесь мы видим у Джамбула правильное понимание новых отношений в общественной жизни. На это указывал Энгельс, говоря о прогрессивном характере развития России: «Уже одно то, что русское дворянство занимается фабричным производством, спекулирует... одно это — преимущество»⁴.

Идейная позиция Джамбула в этом вопросе противоположна идейной позиции Шортамбая. Они также расходились и по другим вопросам. Данный пример характерен не только для творчества этих акынов, но и для тех направлений, представителями которых они являются.

¹ Жамбыл. Шығармалары. 1946, 68 бет.

² Там же, стр. 64.

³ Там же, стр. 65.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма: Сборник избранных писем, 1932, стр. 52.

¹ Архив ИЯЛ АН КазССР. Произведения Шортамбая.

На эту тему писал и Абай:

Ейбек етсен ерінбей,
Тояды қарның тіленбей.
Егіннің ебін,
Сауданың тегін,
Үйреніп, ойлап мал ізде!

(Если будешь трудиться, не ленись, будешь сыт, не выпрашивая. Земледелию, торговле научившись, обдумывая ищи благосостояние). «Земледелию, торговле научившись»... — этими словами Абай выражает свое положительное отношение к данному явлению.

Приведенные стихи Абая и Джамбула созвучны с произведениями народного творчества на эти темы. Казахская пословица «Базарға бар да, бағанды сына» («Ступай на базар — попытай свое счастье») — зафиксирована в русских источниках еще в 1861 г.² В народном творчестве имеется масса пословиц и поговорок, связанных с базаром, торговлей, деньгами и т. п.

Таковы некоторые характерные моменты общения казахского народа с русским народом по одному только вопросу товарно-денежных отношений. Экономические и культурные связи казахского населения с русским народом еще тогда оставили глубокие следы в области материальной и духовной жизни казахского народа.

Прогрессивная и реакционная тенденции в казахской литературе все больше усиливались, разгоралась борьба между ними. Прогрессивное направление, ориентировавшееся на русскую культуру под влиянием растущей связи с ней, усиливалось, и в конце XIX в., как одно из ярких проявлений этого влияния, появились первые поэтические переводы произведений русской классической литературы.

Переводы Абая на различных этапах его идейно-творческого развития

Переводы ряда произведений русской классики появились еще до переводов Абая, а также параллельно с ними. Однако, как уже было отмечено, они были слабы и в идейном и в художественном отношении. Переводы Алтынсарина были сделаны для хрестоматии и не носили еще вполне выраженного поэтического характера. Слабы были и другие переводы, появившиеся в печати после переводов Алтынсарина. Первые глубоко идейные и высоко поэтические переводы произведений русской классической литературы были сделаны Абаем.

Прежде всего необходимо отметить следующую особенность переводов Абая. Они появились в органической связи с его собственными произведениями, задавая тон последним в идейно-поэтическом отношении. До обращения к переводам у Абая не было каких-либо сложившихся поэтических традиций. Влияние восточной лите-

ратуры на него, не имея почвы под собой в период усиленного влияния русской культуры, быстро исчезало. Дальнейшая творческая деятельность Абая проходила под влиянием русской литературы и, в частности, — этих переводов. Сам процесс перевода послужил для него учебой.

Абай переводил произведения Пушкина, Лермонтова и Крылова, и эта переводческая деятельность охватывает всю его творческую жизнь, т. е. с 80-х годов XIX в. до 1903 г. Ознакомление поэта с русской литературой начинается задолго до этого — с конца 1850-х годов. В 1904 г. Абай умер.

Велико было значение этих переводов для идейно-творческого роста Абая. Нельзя забывать, что они были для него почти единственной активной творческой тренировкой в области освоения русской культуры. Нет сомнения, что идейные и эстетические воззрения Абая вырабатывались в процессе чтения им громадного количества различной русской литературы в течение продолжительного времени. Но также несомненно и то, что впечатления Абая от чтения во многом оставались пассивными, распыляемыми. Те или иные элементы из того, что он читал, находили свое практическое выражение в процессе перевода, и поэт, время от времени проверяя их опытом жизни, обнаруживал в них все новые и новые детали, открывал совершенно новые стороны вопроса. В результате всего этого, по ряду наиболее интересующих его идейных и поэтических моментов, у него остались неизгладимые впечатления, которые иногда служили как бы ядром дальнейшего развития поэта в этом направлении, а чаще всего они оказывались усовершенствованной, отчеканенной формой тех идейных и эстетических взглядов, которые высказывались поэтом в его собственных произведениях. Значение этих переводческих упражнений для Абая было тем более велико, что в то время, в условиях кочевого образа жизни казахов, мало было данных для практического творческого роста поэта в этом направлении. Абай даже не видел многих из тех памятников духовной и материальной культуры, о которых он имел представление по прочитанным книгам. В начале у него встречались огромные трудности в деле понимания самого простого текста читаемых им книг. Он самоучкой выучился русскому языку и русскую культуру осваивал в такой среде, в таких условиях, которые не способствовали этому, а, наоборот, тянули назад. В отношении освоения русской культуры Абай не имел своих повседневных собеседников. В таких страшно тяжелых условиях практическая работа над переводами, несомненно, сыграла большое значение в его творческом росте. Через процесс перевода он шире и глубже усваивал идеи русских классиков.

Переводы Абая ценны еще и в том отношении, что они отражают характер и пути влияния русской классической литературы на казахскую литературу XIX в. В понятие русская классическая литература входит литературное наследие многих русских писателей с различными идейными, художественными, жанровыми и др. оттенками. Все эти оттенки не в одинаковой степени были доступны

¹ Абай. Толық жыйнағы, 1945 ж. 71 бет.

² «Санкт-Петербургские ведомости» № 136, 1861.

для казахской литературы того времени и не одинаково повлияли на нее через творчество Абая. Поэтому мы, говоря о влиянии русской классической литературы, не должны забывать дифференцировать влияние ее отдельных представителей и отдельных сторон. Игнорирование этого факта приводит к неясностям в вопросе о сущности и путях этого влияния. В разрешении данного вопроса во многих отношениях нам помогают переводы Абая.

Говоря о влиянии русской литературы на казахскую литературу XIX в., мы оказываемся перед таким фактом, что из русской классической литературы в XIX в. переведены на казахский язык только произведения Пушкина, Лермонтова и Крылова. Остальные классики не были переведены. Это, конечно, не говорит о том, что их произведения и идеи не оказывали влияния на культурное развитие казахов. Их идейное влияние было огромным. Но конкретных выражений их влияния в виде переводов в казахской литературе не существует.

Непризнание этого приводит к отрицанию роли перевода, как одной из форм идеологии, являющейся отражением действительности. Поэтому рассматриваемый нами вопрос о влиянии упомянутых переводов на казахскую литературу XIX в. не может быть растворен в общем понятии о влиянии русской классической литературы. Он должен быть поставлен как один из значительных моментов этого влияния, имеющих огромное значение для казахской литературы.

Абай, как и все великие мастера художественного слова, упорно и долго работал над совершенствованием своих произведений. Но он еще больше работал над совершенствованием своих переводных произведений. Это и естественно. Его собственные произведения, созревшие на основе родного ему быта и знакомой природы, уже в самом начале приобретают близкое к его воззрениям содержание и естественную, в пределах возможностей данного языка, форму. В переводных произведениях мысли переводчика борются, с одной стороны, с влиянием текста оригинала, с неприемлемой для данных условий формой того нового, что вносится жизнью и, с другой стороны, с влиянием тех идейных и художественных традиций в литературе, которые были выработаны старыми условиями жизни и не могут удовлетворять потребностям сегодняшнего дня. В этой напряженной и длительной борьбе создавались новые и по форме и по содержанию произведения, соответствующие известной стадии идейно-художественного развития самого автора-переводчика. Но идейно-художественное развитие этого автора-переводчика, испытывавшего на себе и отражавшего в своих произведениях те резкие изменения, которые происходили в казахских аулах, росло из года в год. Отражение этого развития мы можем проследить на разных этапах творческой жизни Абая, одним из которых является перевод басен Крылова.

Творческая жизнь Абая была тесно связана с его общественной жизнью и вообще со всей общественно-политической обстановкой того времени. От этого зависело и влияние русской литературы

на него. Абая пленил реализм в творчестве Пушкина, Толстого, Шедрина и других великих русских писателей. Он перевел несколько отрывков из «Евгения Онегина».

В творчестве Абая показано тяжелое положение казахского народа под двойным гнетом — русского царизма и местных эксплуататоров.

Поэт искал выход из этого положения для казахского народа и этот выход он видел в сближении с русским народом, в освоении русской культуры. «Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни, — говорил Абай. — Если ты получишь его, жизнь твоя станет легче».¹ Но народ, окутанный густым туманом отсталости, еще больше культивируемый царизмом, не мог ответить сразу на призы поэта. Видя крайнюю нужду и отсталость народа, не находя в его реальной жизни почвы для осуществления своих благородных идеалов, Абай выразил их в романтизированной форме.

Этот мотив сроднил поэзию Абая с романтизмом Лермонтова. Около тридцати лермонтовских произведений были переведены Абаем на казахский язык. В духе поэзии Лермонтова написаны многие собственные произведения Абая. Он переводит Лермонтова в течение всей творческой деятельности, вплоть до 1903 г., постоянно питая свою поэзию соками лермонтовского протестующего романтизма. Романтизм Абая так же, как и романтизм Лермонтова, был прогрессивным романтизмом. Дружественное отношение русского народа к казахскому народу, уверенность в счастливой будущности своего народа придавали романтизму Абая оптимистическую внутреннюю силу.

Поэзия Абая не остановилась и на этой стадии своего развития. Она так же, как и поэзия Лермонтова, развивалась дальше по пути реализма. Абай от романтического призыва перешел к другой форме борьбы — к борьбе с помощью острой сатиры.

Лишенный возможности бороться против царизма физически, казахский народ встал на путь умственной, идейной борьбы с ним. Такое стремление народа имело широкую и глубокую основу для своего развития в благотворном влиянии материальной и духовной культуры русского народа. Просвещение стало лозунгом для всех прогрессивных элементов, отражающих интересы народа. Жизнь шла вперед. Она развивалась и изменялась. Явления, связанные с жизнью народа, меняли свое содержание, меняли свои формы. Изменялись экономические и бытовые условия жизни народа, внутренний мир людей, в том числе и Абая. Изменялись содержание и формы его поэзии.

На почве ряда общественных и личных неудач к концу своей жизни Абай еще больше разочаровался в своих надеждах на исправление тех людей, которые в его глазах были носителями зла. Он отдаляется от них, срывает даже с теми, которые имели с ним родственную связь. Они становятся настоящими врагами его и тех идей, за которые поэт боролся всю свою жизнь. Он понял,

¹ Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы, 1940.

что надо бороться с этими людьми, так как они становились более открытыми и наглыми врагами.

В такой борьбе с врагами недостаточными оказались старые стихи Абая. Недостаточны были и его немногочисленные стихи сатирического характера. Настоящая, гневная борьба с врагами требовала новой, более доходчивой формы и острого содержания поэзии. Этой новой формой поэзии, соответствующей качественно выросшим идеям, оказалась острая сатира. Надо было не уговаривать и не призывать, а высмеивать носителей общественных пороков.

Такое направление поэзии Абая соответствовало жизненным условиям того времени. Среди народа, еще больше усилившего свое сопротивление упорному натиску врага — царизма и его ставленников и подбавляемого новыми духовными веяниями русской культуры, росло критическое отношение к окружающей действительности. Сатира явилась испытанным средством проявления критического отношения к жизни. «Басня, как жанр, возрождается именно тогда, когда возникает общественная потребность в сатире, в формах массовой народной литературы.¹ Самой приемлемой формой сатиры для Абая оказались басни Крылова.

Таким образом, переводы Абая из русской классической литературы, во многих отношениях характеризующие влияние этой литературы на него, составляют несколько этапов в его творчестве. Последним из этих этапов является идейно-творческое влияние на Абая басен Крылова. Анализ переводов Абая из Пушкина и Лермонтова не входит в задачу данной работы, но необходимо заметить, что распространение переводов произведений Пушкина и Лермонтова среди казахского населения в дальнейшем не получило такого сильного развития, как это мы видим в отношении переводов басен Крылова. Распространение басен Крылова беспрерывно росло, охватывая все стороны духовной жизни народа, доходя до самых отдаленных уголков степи.

Влияние переводных произведений в целом связано с теми условиями в жизни народа, которые определяли состояние всей казахской литературы того времени. И влияние на творчество Абая является лишь выражением этого влияния на казахскую литературу вообще. И в этом смысле, т. е. в смысле широкого влияния на казахскую литературу, а не только на творчество Абая, переводы басен Крылова представляют собою, несомненно, наиболее широко распространенное, массовое явление в казахской литературе той эпохи.

Общие идейные мотивы в творчестве Абая и Крылова

Басни Крылова являются воплощением огромного сатирического опыта, и их идейное содержание тесно связано с ранним периодом его деятельности. Крылов показал себя именно как баснописец. Басни являются высшей стадией всей его литературной дея-

тельности. Переход его к басенному жанру Гоголь оценил так: «Выбрал он себе форму басни, всеми пренебреженную, как вещь старую, негодную для употребления, и почти детскую игрушку — и в сей басне умен сделать народным поэтом... Тот ошибается грубо, кто назовет его баснописцем в таком смысле, в каком были баснописцы Лафонтен, Дмитриев, Хемингер, и, наконец, Измайлов. Его притчи — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа».²

Именно своими баснями Крылов приобрел славу первого народного поэта в русской литературе и получил признание в литературах других народов России. Белинский так писал о баснях Крылова: «Число читателей Крылова беспрерывно будет увеличиваться, по мере увеличения числа грамотных людей в России... Со временем его будут читать весь народ русский. Это слава, это триумф! Из всех родов славы, самая лестная, самая великая, самая неподкупная слава народная».³ В эти слова Белинского жизнь вложила новое, несравнимо широкое содержание. Басни Крылова сыграли огромную роль в культурном развитии и других народов России. Теперь их читает не только весь русский народ, но и все народы Советского Союза.

Угнетенные народы царской России обращались к Крылову еще в ранний период своего культурного развития и особенно в период усиления гнета царизма. Особенно усиленный перевод басен Крылова на языки народов Средней Азии наблюдается именно в последней четверти XIX в., когда угнетение народов приняло более резкий характер. Народы видели в баснях Крылова острое оружие борьбы против произвола царизма и местных эксплуататоров. И в этих своих расчетах они не ошибались — басни Крылова действительно стали одним из средств борьбы в руках угнетенных народов царской России.

В казахской литературе басни Крылова оказывали влияние на прогрессивные элементы еще задолго до абаяевских переводов. Это было видно из анализа первых переводов басен. Но более высоким этапом освоения литературного наследия Крылова в казахской литературе являются переводы, сделанные Абаем.

В то время, когда Абай переводил басни Крылова, в различных изданиях распространялись басни многих других русских и иностранных баснописцев. Но Абай их не переводил, а переводил басни Крылова, ибо они отличаются от басен других баснописцев своею сатиричностью и народностью. Это значит, что Абая нужна была не басня вообще, а именно сатирическая и народная басня. Эти два качества басен Крылова друг друга не исключают, а, наоборот, предполагают. Основа его сатиры лежит в самом народе. Эту основу отметил еще Пушкин, называя его веселым лукавством ума, насмешливостью и живописным способом выражаться. Он

¹ Н. В. Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии. Собр. сочинений, т. VI. 1941, стр. 457.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII. 1926, стр. 506.

³ Н. Степанов, И. А. Крылов. 1944, стр. 46.

писал: «Некто справедливо заметил, что простодушие (haireté, bonhité) есть врожденное свойство французского народа: напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться. Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов».¹

Другим основным фактором, имевшим решающее значение в деле распространения влияния басен Крылова в национальных литературах, в том числе и в казахской литературе, является народная основа этих басен. Крылов «больше всех наших писателей, кандидат на звание еще не занятое на Руси место «народного поэта»; он им сделается тотчас же, когда русский народ весь сделается грамотным народом. Сверх того, Крылов продолжит и другим русским поэтам дорогу к народности»;² — писал Белинский. Крылов действительно занял это место «народного поэта».

Крылов выразил в своих баснях веками накопленный житейский опыт русского народа. Этот опыт, получивший наглядную, доступную всякому форму в баснях Крылова, был понятен и казахскому народу. Чуткий к запросам своего народа, точно отражающий его интересы и в то же время жадно ищущий в русской литературе духовной пищи для удовлетворения растущих запросов народа, Абай верно угадал это свойство басен Крылова. Народность басен Крылова в русской литературе не исключала, а, наоборот, предполагала их народность и в литературах других народов. Они были понятны казахскому народу именно потому, что выражали житейский опыт, практический ум русского народа. «Крылов выразил — и, надо сказать, выразил широко и полно, одну только сторону русского духа — его здравый, практический смысл, его опытную житейскую мудрость, его простодушную и злую иронию».³

Житейская мудрость свойственна всякому народу. Народ, который не успел эту мудрость в большой степени выработать сам, мог освоить ее, когда она была выработана другим народом. Эта сторона русской жизни была самой доступной частью всей русской духовной культуры для тех народов, которые переживали первоначальный период своего культурного развития. Для казахского народа первой стадией его культурного развития было освоение именно этой самой доступной стороны русской культуры.

Народ, занимающийся у развитого в промышленном отношении другого народа достижения культуры, не во всякое время и не все может воспринимать. Это он может делать только в той мере, в какой подготовлен к этому. Бывают такие стороны жизненного опыта, которые для слабо развитых в культурном отношении народов в течение известного периода остаются мало доступными. Вот почему казахская литература XIX и XX вв. (дооктябрьская)

не могла освоить литературное наследие Пушкина в такой же мере, в какой она освоила литературное наследие Крылова, так как в поэзии Пушкина «...отразилась вся Русь, со всеми ее субстанциональными стихиями, все разнообразие, вся многосторонность ее национального духа».⁴

Басни Крылова были доступны всем слоям населения. По словам самого автора, «этот род понятен каждому: его читают и слуги и дети».⁵

Кроме того, басни Крылова соответствовали интересам данной стадии развития казахского народа еще и тем, что Крылов их писал с точки зрения идей XVIII в. «В баснях Крылова яркими сатирическими красками показана старая дореформенная Россия».⁶ Его «общественные взгляды и литературные воззрения... сложились еще в восьмидесятых — девяностых годах бурного и плодотворного XVIII века. Крылов воспитался на свобододобивной философии века просвещения. Этим в значительной мере объясняются просветительски-моралистические истоки и тенденции творчества Крылова».⁷ Крылов и в XIX в. во многих отношениях остается представителем XVIII в. Новое, остро сатирическое содержание его басен, обусловленное более обостренными условиями жизни в XIX в., дано в известной мере с позиций просветительства XVIII в. Данная особенность этих басен сделала их связующим звеном между русской и казахской литературами в конце XIX в. и в начале XX в. Казахская литература переживала начальный период просветительства, и ее дальнейшее развитие в значительной мере находило свое выражение в баснях Крылова. Их содержание точно совпадало с просветительскими воззрениями Абая в тот момент, когда последний идейно окреп, пройдя суровый путь социальной борьбы. Его переход к такому, более высокому этапу борьбы был подготовлен всей его предшествующей деятельностью.

Обращение к басням Крылова — новый этап в творчестве Абая

Через двадцать лет после выхода в свет «Киргизской хрестоматии» Алтынсарина с первыми переводами басен Крылова, в 1898 г. появляются переводы Абая Кунанбаева. Он переводит следующие басни Крылова: «Ворона и Лисица» («Түлкі мен қарға»), «Дуб и Трость» («Емен мен шілік»), «Крестьянин в беде» («Қазаға ұрыған қара шекпен»), «Бедный богат» («Жарлы бай»), «Осел и Соловей» («Есек пен бұлбұл»), «Вороненок» («Бүркіт пен қарға»), «Стрекоза и Муравей» («Шегіртке мен құмырсқа»), «Музыканты» («Әншілер»), «Пестрые овцы» («Ала қойлар»), «Лягушка и Водяной» («Бақа мен өгіз»), «Слон и Мышь» («Піл мен қандан»). Всего поэтом было переведено одиннадцать басен; двенадцатая басня

¹ А. С. Пушкин. Собр. сочинений, т. V. 1936, стр. 21.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VIII. СПб., 1907, стр. 426.

³ В. Г. Белинский. Собр. сочинений в 3-х томах, т. 2, стр. 711, 1948.

⁴ В. Г. Белинский. Собр. сочинений в 3-х томах, т. 2, стр. 711, 1948.

⁵ Там же.

⁶ Н. Степанов. И. А. Крылов. 1944, стр. 31.

⁷ Там же, стр. 34.

Абая «Есек» только по названию совпадает с басней Крылова «Осел», а по своему содержанию она близка к его другой басне — «Мешок».

Таким образом, судя по обнаруженным печатным переводам басен Крылова, получается, что только в XIX в. одна басня его переведена три раза и две басни — по два раза: «Ворона и Лисица» переведена Алтынсариним в 1879 г. и Абаем в 1898 г. в двух вариантах; «Стрекоза и Муравей» — Каламбаевым в 1894 г. и Абаем — в 1898 г.; «Пустынник и Медведь» — Алтынсариним в 1879 г. и неизвестным автором — в 1895 г. Из этих переводов два — произвольные.

Басенные переводы Абая были совершенно новыми произведениями в его творчестве. Они резко отличаются от всех его произведений по своим темам, так как относятся к животному эпосу. Ранее в произведениях Абая животный эпос не имел места. Не было у него ни переделок фольклорных материалов, ни собственных произведений связанных с животным эпосом. Его собственные произведения были далеки от жанра басен. Кроме того, басни для Абая новы, как широкие обобщения социальных пороков. В этом отношении они превосходят все ранее написанные Абаем произведения.

Перевод басен Крылова Абаем означает переход его к новым, необычным для него поэтическим темам, переход от более узких к более широким обобщениям социальных пороков.

Басня абсолютно нова для поэзии Абая по своей форме. Маленькие сценки с разнообразными действующими лицами, построенные на разносторонних индивидуальных характеристиках этих лиц, на диалогах, бытовых и природных картинках; сценки с моральными вступлениями и концовками — таких сложных произведений по своим построениям Абай никогда не писал и не переводил. Его собственные стихи в основном написаны без всяких сложных приемов. По своим построениям они несравнимо проще, чем переведенные басни. Перевод басен Крылова означает в творчестве Абая переход не только к новым формам, но и к новому жанру поэзии. Изменился и тон его поэзии. В поэзию Абая вошли произведения, написанные на новые темы, в новых формах, с особыми идейными качествами, изменив его творческое лицо. Важно отметить, что Абай переводил басни в конце своей творческой жизни — в течение одного года.

Басни Крылова реалистичны по своей природе. Они органически слиты с народной жизнью. Абай перешел именно к тому, в высшей степени реалистическому роду поэзии, и этот переход создает в его творчестве резкий контраст, убивающий всякое сомнение по поводу глубокой жизненности влияния на Абая басен Крылова.

В своих переводах Абай еще шире и глубже развивал те просветительские идеи, которые он воспедал ранее. У Абая есть ряд стихов, в которых он превозносит поэзию:

Стихи — жемчужины меж слов, в них блеск владык...

Творить из хаоса мира мудрец привык:
Да вселят они сердца, да нежат слух,
Да будет им упоен и горд язык.¹

Он превозносит поэзию, как великую общественную силу.

Мен жазбаймын өлеңді ермек үшін,
Жоқ, барды ертегіні термек үшін.
Жағдым үлгі жастарға бермек үшін.²

(Я не пишу стихов для забавы. Нет, я не для того, чтобы небывалые анекдотичные собирать. Я пишу для того, чтобы дать пример молодежи), — поет он.

Превознося поэзию, он в то же время критикует старую традицию в поэзии:

Зато в словах «Аят» и «Хадис» — пой каждый слог!
В них первозданность, и они стиха залог.
Не будь великолепия в них и красоты,
Ужели бы выгрезел их бог и рек пророк?

Читает проповедь свою старик-мулла,
В ней слиты возгласы святых, скорбь и хвала;
Стремился каждый богослов по мере сил,
Чтоб форма лучшая из всех их облекла.³

В этом отрывке Абай критикует восточные религиозные традиции в казахской поэзии. Залогом стиха, — говорит он, — считают то, что стих наполняют божьими словами и словами пророка.

Из 11 басен, переведенных Абаем, две — «Соловей и Осел» и «Музыканты» — говорят об отношении Абая к поэзии. Это не случайное явление. Оно имеет органическую связь с его выше приведенным взглядом на поэзию. Но этот взгляд на поэзию здесь уже дан не в виде иронии по адресу представителей противоположных взглядов, а в виде острой сатиры на тех, кто поэзию понимает по-старому. Здесь идея Абая не та же самая, какой она была в первом случае. Это уже идея, поднимающаяся на новую качественную ступень, не связанная с узконациональными фактами. Форма ее стала острой, доходчивой.

Басню «Музыканты» Абай принимает как сатиру на бездарных поэтов.

Идея социальной значимости поэзии в переводах басен Крылова развита Абаем до своей высшей стадии в его творчестве. Абай высмеивает в своих переводных баснях бахвальство, кичливость, тупость, ротолезство, праздность, косность, жадность, корыстолюбие и т. д. Он призывает к трудолюбию, скромности, просвещению, поворотливости, честности и т. п. Подобные темы в собственных

¹ Абай Кунанбаев. Лирика и поэмы. Госполитиздат, М., 1940, стр. 62.

² А. а. б. Тол. жыйн. 1945, 77 б.

произведениях Абая настолько развиты, что нет надобности много говорить об этом.

Они соизучены с теми просветительскими идеями, которые вложены в басни Крылова. Эти темы являются узловыми темами в творчестве обоих поэтов, что и сроднило их поэзию.

Благодаря обращению к творчеству Крылова, поэзия Абая поднялась на новую качественную ступень и в этих вопросах. Этот подъем можно показать на примере перевода басни «Пестрые овцы». В нем Абай отражает отношение царизма к казахскому народу. Это высший момент социальной направленности в творчестве Абая, когда оно начинает приобретать ярко выраженный политический характер. Абай идейно вырос. Некоторые факты, раскрывающие подобное содержание переводов Абая, будут приведены ниже.

Распространение басен Крылова — новый этап в казахской литературе того времени

Этот новый этап в творчестве Абая, связанный с баснями Крылова, ознаменовал собою переломный момент в истории казахской литературы. Он совпадает с периодом усиления общественно-политического движения в России перед первой русской революцией, когда стало нарастать рабочее движение и начали пробуждаться к политической жизни национальные окраины.

В это время обстановка значительно меняется и в казахской степи, по сравнению с тем, какой она была пятнадцать лет тому назад, когда Абай начал систематически заниматься поэзией. Больше стало промысловых очагов, усилилась связь казахского населения с городами. Торговые люди и люди, связанные с промыслами, начинают появляться и среди самих казахов. Все больше и больше становятся казахов, получивших образование в русских школах. Усиливается классовое расслоение среди населения.

Жизнь становится значительно оживленной, особенно вокруг городов и других торговых и промысловых центров.

Говоря о переломном моменте в казахской литературе, следует исходить из этих конкретных условий. Не следует игнорировать значение культурных очагов и пробуждающихся под их влиянием людей. Они имели огромное значение для дальнейшего, более усиленного разложения устоев патриархально-феодалного строя. Этот вопрос для Казахстана имеет особую значимость потому, что ввиду необъятности территории и слабости средств связи в то время, культурное развитие его имело сугубо областной характер. Будут правильно поняты и вопросы литературы, если на них смотреть с этой точки зрения. При таком подходе к вопросу совершенно понятны, например, истоки демократических взглядов Джамбула. Он вместе со своим родом жил недалеко от Аляма-Аты и постоянно общался с центром всего нового. Среди его родичей все больше становилось людей, тяготеющих к новому образу жизни. Кое у кого стало меньше скота, больше денег и другого недвижимого имущества. Неда-

ром некоторые акыны упрекали Джамбула в том, что его род беден. Джамбул раньше многих акынов почувствовал классовое расслоение среди казахов, и условия жизни, в которых он вращался, направляли его творчество по новому прогрессивному пути.

С этой точки зрения становится совершенно понятным крутой перелом в казахской литературе, начинающийся с последнего периода творческой жизни Абая. Басни Крылова начали широко распространяться в казахской литературе в самый ответственный момент ее развития, когда она была на перепутье между старым и новым. Переводные басни Абая, сливаясь с другими печатными и рукописными переводами басен Крылова, стали реалистическим ядром формирующейся казахской литературы. Они были противопоставлены старым традициям в казахской литературе — шаблону, тяготенно к восточной поэзии, религиозной схоластике, примитивности в поэзии и т. д.

Эти новые произведения кристаллизовали вокруг себя фольклорные материалы, превращая их в средства казахской письменной литературы. Они многие сокровенные мысли казахского народного творчества подняли до уровня поэзии. По словам Белинского, «...басня в отношении к поговоркам и пословицам, есть высший род, высшая поэзия или поэзия народных поговорок и пословиц, дошедшая до крайнего своего развития, дальше которого она идти не может.» Мысли, заключенные в этих переводных баснях, раньше можно было выразить, например, следующими пословицами: «Өзін өзі мактаған, өлімнен тен» («Хвалить самого себя — равно смерти»); «Адамның өзі тойса да, көзі тоймайды» («Человеческие глаза не насытятся и тогда, когда человек сам насытится»); «Еңбек етсең өмерің» («Труд к благу приведет»); «Бұл койды қасқыр баққанмен тен» («Это равносильно тому, что овец волки будут пасти») и т. д.

Теперь вместо этих пословиц можно было рассказать, или продекларировать, или спеть, или сыграть небольшую, в высшей степени живую, доходчивую сценку под названием «Слон и Мыська», «Бедный богач», «Муравей и Стрекоза», «Пестрые овцы» и т. д. В последнем случае, по сравнению с первым, создавался колоссальный идейно-сатирический и эстетический эффект. К каждой переведенной басне можно найти такого же содержания казахские пословицы и поговорки, и не по одной.

Сатирические переводы Абая развивали гражданские мотивы в казахской литературе. Это новое идейное направление в ней, отражая стремления русской общественной мысли, решительнее, чем раньше, стало наступать на всю старую систему жизни, вплоть до самого царизма. Оно смелее отстаивало интересы народных масс.

С приливом свежей струи, связанной с распространением басен Крылова, идейно выросла вся новая казахская литература. Она стала заметной силой в деле воспитания людей, критические настроения в отношении старого образа жизни. Сила этого нового реа-

¹ «В. Г. Белинский о Крылове», 1944, стр. 13.

листического и критического направления в казахской литературе лежала глубоко в жизни народных масс.

Влияние не ограничивалось одними переводами. Распространялись басни Крылова и на русском языке через учителей. Их в оригинале читали казахи, знающие русскую грамоту. Все это также сыграло большую роль в деле распространения этих басен среди казахского населения. Позднее они стали еще более популярными, и распространением их в народе занимались такие прогрессивно настроенные учителя, как Кубеев, Отелуевы и другие.

Все больше распространяясь, басни Крылова стали острым оружием в руках казахской демократической общественности в борьбе против буржуазных националистов, безуспешно пытавшихся использовать их в своих интересах.

Все эти моменты распространения басен Крылова в казахской литературе зносят предельную ясность в вопрос о значении переводных басен Абая. При разборе этих переводов нельзя на них смотреть только с точки зрения Абая. Отношение Абая к переводам больше всего характеризует идейный уровень самого Абая, его идеологию, мировоззрение, но не показывает полностью значения, роли этих литературных произведений. Значение же их надо определять, исходя из данных конкретных условий, взяты во времени, в развитии. Один и тот же перевод какого-нибудь произведения в различных условиях приобретает различное значение. Это подтверждается историей распространения среди народа переводов самого Абая. Его переводы позже стали такими объектами, вокруг которых кристаллизовалось общественное мнение с различными политическими оттенками, с различной остротой в различное время. Это значит, что самое значение их развивалось, расширялось и углублялось в зависимости от внешних условий, от уровня развития народа, от сложившихся экономических, политических, культурных и иных условий.

Широкое распространение басен Крылова среди казахов лишь один раз подтверждает их жизненность и народность. Они часто служили острым оружием в политической борьбе. Недаром ими так широко пользовался В. И. Ленин и пользуется товарищ И. В. Сталин.

Переводы Абая являются неоценимым вкладом в казахскую литературу не только по своей идейности, но и по художественным качествам. Отмечая высшие поэтические достоинства басен Крылова, Белинский писал: «...теперь никто не сомневается, что басня есть поэтическое произведение, а баснописец — поэт, который местами даже может, так сказать, выходить из ограниченного характера басни и впадать в высшую поэзию, смотря по предметам своих изображений. Так, например, сколько идиллической поэзии в этом описании песни соловья:

Зашелкал, засвистал,
На тысячу ладов тнянул, переливался,
То нежно он ослабевал,
И тоной вдалеке свирелью отдавался,

То мелкой дробью вдруг по щеке рассыпался.
Внимало все тогда —
Любимцу и пещу Аврору:
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры
И прилегла стада.
Чуть-чуть дыша, пастух им любовался,
И только иногда,
Внимая соловью, пастушке улыбался.

Или вот это описание бури, которым так поэтически замыкает басня «Дуб и Трость» и которое наши классики с такою гордостью выставляли как образец высокого слога:

Вдруг мчится с северных сторон,
И с градом, и с дождем, шумящий аквилон,
Дуб держится, — к земле тростиночка принало.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел, — и вырвал вон
То, что небесам glavой своей касался
И в область теней пятой упирался!¹

Для сравнения приведу эти же отрывки в переводе Абая:
Перевод отрывка из басни «Осед и Соловей»:

Өнерге салды бүлбүл сонда акыратып,
Шыңғыртып, шымыратып, сорғалатып,
Мың түрлі күйге салып толқытады,
Маңайда жан біткенді тамыратып.

Кой жатыр, койшы тындап тұрды елбіреп
Көзіне қып-қызыл боп жас мөлдіреп.
Жел соқпай, қыс шуалай бәрі жым-жырт
Эңге көңді жіберіп тұрды елжіреп.

Перевод отрывка из басни «Дуб и Трость»:

Кавказға бір қап-қара бүт міні.
Естіп тұрған кісідей, тау күңренді.
Жер дүнінен шап, туман қабап басып,
Ойнак қағып, құтырып дауыл келді.

Арты бұршақ, алды шап, жел құтырды,
Шілкі жерге бас ұрып, емен тұрды.
Басы көкке, сыйрағы жерге есе де,
Ақырып долданғанда алып ұмсы.

Переводы удивительно совпадают с оценкой Белинского в рамках казахской литературы. Каждый из приведенных отрывков — это не отдельное образное выражение или фраза, а целая поэтическая картина, в первом случае — пеня соловья при стаде и пастухе, и во втором — сильной бури, вырвавшей гордый дуб, упавший головой в небо и «вкопанный ногами в землю».

Поэтическую силу этих картин еще больше усиливает контекст, в котором они даны. Самое главное, что поднимает их до уровня

¹ «В. Г. Белинский о Крылове», М., 1944, стр. 13 — 14.

вышей поэзии — это их социально направленное содержание. Это не мертвая картина природы или отдельное действие, а картина, тесно связанная с общественной жизнью и глубоко проникнутая благородными человеческими чувствами. В этом смысле эти переводы представляют собой самодородные слитки поэтического дара, и по художественной силе нет им равных произведений в казахской литературе не только XIX в., но и XX в. вплоть до самой Октябрьской социалистической революции.

Эти шедевры казахской поэзии лишены раз подтверждают правильность доказываемого нами положения о том, что Абай следовал Крылову во всем, в чем только это было возможно. Этим именно и объясняется тот факт, что Абай создал лучшие образцы казахской поэзии своими переводами именно тех мест басен Крылова, поэтическое качество которых отметил Белинский. Нет сомнения, что такая высокая поэтичность данных отрывков перевода достигнута не только под общим идейно-художественным влиянием русской литературы и басен Крылова, но и под непосредственным поэтическим воздействием конкретного текста этих басен.

В переводах Абая в отдельных фразах часто встречаются образы литературных средств, созданных под влиянием текстов Крылова. Приведу один пример:

«Чуть легкий ветерок подернет рябью воду.
Ты зашатаешься, начнешь слабеть».

Эти строки из басни «Дуб и Трость» Абай переводит словами «Жел бұлқ етсе тебесін злленшекті» — «Если ветер подернется рябью, ты в качалки играешь». Это текстуально не точный, но по смыслу точный перевод. В переводе ветерок не воду подернет, а сам дергается рябью. В этом переводе надо отметить два момента. Во-первых, весь текст перевода состоит из одной идиоматической фразы, совершенно естественной для казахского языка в данном случае, но не существующей вообще как идиома. Она создана переводчиком при переводе данного текста, и благодаря применению этой идиомы перевод сделан сокращенно и художественно. Идиома эта создана не в результате того, что переводчик вообще искал адекватные оригиналу понятия, а под непосредственным влиянием данного текста. В этом не оставляет сомнения то ее место, где говорится «...ветер подернется рябью» — это словосочетание составлено в результате как бы образного калькирования выражения «Чуть ветерок подернет рябью воду».

Басни Крылова в различных областях духовной жизни казахского народа

Абай перевел басни Крылова в конце XIX в. (1898), а массовое распространение среди населения они получили в начале XX в., все шире и глубже проникая во все отрасли духовной жизни казахского народа. Они создали определенное, широко распространенное течение в казахской литературе того времени.

Переводы Алтынсарина и Абая печатались и печатаются до сих пор во всевозможных учебниках для детей. Велико их значение в деле просвещения казахского народа. Басни Крылова вошли в первую во всей истории казахского народа хрестоматию. Переводные и оригинальные произведения Алтынсарина, включенные в эту хрестоматию, являются первыми произведениями казахской детской литературы, а сам Алтынсарин — ее основоположником. Знаменителен тот факт, что переводы басен Крылова оказались в числе этих первых произведений казахской детской литературы. Таким образом, эти переводы связаны с историей развития народного образования среди казахского народа и с историей казахской детской литературы с самого начала их зарождения.

Но содержание переводов Абая далеко выходило за рамки этой скромной задачи распространения просвещения и воспитания детей. «...Сатира и ирония — вот ее главные качества», — писал Белинский, говоря о качествах басни. Сатирическое качество басен Крылова со всей остротой выявилось в применении их к фактам жизни казахов. В обостренной обстановке, после первой русской революции, они стали лозунгами, мобилизующими народ на борьбу против царизма и против казахских эксплуататоров.

Басня Крылова «Пестрые овцы» является одной из сатирических басен, направленных против царского самодержавия. Сатира ее была настолько явной, что царская цензура не допустила эту басню к печати, и она при жизни автора не смогла увидеть свет. Эту басню Абай тоже принял как сатиру против царизма, и в этом значении она стала усильно распространяться среди народа, а в стихах некоторых писателей того времени отразилась как лозунг. Поэт С. Торайгыров, описывая угнетение царизмом казахского народа, писал:

«Жеріне, елдігіне эм дініне
Құрылған талай тұзақ, талай қақпан,
Ақылмен ала қойды көбейтуге
Қойшы боп ала менен қасқыр баққан?»

(очень много петель и капканов наставлено, чтоб отобрать у него (казахского народа, С. Н.) земли, уничтожить его как народ и уничтожить его вероисповедание. Чтобы умючи размножить пестрых овец, их медведи и волки пасут).

Другой казахский писатель С. Доентаев писал так:

«Кез келіп арыстанның арбауына
Тап болдым қу түлкінің алдауына
Бірі ойнап, бірі шыдап итермелеп,
Тықсырды жердің биік жарлауына.»

(Я попался льву в обворование, меня настег обман плутовки лисы. Один шутя, другой всерьез, подталкивая, меня завели в безвыходный тупик).

¹ В. Г. Белинский. Собр. сочинений в 3-х томах, т. 2, 1948, стр. 716.

² Архив Института языка и литературы АН КазССР. Сочинения Торайгырова.

³ В том же архиве. Сочинения Доентаева.

В эти произведения А. Тажиаева ясно видно, что эти «дубы» и «буры» — крыловские, так как в казахской письменной литературе такого традиционного образа нет. Сила бури не противопоставляется силе дуба и в фольклоре. Это яркий пример того, что образы из переводов басен Крылова стали поэтическими средствами в современной казахской поэзии. Образы, в своем зачатке имевшиеся в фольклоре, но в письменной литературе закрепились под влиянием переводов басен Крылова, встречаются часто. Ясно, что многие моменты из басен Крылова вошли в казахскую литературу через такие факты, которые в какой-то мере ранее имели место в жизни народа и развивались дальше под этим влиянием.

Тончайшие оттенки влияния басен Крылова своими корнями уходят далеко в глубь духовной жизни народа. Отрывки из басен рассыпаны везде и всюду в виде пословиц, поговорок и просто метких выражений, применяемых в различных вариантах с различными оттенками, в зависимости от тем разговоров и даже от профессий лиц, их произносящих.

Переводы басен Крылова использовались в виде драматических сценков, превращались в сказки. Ими решались споры серьезного характера. Они воспитывали людей идейно и оказывали на них огромное эстетическое влияние.

Факты говорят о том, что переводы басен Крылова органически вошли в жизнь казахского народа в разнообразнейших оттенках своего содержания и многогранности формы и стали тем реалистическим и особенно сатирическим ядром, вокруг которого формировалось одно из самых лучших качеств молодой казахской литературы — критический реализм. Влияние переводов закреплялось общим идейным влиянием творчества Крылова через оригиналы басен.

Анализ басенных переводов Абая раскрывают новые детали в его творчестве. Они уточняют наше отношение к наследию Абая. До сих пор творчество Абая не рассматривалось в его развитии: произведения его брались как единая масса. Факты говорят об идейном росте Абая, обусловившем различные этапы в его творчестве. Последний этап, анализируемый нами в данном случае, еще больше приближает Абая к нашей современности. Он опровергает ложное представление о том, что Абай только призывал, говорил с першны скал, и эхо ему отвечало...

Этот новый этап в творчестве Абая также опровергает ложное представление и о том, что будто бы Абай в свое время был одинок. Абай в своих произведениях отражал то, что назрело в жизни и проявление чего принимало уже массовый характер в той или другой форме. Еще задолго до Абая влияние русской материальной и духовной культуры глубоко проникло в казахский фольклор. Абай в казахской литературе того времени был вместе с демократически настроенными акынами во главе с Джамбулом, вместе со всеми переводимыми людьми своего времени, среди которых распространение басен Крылова было массовым явлением. Абай был вместе со всеми критически настроенными казахами, с такой жад-

ностью читавшими его произведения, в том числе и переводы. Он был, наконец, вместе со всем казахским народом, условия жизни и интересы которого вызвали такой новый подъем в литературе.

В идейно-творческом влиянии Крылова на казахскую литературу решающее значение имеют переводы Абая — благодаря их высокому идейным и художественным качествам.

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ АБАЯ

Тексты переводов

В казахских публицистике и литературоведении имеются противоречивые данные о переводах Абая. Во-первых, разными авторами по-разному определяется количество переведенных басен. С. Муканов считает, что Абай перевел 13 басен Крылова. То же самое пишет С. Бабинцев.¹ Причем он указывает на такие подробности, что якобы в дореволюционных изданиях Абая печатались переводы 10 басен, и в издании 1922 г. дополнительно включены переводы еще трех басен. Последний факт совершенно не соответствует действительности. Во всех изданиях сочинений Абая, вплоть до 1940 г., печатались двенадцать переводов (включая «Есек»), а в издании 1940 г. дополнительно включен еще один вариант перевода басни «Ворона и Лисица». По материалам М. С. Сильченко, Абасем переведено 11 басен, а двенадцатая — «Есек» («Осел»), не является переводом в полном смысле этого слова. Одна из 11 басен — «Ворона и Лисица» — переведена в двух вариантах («Түлкі мен қарға» и «Қарға мен түлкі»), но второй из них он не считает самостоятельным переводом на том основании, что эти варианты якобы очень сходны. С этим нельзя согласиться, так как между этими вариантами столько различий, что они вполне могут считаться самостоятельными переводами. Таким образом, надо считать, что у Абая имеется 12 переводов двенадцати басен и одна басня, написанная им самим в подражание Крылову. И в первом издании произведений Абая, и в «Рукописях Мурсента» эти тексты басен озаглавлены «Перевод из Крылова», «Лягушка и Вол. Крылов», «Из Крылова», «Крылов» и т. д. Дата 1898 г. поставлена после первой басни и подразумевается, что эта дата относится ко всем переводам. Знаки препинания нигде не применялись, за исключением звездочек, проставленных между соседними строками как разделительный знак. Составители придерживались стихотворного порядка написания. Как и на собственных произведениях Абая, на переводах басен имеются следы влияния татарского языка на казахскую литературу. В старых изданиях и в рукописях это влияние в основном выражалось в татарском написании сходных казахских слов, как, например, казахское слово «жаңа» писалось и произносилось по-татарски «яна». Однако незначительные следы этого влияния — отдельные татарские слова, как, например, слово «шарға» («кушать»), в переводе басни «Вороненок» остаются до сих пор.

¹ И. А. Крылов. Исследования и материалы. 1947, стр. 278.

Эти последние факты имеют известное значение в том отношении, что они характеризуют общий уровень казахской литературы того времени, где даже собственные казахские слова среди тех же казахов производились по-татарски, или произведения русской литературы переводились на казахский язык, и эти переводы отчасти читались в татарском произношении.

Все переводы Абая (так же, как и оригинальные произведения) впервые напечатаны в собрании сочинений, 1909 г. и во всех последующих изданиях его. До этого переводы Абая так же, как и его собственные произведения, распространялись в рукописях и устно. Первое издание 1909 г. произведений Абая не является полным собранием его сочинений.

Наряду с этим изданием, первоисточником произведений Абая считаются еще «Рукописи Мурсента». Мурсент исполнял обязанности литературного секретаря Абая. Он за определенное вознаграждение переписывал отдельным лицам рукописную «Книгу Абая» — сборник его произведений. Поэтому кроме личного архива поэта, который не уцелел до наших дней, у населения в разных местах сохранились так называемые «Рукописи Мурсента». «Книга Абая» пополнялась новыми произведениями, а старые произведения изменялись, совершенствовались, варьировались. Благодаря этому не были однообразными и «Рукописи Мурсента». В них входили в разное время различные тексты одного и того же произведения. Одна из этих «Рукописей» положена в основу первого издания произведений Абая 1909 г. в Петербурге, предпринятого после смерти поэта его наследниками. Теперь это первое издание считается первоисточником произведений Абая. Но это издание было собранием только избранных произведений поэта. Поэтому оно до сих пор пополняется из разных вариантов «Рукописей Мурсента».

Таким образом, основными первоисточниками произведений поэта в данное время считаются первое издание его избранных произведений 1909 г. и найденные среди населения разные варианты «Рукописей Мурсента». Причем они берутся почти на равных правах: иногда текст отдельных произведений или отдельных словосочетаний и слов берется по «Рукописям», а не по первому изданию.

Сличая тексты переводов басен в первом издании и в том экземпляре «Рукописей Мурсента», который в данное время хранится в архиве Института языка и литературы АН Казахской ССР, мы обнаружили в них значительные расхождения. Это, несомненно, является результатом повторных редакций переводов самим автором, и нет никаких оснований предполагать, что посторонние лица могли внести в произведения Абая такие массовые поправки.

Дело в том, что вышеуказанные разные варианты «Книги Абая» распространялись среди населения параллельно. Переписчики и устные исполнители произведений поэта эти изменения не придавали значения или просто не замечали их. Поэтому старые сборники распространялись наравне с новыми. Установить не удалось, в каком из этих первоисточников помещены переводы басен ранней редак-

ции и в каком — поздней редакции, так как неизвестно, из каких источников они переписывались. Это невозможно было бы установить даже по датам переписывания их, ибо позже переписанная рукопись может оказаться копией сборника более раннего периода, а раньше переписанная — более позднего периода. Имеющиеся даты в них означают время перевода, а не переписывания, но неизвестно, какую стадию этой редакционной работы отражают даты — период первой редакции или период последней редакции. Судя по полноте и совершенству текстов, можно все же сказать, что в данном случае вариант «Рукописей» относится к ранней редакции, а вариант первого издания — к поздней.

В обоих источниках все переводы басен датированы 1898 г. (без месяцев и чисел). Не может быть сомнения в том, что эти даты отражают действительное положение дела, что они показывают время переводов. Вся система датировки произведений Абая в этих источниках не дает повода думать, что она составлена произвольно по каким-то групповым признакам. Например, другие переводы Абая, т. е. переводы произведений Пушкина и Лермонтова, датированы совершенно различными годами, начиная с начала 80-х годов и кончая 1903 г. Эти данные заставляют нас прийти к следующему заключению. Басни Крылова переведены Абаем в конце XIX в., т. е. в последние годы творческой деятельности поэта. Разные редакции переводов являются результатом работы автора над этими текстами в течение сравнительно небольшого периода времени. Следовательно, редакции переводов не отражают различные периоды идейно-художественных взглядов автора, а являются отражением процесса творческого освоения содержания басен, преодоления тех трудностей, которые встречались ему на этом пути. В этом отношении исключение составляет первый из трех вариантов перевода басни «Ворона и Лисица». Он является самостоятельным переводом, отражающим первоначальный период обращения Абая к творчеству Крылова, когда он к данной басне относился как к произведению для забавы, а не как к социальной сатире. Это заставляет нас предполагать, что данный перевод относится к более раннему периоду, чем все остальные варианты переводов, на которых не чувствуется следов такой разницы во времени.

Также нельзя считать, что эти варианты переводов являются результатом обработки их в одно и то же время, ибо один из них раньше распространялся в одном сборнике, а другой — позже, в другом. Но этот момент не имеет существенного значения и не создает большой разницы между различными редакциями. Видимо, вторую редакцию отделяет от первой сравнительно небольшой промежуток времени, и поправки, внесенные в первую редакцию, лишь пополняют ее, но не вносят в нее ничего принципиально нового. Но, несмотря на это, варианты вносят существенную ясность в творческий процесс над переводами и являются ценнейшим материалом для исследования.

В большинстве случаев в текстах переводов басен, помещенных в первом издании, обнаруживаются целые куплеты, строки,

отдельные слова, которых нет в текстах «Рукописей». Также встречаются более удачные перестановки отдельных строк, словосочетаний и слов в них: одни строки заменяются другими, более лучшими, а словосочетания и слова — другими словосочетаниями и словами. В результате этих изменений переводы в одном случае отдаляются от оригиналов, а в другом — приближаются к ним и по форме и по содержанию. Сравнивая, например, текст перевода басни «Ворона и Лисица» из первого издания, где он полнее, и из «Рукописей», мы находим, что в последнем выпали следующие строки:

- а. Ишине сактап кулыгын
20. Жакылдып барып барлайды
Булакатып куйрыгын.

Взамен этого в «Рукописях» имеется одна строка (которой нет в первом издании):

Етеп келіп барлайды.

Точнее, она заменяет только 20-ю строку. Вариант первого издания представляет собой полный перевод 11-й строки и части 12-й русского текста. Но строка «Рукописей» вносит в 20-ю строку небольшую деталь тем, что точнее передает значение слова «на цыпочках».

- б. 30. Калайша біткен, япырым-ай,
Муриңды бен жүніңіз
32. Періптеңіз, үніңдей,
Деп ойлаймын үніңіз.

Этот куплет является замечательным переводом следующих строк:

Какие перышки! Какой носок! —

Н верно! английский быть должен голосок!

- в. 46. Тізімші жерге жаап етті.

Это перевод словосочетания «Сыр выпал...» Отсутствие этой строки вносит в перевод заметный ущерб.

Во всех этих случаях оказываются правильными варианты первого издания, и для анализа мы берем именно этот текст, как последнюю редакцию перевода.

В переводе басни «Крестьянин в беде», помещенном в первом издании, имеются следующие строки, которых нет в «Рукописях Мурсента».

- а. Есі шықты көрді де
14. Ұры иттің қылғанын,
Ойбай салды білді де
16. Каса сорды болғанын.

Эти четыре строки представляют собой дополнение от самого автора-переводчика, поясняющее положение крестьянина, его отчаяние и горе после кражи. Содержание их не противоречит содержанию

жанию басни, а только несколько удлиняет текст перевода данного отрывка.

- б. Карны да обден ашайды,
26. Ишине шай да жок,
Кайтерін білмей сасайды;
28. Осындайлар қайда жок?

В этих строках также выясняется положение крестьянина, уже совсем голодного, который не в состоянии даже чаю выпить, и этот куплет кончается вопросом: «Таких разве мало?»

Кропотливой редакции подвергнут перевод басни «Бедный богач». Вторая часть его местами совершенно переработана. Вместо одних строк в одном варианте появились другие строки — в другом варианте. В одном месте сокращено несколько строк оригинала и не переведено в обоих вариантах. 8 — 10-ые строки первого издания в «Рукописях» переведены другими тремя строками. На первый взгляд эти два варианта редакции данного отрывка перевода мало отличаются между собою. Но когда мы эти варианты сравним с оригиналом, то видим, что в этой редакции есть глубокий смысл. Слова «ни съест, ни спит» в «Рукописях» переведены словами «жаксы тесек, тәтті ас жок» («Без хорошей постели, вкусной пищи»). «Хорошая постель» в данном случае применяется в смысле «хорошего сна». Данный текст, «ни съест, ни спит», — в последней редакции перевода, т. е. в первом издании, переведен словами «тәтті тамақ, жаксы ас жок» («Без вкусной пищи, хорошей еды»). В этой редакции слова «хорошая постель» или «хороший сон» исключаются из текста перевода и заменяются словами «хорошая еда». Чем эта замена вызвана? Тем, что при первоначальном переводе слово «спит» Абай понял как «спать», и потом только догадался, что оно неправильно переведено. Данная ошибка Абая (и ее исправление) еще больше конкретизирует характер его переводов — его стремление точно воспроизводить тексты басен. Следует заметить, что такие весьма конкретные примеры, подчеркивая направление переводов Абая, помогают нам разобраться и в тех случаях, когда встречаются, в силу некоторых особенностей текста, менее конкретные примеры.

Почти все варианты первого издания приводят к смысловым и стилистическим улучшениям переводов. Например, то место оригинала, где говорится «Как золотого его, бедняк пожелтел» в первом варианте переведено словами «Пожелтел он в погоне за золотом» («Алтынды іздеп сарғайып»), а во втором варианте дается словами «Пожелтел он как золотого» («Алтындай жүзі сарғайды»). Другой пример. В первой редакции не была переведена строка «Так завтра же богат я буду», во второй редакции дан ее точный перевод, и, в связи с вводом этой новой строки, в обеих соседних строках сделаны незначительные мастерские перестановки для согласования.

Как видим, эти поправки вносят в перевод существенные смысловые улучшения и устраняют имеющиеся смысловые пропуски и

промахи. В результате этой редакции, в прежний текст перевода внесено много смысловых, стилистических и других поправок. Аналогичные редакционные поправки имеются в переводах других басен, но там их не так много, как в этом переводе, и даже не столько, сколько в предыдущих двух переводах. Тем не менее, надо отметить, что без редакционных поправок нет ни одного перевода, и любая из этих поправок имеет определенный смысл, начиная с перевода отдельных, пропущенных при первоначальном переводе строк и кончая более литературными вариантами отдельных казахских слов, как напр., «тағы», «және» («еще») и т. д.

Из анализа вариантов этих двух редакций можно сделать следующие выводы. Во-первых, в своей редакционной работе Абай еще больше подчеркивает тот самый основной принцип, которого он придерживался при первоначальном переводе. Это — принцип максимального приближения к оригиналу. На этом мы подробнее остановимся в разделе анализа переводов, а сейчас заметим, что при переводе конкретных текстов Абай, как правило, не вносил ничего постороннего, и в процессе повторного просмотра делал поправки именно там, где у него этот основной принцип был нарушен. Во-вторых, в повторной редакции Абая сказывается некоторое стремление к логической мотивированности, к более подробному объяснению отдельных моментов содержания басни. Таким образом, анализ различных вариантов переводов дает нам возможность на конкретных примерах глубже осмыслить основные особенности переводов Абая.

Анализ отдельных переводов Абая

Над переводами басен Абай работал упорно и обрабатывал их в определенном идейном направлении. Основная особенность и исключительная ценность абаяевских переводов заключаются именно в их идейной направленности. Поэтому свой анализ мы посвящаем раскрытию этого основного качества переводов.

Анализ переводов Абая будет иметь иной характер, чем анализы других переводов басен Крылова. Это диктуется особенностями самих переводов. Отличительные черты первых переводов были самого общего характера. Отличительные черты переводов Абая обнаруживаются только при детальном анализе их. Чем больше мы будем анализировать мельчайшие подробности его переводов, тем шире и глубже будем раскрывать их идейную и художественную сущность.

Переводы Абая похожи один на другой. Одни и те же идейные и художественные оттенки красной нитью проходят по всем переводам. Разница между ними только в том, что более ярко выраженные примеры, по тем или иным интересующим нас их особенностям, могут быть найдены в одном случае в одних, и в другом случае — в других переводах. Это объясняется различием текстов басен и их своеобразными особенностями.

Возьмем перевод басни «Ворона и Лисица» и сопоставим его с текстом оригинала.

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру.
Что лесть гниуса, вредна; но только все не впрок,
И в сердце лестьца всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздась,
Позавтракать было совсем уж собралась.

Да призадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала:
Вдруг смрыный дух Лису остановил:

Лисица видит сыр, — Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на пыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит

И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну, что за шейка, что за глазки!
Расказывать, так, право сказки!
Какие перышки! какой носок!

И верно ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что жежли, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещунына с похвал вскружилась голова.
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

КАРПА МЕН ТҮЛКІ

Жұрт біледі, күлелі
Сұрқия тілдің жаманын,
Қошеметшілердің амалын.

Сонда да солар қайда жоқ
Ептеп айта ересін.
Артынан өкінес де пайда жоқ.

Ірімшікті құдайым
Кез қылды бір күн қарғаға
Алып ұшып барды да
Қонды бір бнік ағашқа.

Үлкен олжа емес пе,
Ірімшік деген қарны ашқа
Бір жеп алып шүкірілік
Қылаын деп алаға
Тұмсығында ірімшік
Ойлап қарап тұр еді

Бір қу түлкі сорина
Жақын жерде жүреді
Ішінде сақтап қулығын
Жақындап барып барлайды.
Бұлғаттып құйрығын
Қарғаның көзін алдайды.

Тәтті тілмен, үймен
Сыйласуға айлады
«Қарағым неткен сұлу ең»
Деп таңырқап таңданды

«Неткен мойны, неткен көз.
Осыдан артық, дейсің бе,
Ертегі қылып айтқан сөз.

Қалайша біткен, жырым-ай,
Мұрыңыз бен жіңізіз
Періштенің үйіңдей,
Деп ойлаймын үйіңіз.

Осы көрікпен, бұл жұнмен,
Әншілігін белгілі.
Үялмай қалқам бір сайра.
Бізде алалық үлгіні,
Күс төресі біздерге
Сіз боларсыз бір күні...»

Басы піналды қарғаның
Сұмным айтқан сөзіне.
Қуанғаннан бертіліп,
Бір мастық кірді өзіне.

Өзіне біткен өңешіпін
Аямастан қарық етті,
Ірімшік жерге жапп етті,
Іс бітті, қу кетті.

Сопоставление текстов дает нам возможность, прежде всего, сделать следующие общие выводы: а) текст Абая не может считаться его собственной басней, а должен быть признан переводом конкретной басни — басни Крылова. Поэт не создает новое свое произведение, отображающее какие-либо специфические особенности жизни казахского народа, а просто передает содержание крыловской басни казахскими словами; б) этот текст не представляет собой такого вольного перевода, каким является, например, перевод этой же басни, сделанный Алтынсариным, так как здесь не передается общее содержание басни, где многие характерные особенности ее исчезают, а передается содержание каждого куплета, каждой строки и каждого слова.

К переводам Абая мы не предъявляем такие же требования, как к современным переводам, так как они являются продуктами совершенно различных социально-экономических и общественно-политических условий, и мы должны рассматривать их, не отрывая от этих условий. В соответствии с этим, при анализе переводов Абая, употребляя слово «точный» или «неточный» перевод, мы не имеем в виду допустимость или недопустимость такого перевода в данное

время, а учитываем лишь то, насколько передано содержание того или другого места басни. При анализе придерживаемся той последовательности, которая дана в оригинале. Отдельные строки или слова, не требующие особых объяснений, опускаются нами. Они даны в выделенных образцах точных переводов.

Первые строки Абая в подстрочном переводе можно было бы дать так, беря их подлинное значение в данном контексте в квадратные скобки: «[уж] мир знает, что гнусные слова [лестя] плохие [вредны] и высмеивает их, эти хитрости [продажки] пособинок [подхалимов]. Все же где их нет? Умело скажет — за собой поведет, [а] потом хоть и сожалешь, но бесполезно». В подстрочном переводе, хотя он и называется подстрочным, нельзя исказить смысл текста, поставив перевод каждого слова под ним, и поэтому слова, стоявшие в оригинале рядом, в переводе не всегда оказываются в таком же положении, что имеет значение для анализа отдельных частей этого отрывка. Поэтому переводы некоторых строк будем слышать с оригиналом в отдельности.

«Уж сколько раз твердили миру» — «[уж] мир знает и высмеивает». Общий смысл обеих строк совпадает. Но слова «сколько раз твердили миру» выразительнее сказаны, чем слова «мир знает». Первые задают известный выгодный тон данному тексту, чего нельзя сказать в отношении вторых — они слабовато звучат. В первом тексте этот выгодный тон задается словом «твердили». Слова «высмеивает» в оригинале совершенно нет. Несмотря на это, оно здесь не лишнее. Значение его не противоречит общему содержанию оригинала и не ослабляет его тона, наоборот, усиливает: не только «все» и «давно» знают, что «лестя гнусна», но и «высмеивают» ее, и, несмотря на это, все же попадают в коварные сети лести. Это слово очень удачно усиливает смысл вторых слов и тем самым компенсирует то, чего не хватает в них, т. е. тот выгодный тон, который придает первой фразе слово «твердили». Таким образом, перевод данной фразы адекватен оригиналу.

Возьмем первую половину второй строки: «Что лестя гнусна, вредна» — «гнусные слова вредны». Слово «вредны» не может заменить слов «гнусна, вредна». В последнем варианте стоит такое острое слово, как «гнусна», перед которым слово «вредны» бледнеет. Это получается оттого, что слова «гнусна» на своем месте — на месте сказуемого, показывающего качество слова «лестя», — в переводе нет. Но зато, к нашему удивлению, в переводе оно стоит на месте этого самого слова «лестя», заменив его значение и усиливая его содержание своим содержанием. Это автором сделано с расчетом, а не потому, что «сүркіятіл» — «гнусные слова» является обычным переводом слова «лестя». Слово «лестя» в современной литературе переводится словами «өтірік мақтау» («лишние похвалы»). Слово «сүркія» на казахском языке употребляется для характеристики наглого, злостного сплетника, подстрекателя, лстеца. Оно несравнимо сильнее, чем «өтірік мақтау», и обычно не произносится без гнева или сарказма. Без наличия в этой фразе слова «гнусна» трудно было бы переводить «лестя» словами «гнусные сло-

«а». Можно было бы подумать еще так: «гнусные слова» все-таки не лезть, вернее, не только лезть, гнусными словами можно назвать и ложь, и сплетню, и т. д. Великий поэт как бы специально точно предусмотрел и этот момент, добавив тут же «этих проделок подхалимов». «Гнусные слова», называемые «проделками подхалимов», — это уже лезть.

Таким образом, здесь надо отметить два творческих момента. Первый из них достигается путем переноса остроты определяющего слова на определяемое слово, т. е. остроту слова «гнусна» на «лезть», а другой — достигается путем пояснения значения «гнусных слов» в данном контексте, что они означают не ложь, не сплетни, а именно «проделки подхалимов». В результате всего этого получается своеобразно сложившийся творчески точный перевод данной фразы.

Следующая половина второй строки оригинала — «но только все не впрок» переведена отдельной строкой «Сонда да солар кайда жок!» («Все же где их нет?»). В том и другом случае утверждается, что лезть распространяется и имеет силу несмотря на то, что все знают ее вред. То, что эти фразы составлены из различных слов и даже по-разному построены (вопросительность последней), — в данном случае ничуть не мешает выражать им одно и то же понятие.

Прекрасно переведена и третья строка вступительной морали — «и в сердце лыстеч всегда отыщет уголок» — «умело скажет — за собой поведет». В обоих случаях сказано: лыстеч умел. В переводе нет слова «лыстеч», но это в контексте не замечается и не может быть недостатком перевода.

Этим переводом значение данной строки исчерпывается, и вторая часть перевода — «потом что и сожалеешь, но бесполезно» — можно считать излишней. Такое понятия в тексте Крылова нет, но оно подразумевается. Тот, кто попал в такое неприятное положение и был обманут, ясно, что он сожалеет об этом. Никакую отсебятину эти слова не вносят в перевод.

В остальном точном переводе строки — «Вороне где-то бог поставил кусочек сыру» слово «где-то» переведено словом «однажды». Слово «где-то», несмотря на то, что будто бы оно сказано между прочим, в тексте играет значительную роль. Оно усиливает глупое положение вороны, подчеркивает, что ей не везде, не каждый день попадаются такие кусочки сыра, и что она лишь по своей глупости лишилась и этой своей редкой находки. Ту же роль в переводе играет слово «однажды».

В 5 — 6-х строках переведены: «на сль... взгромоздась» — «полетела и села на высокое дерево»; «позавтракать» — «покушать». Здесь заслуживает внимания только слово «высокое». В оригинале нет такого слова. Почему и откуда взял переводчик его? Что могло бы натолкнуть автора на такую мысль? На этот вопрос мы найдем ответ, если обратим внимание на то, что в переводе отсутствует слово «взгромоздась». Взгромоздиться — это значит с усилием подняться на большую высоту. У великого баснописца каждое слово

точно рассчитано. У него есть расчет и в данном случае. То, что ворона очень высоко сидит, дает читателю ясное представление о том, что она была от лисы в абсолютной безопасности, если бы не ее глупость, и лисе не оставалось ничего кроме усленной попытки достать сыр хитростью. Такой контраст, созданный большим расстоянием между вороной и лисой, имеет даже художественный оттенок. Вот эти моменты, связанные со словом «взгромоздась», дошли до чуткого переводчика, и он, не имея возможности дословно перевести слово «взгромоздась», перевел его значение указанием на высоту дерева.

В контексте «Лиса близехонько бежала» (8-я стр.) слово «бежала» переведено словом «ходила» и поэту 9 — 10-е строки оригинала —

«Вдур сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, — Лисцу сыр пленял» —

пропущены. Она «близехонько ходила» и просто «затаив замысел, поближе подходит [на цыпочках], разведывая» (11-я стр.).

Эти две строки надо считать пропущенным, но пропущен мотивированным, не случайным, получившимся в результате непосредственности в переводе, а замену слова «бежала» словом «ходила» можно считать отклонением. Причина этого отклонения нам неизвестна. Возможно, оно сделано в целях сокращения последующих двух строк или просто вследствие трудности перевода их. В условиях того времени этот пропуск заметен только в переводах Абая, строго придерживающегося текста оригинала и тем самым создавшего особый стиль своих переводов. По существу основное содержание басни от этого не пострадало.

В переводе одиннадцатой строки пропущено слово «плутовка» и имеются лишние слова «затаив замысел». Слово «плутовка» здесь, во-первых, заменяет само название лисы и, во-вторых, показывает ее хитрость. При переводе приводить его первое значение не было необходимости, а второе его значение дается словами «затаив замысел». По переводам на русский язык кажется, что эти слова далеки от того значения слова «плутовка», а на казахском языке этот момент ясен, так как «кулык» — в буквальном переводе «хитрость», а плутовство по-казахски тоже «кулык» — «хитрость». Поэтому не может быть сомнения в том, что слова «затаив хитрость» вызваны намерением переводчика дать второе значение слова «плутовка». Такая деталь в данном случае характерна не тем, что не пропущено второе значение слова «плутовка», показывающее хитрость лисы. Если бы даже оно и было пропущено, перевод ничего не терял бы от этого, так как перед этим только упоминается «хитрая лисица» и вообще хитрость лисы достаточно охарактеризована у Абая. Это не то, что в переводе Алтынсарина, где нет намека на хитрость лисы, и наличие одного такого слова имело бы большое значение.

Подобная деталь перевода характерна следующими двумя моментами: во-первых, стремлением расслонить значение одного и то-

го же слова и умело дать одну его часть, отбросив ненужную в данном случае другую часть — это такое высокое искусство, которое до сих пор многим переводчикам даже осмыслить трудно. На месте Абая другой переводчик мог бы перевести слово «плутовка» полностью или пропустить в ущерб качеству перевода, или найти какие-либо другие, менее подходящие варианты.

Этим самым мы не утверждаем, что в данном случае не может быть лучшего варианта перевода, а лишь отмечаем, что применяемый Абаям для перевода данного текста прием — оригинален и поучителен. Дело даже не в этих конкретных текстах, а в его подходе к переводу, как к высокому искусству — не копируя переводимый текст, в то же время не отходя от его содержания.

Сила этого искусства в том, что оно проявляется не в единичном случае, а представляет собой целую систему, распространяемую на все переводы. Во-вторых, эта деталь в данном случае показывает прикованность внимания автора к тексту. Иной раз он просто не может оторваться от него и, как мы увидим дальше, это имеет огромное значение для качества его переводов.

«Вертит хвостом» (12-я стр.) точно переведено словами «бұлақтатып күйрығын»; «с Вороны глаз не сводит» заменяют слова «қарғаның көзін алдайды» («вороне глаза обвораживает»). Это место перевода можно объяснить следующим образом. Последняя фраза при замене четырех букв в двух словах другими четырьмя буквами получается «қарғадан көзін алмайды» («с Вороны глаза не сводит») и, кроме того, предшествующая ей фраза «вертит хвостом» усиленно внушает, чтобы эта последняя фраза была написана «вороне глаза обвораживает», так как в народе почти укоренилось такое понятие, что лиса вертит хвостом, чтобы обмануть других (человека, беркута, волка и т. д.), обмануть их глаза. В результате это: во-первых, первоначальный перевод Абая мог слегка измениться в процессе бесконечного переписывания — это требует еще изучения, и, во-вторых, это обстоятельство могло повлиять в таком же духе на самого автора перевода. Хотя мы говорим о первом варианте ради выяснения фактического положения дела, но вполне возможен и второй вариант, так как его содержание не противоречит содержанию первого, совпадающего с оригиналом и по содержанию, и формально. Лисца действительно «вертит хвостом» (и «глаз не сводит»), чтобы обворовать ворону.

«И говорит так сладко» (13-я стр.) точно переводится словами «тәтті тілмен сөйлесуге айналды»; «чуть дыша» переведено «тәтті үнмен» («сладеньким голосом»), т. е. таким голосом, который получается, когда говорят «чуть дыша». Словами «чуть дыша» описан один момент разговора: как, в каком tone говорила лисница в этот момент. Иначе говоря, ими описано действие лисы, а словами «сладеньким голосом» передается результат этого действия. В данном контексте и, тем более, когда лиса говорит при разговоре «чуть дыша», обязательно получится «сладенький голосок». Таким образом, описание действия Абай переводит результатом этого действия.

Это не случайное явление у Абая. Оно — одно из многих характерных художественных приемов в его переводах.

Двадцать третью строку этой басни — «От радости в зобу дыханье сперло» он переводит:

«Қуанғаннан бәртініп,
Бір мастық кірді өзіне».

(«от радости надулся он и опьянел»).

Здесь содержание словосочетания «в зобу дыханье сперло» он передает не в прямом смысле, а совершенно иначе — показом того физиологического (надулся) и психологического (опьянел) состояния, в которое человек приходит, когда «от радости в зобу дыханье сперло». Смысл словосочетания передан правильно и в высокохудожественной форме. 14 — 18-е строки точно переведены 25 — 33-ми строками перевода. Первая половина девятнадцатой строки — «Слой, светик, не стыдись» тоже точно переведена отдельной строкой «уялмай қалкам бір сайра», но от автора добавлена другая строка «Біз де алапық үлгіні» («Будь нам примером»), которая не вносит ничего постороннего в содержание текста оригинала. Вторая половина этой строки и 20 — 21

«Что ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица...
Ведь ты б у нас была царь-птица»

переданы так:

«Осы көрікпен, бұл жұмын
Әңшілігің белгілі,
Құс тересі біздерге
Сіз баларсыз бір күні»

(«При красоте такой, при таких перышках известно, что ты и певичка... Однажды вы будете у нас самой почетной птицей среди всех птиц»).

Как видно из перевода, слова «что ежели, сестрица» и данная словом «ежели» условность пропущены. В переводе без всякой условности утверждается: «...известно, что ты и певичка» (или «и петь ты мастерица»). В первом случае есть не очень выраженный, но подчеркнутый тон подозрения «что ежели... и петь ты мастерица», а во втором случае усиленное убеждение: нет сомнения, «...известно, что и петь ты мастерица». Тот и другой вариант равносильно показывают, что лесь лисница заставляет ворону открыть рот, что является прямым назначением данного отрывка оригинала. Следовательно, содержание оригинала здесь ничего не теряет. Слово «царь-птица» переведено словами «құс тересі». Слово «терес» в казахском языке употребляется в двояком смысле: в смысле «каристократ» для характеристики, например, человека, который важничает, и в смысле «умница», например, в сочетаниях «жігіттің тересі» (парень-молодец, или лучший из лучших), «қыздың тересі» (девица лучшая из лучших), «құстың тересі» (птица из лучших или же, в понимании казахов, — та самая царь-птица). В этом значе-

нии «төре» обязательно предполагает в своем содержании понятие «умница». В данном случае употребляется в смысле «птицы-умницы» или, вернее, «справедливой судьи-умницы».

Здесь характерно то, что Абай не употребляет слово «патша» — «царь», являющееся традиционным образом в восточной литературе и вошедшее в казахскую литературу оттуда, так как у казахов не было царей и, во-вторых, не употребляет более официальное слово «хан»; выбор его среди них слова «төре» наиболее удачен.

Приведены и все остальные строки. Только слово «лисица» заменено словами «Сум» (Плутовка или даже в смысле прохода).

Из данного анализа видны следующие особенности абаевского перевода. Поэт строго придерживался той последовательности в изложении мысли, которая дана в оригинале, и переводил текст строка за строкой, не упуская почти ничего существенного.

Это легко проследить по смыслу каждой строки перевода, но оно еще ярче видно из точных по смыслу, по идее и в то же время текстуально совпадающих с оригиналом переводов многих строк, фраз и слов, характерных для соответствующих мест оригинала.

Выделив отдельно эти места перевода, мы получаем следующую картину: «мир» — «жұрт» (1)¹ 1 строки, «лесть» — «сұрқия тіл» (2) 2 строки, «Вороне где-то бог послал кусочек сыру» — «ірмшік-ті кудайым кез кылды бір құн қарғаға», «позадумалась» — «ойлан-нып», «а сыр во рту держала» — «тұмсығында ірмшік» (7) 15 — 16 с.; «На ту беду» — «Сорына»; «близехонько» — «жақын жерде» (8) 17 — 18 с.; «подходит» — «жақында барып» (11) 20; «вертит хвостом» — «бұлғактатып күйрығын» (12) 21; «говорит так сладко» — «тәтті тілмен» (13) 23; «голубушка, как хороша» — «қарағым, неткен сұлу ең» (15) 25; «Ну что за шейка, что за глазки» — «неткен мойын, неткен кел»; «рассказывать, так право сказки» — «осыдан артық дейсін бе, ертегі қылып айтқан сөз» (16) 28 — 29; «какие перышк, какой носок» — «қалайша біткен, япырмай, мұрныыз бен жүнізіз» (17) 30 — 31; «и верно английский быт должен голосок» — «періштенің үніндей деп ойлаймын үніңіз» (18) 32 — 33; «спой, светик, не стыдись» — «сұялма, қалқам, бір сайра» (19) 36, «при красоте такой и петь ты мастерица» — «осы көрікпен... әншілігің белгілі» (20) 34 — 35; «вскружилась голова» — «басы айналды» (22) 40; «От радости» — «қуанғаннан» (23) 42; «каркнула во все воронье горло» — «өзіне біткен өнешпен аямастан қарқ етті» (24) 44 — 45; «сыр выпал» — «ірмшік жерге жалп етті» (26) 46.

Это те части оригинала, которые нерасплавленными кусками вошли в массу перевода и, соединяясь с остальными расплавленными частями его, образовали одно слитное произведение. Почти вся остальная часть текста оригинала, в соответствии со специфическими особенностями казахского языка и других условий жизни, передана словами и фразами, хотя и не совпадающими с текстом

буквально, но вполне соответствующими ему по смыслу, по идейному содержанию и художественным качествам.

В таком же тоне, как и в предыдущем случае, сделан перевод басни «Стрекоза и Муравей». Он соответствует тексту с начала до конца. Отдельные отклонения от текста допускаются только в пределах строки или соседних строк. Перевод начинается с первой строки и кончается замечательным переводом последней строки оригинала. Творчески точными переводами даются и другие характерные места текста:

- a) 6. Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
6. Был готов и стол, и дом.
Жаздыққұн жапырақтың.
6. Бірінде тамақ бірінде үйі.
Жапырақ кетті, жаз кетті.
8. Құз болғансоң кетті күй.
- 6) 12. И кому в ум пойдет
На желудок петь голодный.
Злой тоской удручена.
Сұмыққа тонған қарым ашқан
12. Ойын қайда, ән қайда?!
Қабағын қайғы жабады!

Имеются некоторые пропуски и отклонения от оригинала. Пропущены следующие три строки:

Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертело чисто поле;

Надо полагать, что этот пропуск был вызван, с одной стороны, трудностью перевода этих идиоматических выражений и, с другой, стремлением к некоторой постенности и мотивированности явлений, действий и т. п., что является одним из приемов у Абая — сделать перевод более доступным, понятным для своего читателя. Басня только начинается, а уж «зима катит в глаза». Переводчик зиму пропускает, показывает положение стрекозы летом, после этого вводит осень, а потом только зиму. Ясно, что все это переводчик не затягивает, но все же сохраняется такой порядок. Стремлением к конкретизации надо считать и то, что в переводе стрекоза идет не просто к муравью, как это в оригинале, а к муравью, который жил в соломе и собрал себе зерна.

Перевод басни «Осел и Соловей» начинается с вводного повествования переводчика, где говорится:

- Тойған есек шөпті отпап маңайдағы,
2. Соңырақ шатқа кетті қай-қайдағы.
Төгіріп өлкені өрлеп келе жатып,
4. Жолықты бір бұлбұлға тоғайдағы.

(Осел, насытившись травой вблизи, пошел прогуляться вдалеке, поущелям. Бродя по роще, встретил он соловья в лесу).

¹ В скобках указана нумерация подлинника.

Здесь, во-первых, дается мотивировка встречи ослы с соловьем и, во-вторых, усиливается глупость ослы, что он, наситившись, бродит без надобности. Уместно здесь припомнить, что погоню за чрезмерной сытостью Абай рассматривает как признак тупости, умственной неразвитости и глупости. Подобных примеров можно найти много в его собственных произведениях. Это говорит о том, что вводимые четыре строки имеют определенный идейно-художественный расчет — показать более наглядно глупость ослы, тем самым усиливая передачу основного мотива басни.

Дальше, начиная с пятой строки, поэт приступает к переводу текста оригинала, не допуская отклонений от него и давая прекрасные образцы переводческого искусства. Эти образцы приведем дальше в соответствующем разделе.

Отметим лишь некоторые другие места перевода, тоже подтверждающие точность перевода.

«Послушай-ка, дружище!
Ты, сказывают, петь великий мастерище:

Хотел бы очень я
Сам послушать, твое усыпава пенье,
Безикло ль подлинно твою уменье?»

5. — «Сенбісін ақын бұлбұл
жана көрдім,

6. Атыңа жұрт мақтаған
кұмар едім!

7. Бір сайрап берсен калкам өзім естіп
Жұрттың өзін ырас па
сынар едім?»

Перевод этого отрывка может быть примером в том отношении, что в его содержании, несмотря на кажущиеся изменения в тексте первых двух строк, нет ничего пропущенного и ничего добавленного. Эта особенность еще ярче проявляется на других примерах из этого же перевода. Абай не вносит в перевод ничего чудного содержания оригинала и в своих редких «отклонениях» от него. Разве можно найти отбеганию даже в таких переводах: «закончыл соловей» — «Бұлбұл болды, тосып тұр есек өзін» («Закончил соловей, ожидает ослиные слова»); «Осел, устывая в землю лбом» — «Есек жерге каратып екі кезін» («Осел, устывая в землю глазами»). В первом случае лишним оказывается: «Ожидает ослиные слова». Разве эти три слова не подразумеваются в самом оригинале? Их в оригинале нет, но они читаются мысленно. Во втором случае замена слова «лбом» другим словом «глазами» — адекватный перевод, соответствующий особенностям казахского языка. По-казахски не говорят «устывая лбом». Это очень характерный пример в смысле, что Абай здесь не отрывается от содержания оригинала и в то же время достигает предельной наглядности.

Подобные примеры в других переводах Абая могут быть не совсем наглядными, как здесь, но, однако, не менее характерными в этом отношении. В таких случаях надо изучать их детально и всесторонне. При этом изучать не вообще, а подойти с точки зрения

специфических особенностей переводов Абая. Следовательно, для того, чтобы изучить эти отдельные и редко встречающиеся в переводах Абая «отклонения», надо изучить переводы в целом и знать собственные произведения поэта. Необходимо глубоко задумываться в любое место переводов Абая, чтобы понять сущность кажущихся отклонений от оригинала басни.

Последние два примера и четыре вводных строки представляют собой то, что переводчик вносил от себя в текст данного перевода, и это также характеризует перевод только с положительной стороны.

Кроме того, Абай в переводе пропустил следующие места оригинала: «Любимый и певцу Авроры: «я только иногда... пастушке улыбался». О первом пропуске мы скажем в другом месте, где приведем другие, аналогичные факты. По поводу второго пропуска надо сказать следующее: во-первых, у казахов в жизни очень редко бывает, когда женщина пасет скот; во-вторых, перевод русских слов, своим содержанием одновременно указывающих и на пол женщины и на ее общественное положение, как, например, ткачиха, пастушка, царца, старостица и т. д., является одним из характерных трудных моментов перевода с русского на казахский язык. Их никак нельзя передать одним словом и поэтому они переводятся двумя словами. Например, тоқымашы әйел (ткач женщина) или тоқымашы қыз (ткач девушка), қойшы әйел или қойшы пастух женщина или женщина пастух) или қойшы қыз (пастух девушка), әйел патша (женщина царь) и староста әйел (староста женщина) или старостаның әйелі (жена старосты). Как видите, перевод последнего слова осложняется не только тем, что передается двумя словами, но еще и тем, что трудно узнать, исполняет ли она обязанности старосты, или является женой его, так как по-русски, во всех этих случаях, она называется старостицей, а по-казахски обязательно надо указывать на ее конкретную роль. Это обстоятельство вынуждает переводчика наводить справки для выяснения общественного положения женщины, что может отнять у него очень много времени. Вполне возможно, что пропуск в переводе этого слова вызван одной из подобных причин.

Из анализа данного перевода очевидно, что он находится на высоком уровне абаевских переводов, и даже в нем гораздо меньше, чем в переводе басни «Ворона и Лисица», таких мест, которые требуют специального обоснования соответствия их оригиналу. Указанные добавления и пропуски не могут играть сколько-нибудь заметной роли в таком тексте, основа которого заложена в таких замечательных переводах:

«Изярдым», — говорит: «сказзат неложно,
Тебе без скуки слушать можно;
А жаль, что не знаком
Ты с нашим пегуком:
Еще б ты боле навористляс,
Когда бы у него немножко поучилсяс.
Услыша суд такой, мой бедный Соловей
Вспорхнул я — полетел за тридцатью полей.

Бүрбүл болып тосып түр есек сөзін
Есек жерге қаратып екі жазін;
Іш пыспай-ақ тыңдарлық бар екенін
Әттегеней-ай білемесін әтешті әзіл!
Екенсін ол салуға сендім елті
Сен бір әтеш өнін үйрен депті
Сол сықылды сыншының сөзін естіп,
Көз көрмеске бұлбұл да ұшып кетті.

Заслуживает восхищения перевод идиомы «за тридевять» точно такой же идиомой на казахском языке — «көз көрмеске». Дело в том, что «көз көрмес» не является вполне закрепленной в литературе широко популярной идиомой, и в этом смысле она представляет только одну из бесконечных естественных возможностей казахского языка, посредством которого очень легко составить такие словосочетания, которые применительно к известному контексту могут звучать как идиомы и заменить их, несмотря на то, что этих идиом как таковых не существует. И данная идиома не имеет возможностей широкого применения. Эффект от ее применения быстро теряется и по отношению к данной идиоме — «за тридевять». В контексте «Жыл-был за тридевять земель в каком-то царстве тридесетом... вельможа, именем Кисель» (Некрасов) она уже не была бы применима. Эффект, произведенный в одном контексте, как перевод чужезычной идиомы, может теряться в другом контексте по отношению к ней же. Но на данной идиоме такая особенность перевода еще больше отражается потому, что она мало известна, устойчива как идиома. В данном контексте она прекрасна звучит, особенно в сочетании со словом «ұшып кетті» («полетел»). Поэтому заслуга Абая в том, что он очень удачно использовал эту тонкую возможность казахского языка для перевода данной идиомы. Правильно переведена и концовка басни.

Точно переведен заголовок басни «Крестьянин в беде» — «Қазаға ұшырған қарашекпен». Слово «қарашекпен» действительно означало «крестьянин». Но в тексте для перевода этого слова переводчик применяет не «қарашекпен», а слово «бай» («богач»), что не является замыслом переводчика: в такое смешное положение поставить именно бая и тем самым окказивировать содержание басни. Во-первых, слово «қарашекпен» состоит из двух слов и трудноупотребительно в поэзии. Это вполне могло послужить причиной того, что переводчик не употребляет данное слово в переводе. Во-вторых, этот крестьянин в данном случае, в глазах Абая, ничем не отличается от багача, так как сам автор басни называет его багачом устами Кум Карпыча:

«Не надобно было тебе по миру славить,
Что столько ты богат».

Следовательно, его можно назвать и «крестьянином» и «богачом». Последний вариант очень удобен для упоминания в стихах и есте-

ственно звучит для казаха. Ввиду последней причины сделан и подобор имен участвующих лиц.

Перевод басни строго соответствует тексту, сохраняет все строки подлинника, начиная с первой строки и кончая последней. Вот несколько образов этого перевода:

- а) 5. Покрал бессовестно что мог:

Түк қалдырмай әммесін
Үлпеті де кетіпті.

- б) 10. Не дай бог никому проснуться худо такі

Ойына келсе дап-лайым
Қайыршы болып қап салу.

12. Родно сывает и друзей,
Соседей всех и кумовей.
14. «Нельзя ли», говорит: «помочь беде моей?»
Тут искник с мужиком толкует,
16. И умный свой дает совет.

Ағайын, достарын,
Жыйын алып үйіне,
Жылда шағып мұң, зарын,
«Болмыстық қыл» деп күйіне.
Бәрі ақылды, бәрі есті,
Бәрі жедей еседі.

- г) 26. «Возьми-ка у меня щенка любого
От жучки: я бы рад соседа дорогого
28. От сердца наделить,
Чем их топить».

Қабатан біздің мойнақтан
Бір күшікті алсаңшы,
Бір күшікті сіз үшін
Берейін, құда келтіріп,
Жылда талай күшікті
Бос қырсушы ем, елтіріңе.

Более характерной особенностью данного перевода можно считать его некоторую удлиненность. Если в оригинале стихотворных строк 39, то в переводе их 56. Но строки, удлиняющие текст оригинала, стоят отдельно, дополняя точный перевод, гармонируя и не осложняя его. Удлинение не приводит перевод к расплывчатости и рыхлости. И та традиция, которая характерна для абаявских переводов, — перевод по тексту — остается сохраненной и здесь. Таким образом, удлинение является одним из творческих приемов переводчика. Данный перевод характерен еще наличием в нем ряда идиоматических выражений, удачно примененных переводчиком для передачи прямого смысла текстов басен.

«Ну стоит ли богатым быть,
Чтоб выкуно никогда ни съест, ни спать».

Это первые строки монолога Бедняка в басне «Бедный богат». С этого же монолога в одиннадцать стихов начинается и басня. Ко-

му эти слова принадлежат и к кому они обращены — это будет ясно, начиная с двенадцатой строки, а до этого для читателя остается совершенно неизвестным. С этого неизвестного не хотел начинать переводчик свой перевод и начал с 12 — 13-х стихов:

«Так рассуждал Бедняк с собой самим,
В лачужке низменной, на голой лавке лежа».

Только после этого начинается монолог, который дается в форме рассуждения с самим собой. Последовательность текста не нарушается и после монолога, за исключением выше упомянутых двух строк. Такой перевод продолжается до того места оригинала, где говорится: «...Ах, пусть лишь до утра мне счастье продлится». Переводчик эту строку не переводит в форме такого резкого условия — «лишь до утра», а переводит: «Если до утра так же будет давать мне этот мешочек, то я же соберу очень много золота». В соответствии с этим он так же пропускает и строку: «Однако ж поутру он думает другое». Этот оборот речи передается словами: «Кто-то бы он ни накопил золота, он не сможет им насытиться». В этом месте Абай вообще строка не придерживается такта оригинала, а переводит только его содержание, пропуская ряд стихов.

С некоторыми сокращениями переведены и последующие (последние) строки, но здесь такие характерные места данного отрывка, как, например, «как золото... пожелтел» («Алтындай жүзі сарғайып»), «но все дрожащею рукой» («қол дірілдеп»), «Он стал и слаб и хил» («өзі де әбден жүйеді»), «он скончался, досчитывая свой девятый миллион» («Тоғыз миллион санарда ажал жетті, күн бітті») в переводе даны. Эти пропуски сделаны сознательно исключительно с целью сокращения. Сокращение вызвано тем, что данная басня не только очень длинная (74 строки), но и многословная (т. е. с длинными строками). Одну строку таких басен Абай, как правило, переводит двумя строками:

Не только бы рубля, я б тысяче не жалел,
Как вдруг к нему сквозь щелочку пролез.

Мың теңгені бір сомдай
Қызығма ұстар ем.
Аузым жимай бір адам
Кіріп келді есіктен.

Таких примеров можно привести много. При таком переводе текст Абая должен был насчитывать около ста пятидесяти строк, а фактически их в нем только 97. Мы считаем, что у Абая мысль о сокращении возникла естественно, так как большой текст для устного распространения неудобен. Переводчику просто было тяжело отшлифовать его даже при одной повторной редакции. При второй редакции он многие строки перевода очень удачно исправил. Нет сомнения, что при дальнейшей обработке перевода переводчик продолжал бы совершенствовать текст именно в направлении приближения его к тексту оригинала. Об этом говорит весь процесс перевода всех этих басен, в том числе первая половина перевода и данной басни.

Вторым характерным моментом является то, что сокращение переводчика в основном относится только к одному месту перевода, к одной мысли. Весь этот отрывок в двадцать с лишним строк, который подвергался сокращению, представляет собою неоднократно повторяющееся в различных вариантах рассуждение, вызванное одной и той же мыслью. Эту мысль можно было бы сформулировать примерно так: «сколько бы не вытаскил золота, все ему мало». В оригинале эта мысль подана в разнообразной, многогранной форме, наглядно, разработанная детально. Таким образом, переводчик абсолютно никакой мысли из содержания басни не упускает, а теряет только полноту изложения одной мысли.

Такому сокращению поддается не всякий текст. Например, в первой половине этой же басни для такого сокращения трудно найти даже одну строку, и Абай в переводе дает эту часть басни во всей полноте. Проиллюстрируем замечательный перевод следующего отрывка:

Как вдруг к нему сквозь щелочку пролез,
Кто говорит — колдун, кто говорит — что бес,

Последнее едва ли не вернее:
Из дела будет то виднее.

Предстал — и начал так: «Ты хочешь быть богат,

Я слушал, для чего: служить я другу рад.
Вот кошелек тебе: червонец в нем, не бля-
Но вынешь лишь один, уж там готов другой.
И так, приятель мой,
Разбогатей теперь в твоей лишь поле.
Возьми ж — и из него без счета вынимай,
Доколе будешь ты доволен;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не волен,
Пока в реку не бросишь кошелька».

Сказал и с кошельком оставил Бедняка.

Бедняк от радости едва не помешался:
Или что ж? — Чуть верится ему, что то не сон:
Едва червонец вынет он,
Уж в кошелек другой червонец шевелится.

Аузым жимай бір адам
Кіріп келді есіктен.
Жәдігім ме, шайтан ба,
Өйтеуір оңгі сөзді естіен.
Келе сала сөйлейді:
Байлықты керек қылдың сен.
«Қылаңғы» деген ісімді
Мен естідім байлықпен.

Мына біреу ішінде
Ділдісі бар дорбаны ал.
Бірін алсаң және бір
Ділді дайын қолым сал.
Санап ала бердім
Айтқанымдай бола қал.
Қанша керек бола да
Міне дәулет, міне мал.
Бірақ, байғұс атайым

Мүрші бір Бертін, катты антты:
«Дорба колда тұрғанда
Ұстаға жол жок бір алтын
Дорбаны уел даярға ат,
Тойғанымша алдағы:
Онан соң өзін білесін,
Ұстай бер қайтып бардағы».
Дорбаны беріп жоғалды,
Аң-таң қылып байғұсты,
Есін жыйнап алған соң
Дорбаға келді жабысты.
Айтқанындай дорбаға
Қолын тықты бірді алды,
Және бірі лап-дайын,
Есі шықты, таң қалды.

Абай в переводе этой басни сознательно пропускает такие непонятные казахам понятия и названия вещей, как «накупить могу я деревень», «на голой лавке лежа», «на лавке, где...», «экипажа» и «дача». К переводу дана следующая концовка, которой нет в оригинале.

Алтын қайда, сөз қайда,
Қу нәлсіден не пайда?

(Где золото, где слова (имеются в виду слова бедняка, С. Н.), ка-кая польза от человеческой жадности?). Она вытекает из содержа-ния самой басни и никакой отсебятины собою не представляет.

Перевод басни «Лягушка и Вол» Абай начинает вводной мо-рально от себя:

Қарасаң дым-ақ көп
Көре алмас іші тар.
Несі артық бізден деп,
Салыспақ жұртта бар.

(Смотришь, завистливых очень много. «Другие не лучше нас», — они говорят, соперничая), и кончает его таким переводом имею-щейся в оригинале концовки:

Пример такой на свете не один:
И диво ли, когда жить хочет мещанин,
Как именитый гражданин,
А сошка мелкая, как знатный дворянин.

Таласпа жаным-ай,
Қолыңнан келмесе;
Болаарсың бақалай,
Көп түссен егеске!

Из текстов вступительной морали и концовки перевода видно, что первая внешне больше похожа на перевод концовки оригинала, чем вторая, а фактически содержание их одинаково. Только пер-вая написана в тоне вступительной, а вторая — заключает, нака-зывает: «не спорь о том, чего ты не можешь: будешь больше со-ставляться, будешь как лягушка». Обе эти части исходят из содер-

жания самой басни. Но дело не в том, которая из них перевод и которая написана самим Абаем, а в том, что Абай задумал соз-дать к этой басне вступительную и заключительную морали и в своем этом новшестве, так же, как и в переводах, ничуть не отхо-дит от крыловской басни. Обе они представляют собой самым есте-ственным путем сложившиеся пословицы и в то же время совер-шенно не похожи ни на одну из казахских старых пословиц. Это говорит о том, что Абай не только точно переводит басни Крыло-ва, но и точно овладел некоторыми крыловскими приемами басно-писания. Кроме того, это говорит еще о том, что он не просто пе-реводил их, а переводил со всей страстью, делая все от него за-висшее для того, чтобы возможно полнее передать содержание басен. Абай сам не писал басен (кроме одной), но уже мог писать. Данный пример является одним из тех факторов, которые наталки-вают нас на возможные перспективы творческой деятельности поэ-та, но, к сожалению, на этот путь — на путь перевода басен — он стал только в последние годы своей жизни и не успел оставить нам материал, характеризующий во всем объеме это развитие его творческой жизни.

В переводе концовки Абай пропускает непонятные для казахов слова «мещанин», «дворянин» и т. д.

После вступительной морали и перед началом перевода текста басни переводчик дает небольшое пояснение в 5—6 строк о том, откуда вол появился: «вол пришел к ключу напиться, а лягушки, побавнясь, переползли на ту сторону. Ведь вол для лягушек все равно, что гора, они страшно испугались. Оказывается, самый боль-ной завистник находится среди лягушек. Одна лягушка стала на-дуваться... хотела с волком сравняться...» С этих фраз начинается перевод текста и продолжается он до самого конца правильно. Сохранен драматизм, сосредоточением которого является следую-щий отрывок:

И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.

«Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?»

Подруге говорит. «Нет, кумушка, далеко!» —

«Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.

Ну каково?»

Поволилась ли я?» — «Почти что кичего».

«Ну, как теперь?» — «Все то же». Пыхтела да пыхтела

И кончила моя затейница на том,

Что, не сравнившись с Волком,

С натуги лопнула и — околела.

Қасиыдағы жолдасқа

Қара дейді «сен бізге»

Қыйын ба екен уақые,

Жеткен жок па өзіге,

«сіңдің, кебіңдің,

Сонда да не пайда?

Түрі жат өгіздің

Сен қайда, ол қайда.»

Күшменді келіп кіжініп

Келгеніңше шамасы.

Өсім гой деп ісінін,
 Деді: «енді қараша».
 Қарады да «әнеме
 Болған жоқ кой», деседі.
 Қызып алған ант ұрған,
 Айтқанына көнбейді.
 Ыңқыл қағып, қыбырлап,
 Күшпенді де бөртпіді.
 Іші жарылды шытырап
 Мақтанған деп өзі өлді.

Эти анализы басен: «Ворона и Лисица» (подробный разбор), «Стрекоза и Муравей», «Крестьянин в беде», «Бедный богат», «Осел и Соловей», «Вол и Лягушка» (отмечены характерные особенности) дают вполне достаточный материал, чтобы судить о тех индивидуальных особенностях отдельных переводов басен, которые в совокупности и составляют характерные черты переводов всех басен. В таком же духе сделаны переводы басен: «Пестрые овцы», «Вороненок», «Дуб и Трость», «Музыканты», «Слон и Москва». Примеры из них будут приведены ниже при разработке отдельных проблем, рассматриваемых в общем анализе переводов.

Казалось бы, более правильным в таком же порядке дать анализ басен из первой группы, т. е. дать их анализ по общим, характерным для переводов Абая, идейным и художественным особенностям всех басен, а не по отдельным басням. Наши анализы даны и в том и в другом варианте, которые дополняют один другого. Это вызвано одной специфической особенностью данных переводов, которая служит основанием для разрешения некоторых вопросов, затрагиваемых в данной работе — мы имеем ввиду принцип максимального приближения переводов к их оригиналам.

Вопрос о том, насколько перевод приближается к оригиналу или отдален от него как в текстуальном, так и в смысловом отношении, не может быть второстепенным вопросом в научном труде, построенном на материалах перевода, ибо он характеризует идеологическую точку зрения переводчика вообще и его отношение к идеям данного, переведенного им произведения, в частности. Вернее, он показывает насколько сходятся или расходятся в своих мировоззрениях автор оригинала и его переводчик.

В подобной работе невозможно построить те или иные выводы на отдельных примерах, выхваченных из текста того или другого перевода, а надо строить их на всем материале перевода. Мы берем в нем лишь характерные черты, которые мы можем выявить, привлекая множество других тончайших оттенков данного перевода. В данном случае это надо сделать по каждому переводу в отдельности, так как каждый из них имеет свои специфические особенности, и одна и та же характерная черта переводов Абая в каждом из этих переводов может проявляться своеобразно. То общее, которое мы в данном случае доказываем, — это одинаковый подход автора к переводам, т. е. стремление его к максимальному приближению их к оригиналам. Этого Абай достигает в каждом

отдельном случае по-разному, различными художественными приемами. Следовательно, анализ отдельных переводов неизбежен.

Наш анализ, как анализ отдельных переводов, так и общий анализ всех переводов преследует одну цель: доказать тенденцию наибольшего приближения переводов к оригиналам и обусловленность этой тенденции, с одной стороны, сильным идейным влиянием казахского народа в этот период своего социально-экономического и культурного развития. Этот вопрос мы поднимаем, как идейно-творческий вопрос, в противовес той тенденции в области изучения наследия Крылова в национальных республиках, которая видит положительные особенности переводов басен Крылова в установках переводчика на национальный быт. Эту «теорию» мы опровергаем, как неправильную, основываясь на анализах переводов Абая.

Среди 13 басен Абая особо выделяется басня «Есек» (Осел). Содержание ее следующее: 40 — 50 торговых караванов вместе возвращаются из дальнего пути и среди них — один осел, на котором везут золото. Караваны движутся так, как удобно ослу. Все богачи не отходят от осла, деляют его, терпят его капризы. Осел зазнается, думает, что у него есть особые отличительные свойства. Но вот золото забирает богач, и после этого с ослом никто не считается, на нем взят князь. Абай дает к басне концовку в четыре строки, где обращается к ослу со следующими словами: «Посмотри же на себя, ты остался тем же длинноухим, как и был, за тобой люди шли, пока на тебе золото было».

«Осел» Абая по своему сюжету далек от «Осла» Крылова. У Крылова осел важничает, считая подвешенный ему на шею звонок за новый чин, за орден, и он потом страдает от этого же звонка. Звонок его выдает, когда он заходит в чужой огород, его бьют, и к осени у него остаются только кости да кожа. Концовка басни такова:

И у людей в чинах
 С плутами та же беда: пока чин мал и беден,
 То плут не так еще приметен:
 Но важный чин на плуте, как звонок:
 Звук от него и громок, и далек.

«Осел» Абая больше подходит к «Мешку» Крылова. Валявшийся ранее под ногами мешок набивают червонцами. Лелеют его и хозяин и весь город. Мешок зазнается, говорит вздор.

И долго ли его ласкали?
 Пока все из него червонцы потаскали;
 А там он выброшен, и слуху нет о нем.

В концовке басни Крылов обращается к откупщикам и игрокам, которые были бедными, но, разбогатев, зазнались. Он предупреждает их:

Однако же, друзья, вы столько не гордитесь!
 Скажите ли правду вам тшмком?
 Не дай бог, если разоритесь:
 И с вами точно так поступят, как с Мешком.

«Осел» Абая нельзя считать прямым подражанием и этой басне. Сходство басни Абая с баснями Крылова в общем тоне, в сатире ее. «Есек» («Осел»), по содержанию, — это написанная по адресу определенного лица острая сатира. Абай в своей конюшке к басне прямо обращается к этому лицу. Судя по тексту басни и по тем условиям, в которых Абай ее писал, можно предполагать, что она написана по адресу какого-то восточного управителя. По всей вероятности, цифра 40 — 50 не взята произвольно. Вполне возможно, что это означает количество родов или административных подразделений той волости, которой управлял этот осел-управитель. По своей форме «Есек» такая же басня, как и переводы поэта. Она не похожа ни на какие произведения казахской литературы того времени, включая собственные произведения Абая. Она созвучна с переводными баснями автора во всех отношениях и окончательно закрепляет за ним то творческое направление его, которое связано с переводами басен Крылова.

ОБЩИЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ АБАЯ

а) Принцип максимального приближения переводов к текстам оригинала

Прежде всего надо отметить тот факт, что Абай на свои басни смотрел именно как на переводы, т. е. подчеркивал, что они являются не его собственными произведениями, а переводными, что видно из его оговорок к ним: «Из Крылова», «Перевод из Крылова» и т. д.

В то время это не было распространенным явлением. Например, Алтынсарин свои переводы как басен, так и других произведений русской литературы не отмечал, как переводные. Так же поступал Алекторов, не указывая авторов переводных произведений, в том числе и басен Крылова, вошедших в его хрестоматию. Абай же такую оговорку делал и к переводам произведений Пушкина, Лермонтова. Любопытно отметить, что Абай и в этом отношении является начинателем, новатором.

Переводы Абая — высокохудожественны. Они легко читаются и захватывают читателей остротой мысли и поэтичностью. Абсолютно не чувствуется их переводность. Все это свидетельствует о том, что они являются сугубо творческими переводами.

Казахский язык имеет свои специфические особенности, в сравнении с русским языком, и перевод с русского языка на казахский язык теми же словами и в том же порядке, как в оригинале, как правило, невозможен.

Точные переводы делаются не теми же словами, какими написан оригинал, а теми понятиями, какие содержатся в оригинале. Эти понятия в переводе могут быть переведены совершенно другими словами и другими оборотами, и очень часто бывает так, что эти слова такие понятия могут передать только в данном контек-

сте. Поэтому точность перевода определяется не лексическим составом и синтаксическими оборотами оригинала, а смысловым содержанием его.

Примитивные сравнения слова со словом, фразы с фразой и т. д. приводят к формалистическим идейным извращениям. Слово, фраза, абзац и т. д. действительно являются теми основными критериями, из которых должен исходить перевод. Но творческое преломление в переводе идейного содержания данного слова и данной фразы надо искать не только в слове и фразе, а и во всем материале переводимого произведения, т. е., если взять для примера один из возможных случаев, то некоторые оттенки содержания отдельного слова приходится искать не только во всей этой фразе, но и во всем этом произведении, и оттенки содержания фразы — не только в этом произведении, но и во всем творчестве данного автора. Это значит, что для того, чтобы понять творческий перевод, надо подняться выше примитивного, вредного формализма — крохоборства в переводческом деле, подняться до идейно-художественного уровня творческого перевода. Именно так и надо понимать точность переводов Абая в тех случаях, когда они не совпадают с оригиналами слово в слово.

В завершение всего сказанного о текстуальных переводах и для иллюстрации массовости их приведем пример еще из одной басни:

а) С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел.

Шілікпен емен бір күн сөйлесіпті (С Тростинкой Дуб однажды в речь вошел).

б) — «Ты очень жалостлив», — сказала Трость в ответ,

— «Есіркеуші екенсің, деді шілік (Очень жалостлив (ты), сказала Трость).

«Однако не крушись: мне столько худы нет»

«Ойша сорлы емесің, тартпа күйік (Столько худы нет мне, не крушись).

в) Хотя я и гнусь, но не ломаюсь.

Сыйбаймын, майыссам да (не ломаюсь (я), хоть и гнусь).

г) Дуб держится, — к земле Тростинка припала.

Шілік жерге бас ұрып, емен тұрды (Трость к земле припала, Дуб держится).

Данные отрывки переведены слово в слово с той только разницей, что, в соответствии с особенностями казахского языка, кое-где слова поменялись местами, а местонами даются окончаниями других слов: «ты» — окончанием слова «еменсің», «мне» — «емесің» и «я» — «майыссам». Такие образцы можно привести из любого перевода, и они вполне могут послужить иллюстрацией к точности переводов Абая.

Мы говорили, что точность перевода, как правило, не определяется тем, совпадает или не совпадает он с оригиналом слово в слово. Однако эти примеры здесь имеют значение особенно для тех читателей, которые не владеют казахским языком. Дело в том, что вышеуказанное обстоятельство, связанное со значением перевода в контексте, осложняет обратный перевод переводных текстов, осо-

бенно отрывками, так как отрывки, оторванные от контекста, могут звучать иначе, чем в контексте. Это, конечно, не говорит за то, что невозможно делать такие переводы. Такие переводы вполне возможны, но они не должны быть буквальными и требуют комментариев, иногда довольно сложных. Упоминаемые нами черты переводов Абая обусловлены определенными особенностями казахского языка и контекста и при обратном переводе требуют оговорок и даже сложных анализов. По этой причине мы не можем дать обратный перевод всех примеров, приведенных здесь из переводных текстов, в результате чего те читатели, которые не знают казахского языка, будут отчасти ограничены в возможностях судить о качестве этих переводов, сличая их с оригиналами. В этом отношении вышеприведенные примеры, будучи массовым явлением в данных переводах, значительно пополняют ту часть анализов, которая вполне доступна и для таких читателей.

Другие переводы Абая, не совпадающие с оригиналами текстуально, точно совпадают с ними по смыслу, т. е. они даны теми же понятиями на казахском языке, какими даны в оригиналах на русском языке. Примеры этому приведены при анализе отдельных басен в достаточной мере, и они особых комментариев не требуют. Тем не менее, для того, чтобы ярче показать, что из себя представляют переводы Абая, точные не текстуально, а по смыслу, приведем только один пример из перевода Абая басни «Стрекоза и Муравей» в сравнении с другим переводом этой же басни, сделанным Каламбаевым.

Из басни Крылова:

Попрыгуня Стрекоза
Лето красное пропела;

Нет у дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Все прошло: с зимой холодной.

Перевод Абая:

Шырдауық шегіртке
Ыршп жүріп ән салған,
Көгалды қуып гөлайттап,
Қызықпен жүріп жазды алған.
Жаздыңғи жапырақтың
Біріңде тамақ, біріңде үй,
Жапырақ кетті, жаз кетті,
Қуы болған соң кетті күй.
(Стрекозуңа стрекоза, попрыгивая,
певала; гуляя по зеленой травке,
в веселое лето пропела, в летних
листьях: при одном — пища, при
другом — дом; не стало листьев, не
стало лета, настала осень, положение
(ее) стало хуже).

Перевод Каламбаева:

Шегіртке жаздың бойы ойын салған
Қайғы жоқ, уайым жоқ ойына алған,
Ақмақ боп есерлікпен жүремің деп,
Болғанғи күздің күні білмей қалған.

(Стрекоза все лето доводило гуляла,
ни о чем не горевала, не думала;
по своей глупости время проводя,
как помешанная, не заметила, как
осень наступила).

ным переводом отрывка из перевода Абая. Перевод Абая самобытен и его некоторые тонкие оттенки в подстрочном переводе не даны. Например, слова «шырылдауық» (стрекошущая), «ыршп жүріп» (попрыгивая), «көгалды қуып» (по зеленой травке), «жазды алған» (лето пропела) и др. в данном тексте имеют более тонкие и выразительные поэтические оттенки, чем в подстрочных переводах.

Такая разница между оригиналом и подстрочником еще больше ощущается, если взять их в целом, включая отсутствие в подстрочнике ритмичности, рифмы и т. д. Но независимо от этого, эти отрывки характерны для данных переводов в следующих отношениях. Перевод Абая сделан строго по тексту оригинала. В нем упоминаются те же слова, что и в оригинале: «попрыгунья» («ыршп жүріп» — «попрыгивая»); «стрекоза», «лето» «пропела» (ән салған — «певала»), «листок», «стол» («тамақ» — «пища»), «дом». Но передача смысла некоторых слов переиначена: например, слова «лето... пропела» передаются словами: «в веселое лето пропела» («қызықпен жүріп жазды алған»), причем перед этим упоминается, в чем заключается это веселое: певала, гуляла и т. д. Этот подстрочный перевод при творческом переводе получил бы формулировку — «лето прогуляла» или даже «лето пропела». В переводе не «попрыгунья стрекоза», а «стрекошущая стрекоза», но она «попрыгивает». Смысловый эффект слова «красное» передан отчасти словами «по зеленым травкам», а, главным образом, всем эффектом данного отрывка в целом. После первых двух из шести строк данного отрывка оригинала переведены предпоследние две следующие строки: «в летних листьях при одном пища, при другом дом» («жазығиңғы жапырақтың біріңде тамақ, біріңде үй»), и только после этого, путем указания на обратное положение («не стало листьев, не стало лета; стала осень, положение ее стало хуже») дается перевод третьей и последней строки — «Нет у дней тех светлых боле... Все прошло: с зимой холодной». В переводе не «под каждым листком», а «при одном... при другом листке», но эти и некоторые другие второстепенные детали не имеют никакого значения для общего тона и общего содержания всего отрывка и, тем более, всего перевода. Слово «стрекошущая», которого нет в оригинале, только еще больше закрепляет за переводом ту художественную и смысловую особенность, которой отличается оригинал, т. е. больше оттеняет заманчиво веселое настроение стрекозы и тем самым создает больший контраст между этим и последующим бедственным положением ее.

Совершенно иные показатели дает нам отрывок из перевода Каламбаева. Прежде всего, как уже было отмечено, в нем нет никакой поэтичности: это простой пересказ своими словами содержания оригинала. При этом рассказывается и то, что автор держит в уме. Это сделано под влиянием фольклорных традиций, продиктовано желанием более наглядно показать бедственное положение Стрекозы путем сравнения этого положения с ее прошедшим слухом веселым состоянием: «ни о чем не горевала, не думала; по

своей глупости время перевода, как помешанная». В переводе не упоминается почти ни одного характерного для оригинала слова. После этого перевод не поддается даже никакому анализу, становится совершенно не адекватным оригиналу. Пример данного отрывка характерен для всего текста перевода Каламбаева и для переводов многих других авторов.

Пример отрывка из перевода Абая характерен не только для данного перевода, но и для всех его переводов басен Крылова. В приведенном отрывке мы видим перевод вполне адекватным оригиналу, что достигнуто путем передачи смысла текста оригинала. Но эта «передача смысла» не вызывает особенно сложных смысловых комбинаций в тексте перевода, а достигает ее некоторыми перестановками слов и фраз, заменой одних слов очень близкими другими словами, являющимися, хотя бы в данном контексте, почти синонимами. Это те приемы перевода, которые применены переводчиком после того, как ему не удалось дать точные переводы и в текстуальном, и в творческом отношении.

Но бывают тексты, которые не поддаются и таким приемам перевода. В таких случаях необходимы еще более сложные приемы. Если нельзя перевести текст ни путем текстуальной передачи смысла, ни путем передачи прямого смысла, то надо найти какие-то обходные пути передачи смысла тех или других слов или фраз. Абай дает классические примеры и такого перевода.

Обобщая уже приведенные факты в этой области, мы получаем следующую картину: а) Абай дает понятие, заключенное в слове «взгромоздись», указанием на высоту дерева. Созданием контраста между вороной на такой высоте и так низко сидящей лисицей, достигается не только смысловой, но и художественный эффект; б) на примере перевода слова «плутовка» видно, как переводчик мастерски передает один оттенок значения этого слова и пропускает ненужный в данном случае другой оттенок, используя для этого естественные возможности казахского языка; в) глубокий смысл имеет перевод строки «от радости в зобу дыхлая перлю». Она переведена: «От радости надулся он и опьянел». В отношении состояния вороны в этот момент трудно найти разницу между подлинником и переводом. В самом деле, если вдуматься в суть этих фраз, то легко можно убедиться в том, что, когда вам говорят «от радости в зобу дыхлая перлю», вы представляете себе надувшегося и потерявшего психологическое равновесие человека.

При детальном анализе такую адекватность между оригиналом и переводом мы находим во всех переводах Абая. Причем, каждый отдельный пример имеет свои особенности, т. е. новые анализы этих переводов обнаруживают все новые и новые приемы переводческого мастерства. Они представляют глубокий интерес в том отношении, что Абай раскрывает бесчисленные возможности взаимосвязей между русским и казахским языками в области творческих переводов. Мало того, он эти возможности превращает в действительность не механически, а в результате глубоко творческого процесса, отражающего мастерство, талант и гений переводчика и силу

влияния переводимого произведения. Когда мы говорим о мастерстве переводчика, то дело даже не в его приемах, а в его подходе, отношении к переводу, как к искусству. Он не копирует переводимый текст и в то же время не отходит от его содержания. Сила искусства перевода в данном случае состоит в том, что приведенные факты — не единичные явления, а представляют целую систему.

В результате чуткого и бережного отношения к текстам Крылова Абай сохранил в своих переводах основные качества его басен. В переводах сохранен их драматизм, даны все те особенности подлинников, которые обуславливают сатиру Крылова. Сатира басен передается, главным образом, тем, что переводы Абая имеют сугубо социально направленный характер. Перед нами выступают не звери, не птицы, а буквально люди в образе зверей, птиц и т. д. Это во всей полноте подчеркивает сатиричность содержания переводов. Кроме того, сила этой сатиры связана с той почвой, на которую падали ее семена — с условиями жизни казахского народа.

В переводах Абая дана индивидуальная характеристика участвующих в баснях зверей, птиц и насекомых. Каждый из них говорит своим особым языком: например, лисица — лживо-нахальным, стрекоза — слезливо-умоляющим, медведь — неумело-глупым и т. д. Тщательно продуман образ действия каждого из них. Лисица — изворотлива, осторожна, к дереву на цыпочках подходит («Ворона и Лисица»), лицемерно-вежливо обращается к царю («Пестрые овцы»); ворона бессмысленно оглядывается вокруг себя, выражая свою глупость; Москва из кожи вылезает, мечась из стороны в сторону; парни из басни «Музыканты» — горланят вздор; самодевулю рассуждает их отец.

Абай прекрасно передал народность крыловских басен. Основа народности басен Крылова в переводах Абая лежит в том, что эти басни по своему содержанию были близки к жизненным условиям казахского народа и интересам его дальнейшего развития. Эта жизненная основа сочеталась с искусством переводческого мастерства Абая, выразившегося в том, что он очень удачно находит в казахском языке такие понятия, которые вполне адекватны переводимым понятиям. Эти новые понятия он составляет не путем простого калькирования, а творческим путем, глубоко углубляясь, с одной стороны, в идейную сущность этих переводимых произведений и, с другой стороны, в творческие возможности казахского языка. В этих переводах демократические идеи басен Крылова переданы высокохудожественным, истинно народным языком. Этим самым Абай сделал свои произведения настоящими народными произведениями, чем сохранил реализм и народность крыловских басен.

Несколько слов об «отклонениях» Абая от текстов Крылова. Нет в этих переводах сколько-нибудь значимых смысловых отклонений от оригинала. Они абсолютно незаметны на общем фоне текстуальной и смысловой точности этих переводов: почти все кажущиеся отклонения вызваны стремлением переводчика дать во всей полноте прямой смысл тех или других моментов содержания басен. Например, в переводе басни «Вороненок» Абай показывает, что

орел не просто хватает из стада ягненка, а поднимает его на вершины скал. Сравнение дерзости вороненка с действиями орла, поднявший ягненка на скалы, а не севшего с ним, например, на ближайший камень, только подчеркивает замысел автора басни.

Напряженность положения крестьянина в басне «Крестьянин в беде» также особо подчеркивается путем удлинения соответствующего места перевода за счет нескольких дополнительных строк, говорящих о том, что крестьянин даже чаю напиться не может, остается в безвыходном положении. В басне «Стрекоза и Муравей» положение стрекозы оказывается летом слишком веселым, а зимой — слишком трагическим. Это наглядно видно из сравнения следующих отрывков перевода.

Шырылдауык шыртеке
Ырышп жүріп ән салған,
Көгалды қуып қолайтпап
Қызықпен жүріп жазды алған.

Қабағын қайғы жабады
Саламда жатып дан жыйған
Қумирсканы іздеп табды,
Селкілден келіп жығылды,
Аяғына бас ура.

В обоих отрывках положение стрекозы показано подробнее, чем в оригинале. В первом отрывке стрекоза ласково называется «стрекошечкой» стрекозой. Показывается, как она, попрыгивая, пела. Специально вносится в текст русское слово «голайтпап» («гуляла»), срассчетом на художественный и смысловой эффект. Во втором отрывке удрученная стрекоза приходит к муравью, падает ему в ноги. Все эти художественные приемы вызваны желанием переводчика как можно полнее передать содержание басен. Как в этих, так и в других, не приведенных здесь «отклонениях», нет никакой тенденции, отличной от содержания оригиналов. Они исходят из содержания самой басни и являются средством или приемом более выразительного отражения в переводе содержания тех или других отдельных отрывков оригинала. Единственным заметным отклонением, присущим переводчику, можно считать его стремление к логической мотивированности. Это дано в переводах в виде коротеньких разъяснений в начале или в середине перевода; они иногда берутся из самого переводимого текста. Так, например, перевод басни «Бедный богач» начинается с 12 — 13 строки этой же басни для того, чтобы не начинать его с непонятого, на первый взгляд, монолога Бедняка. Там, где эти разъяснения даны несколькими дополнительными строками, они стоят отдельными куплетами, не внося никакой расплывчатости ни в текст, ни в смысл перевода в целом, т. е. вся остальная часть текста остается переведенной строго по оригиналу. По содержанию они опять-таки только дополняют то или другое место подлинника. Их даже нельзя назвать дополнением. Они обнаруживаются лишь при сравнении перевода с оригиналом текстуально, а не по смыслу. В последнем случае вы не обнаружите там никаких дополнений. Только перевод данного отрывка получается более многословным, в сравнении с подлинником. Причем такая многословность вовсе не является характерным явлением для всех переводов. Если в одном месте перевод более многословен, чем оригинал, то в другом месте, наоборот, он гораздо короче его. Вот примеры:

Нужда, голод настает;
Стрекоза уж не поет:
И кому же в ум пойдет
На желудок петь голодный!

Чуть легкий ветерок
Подернет рябью воду.
Ты зашатаешься, начнешь слабеть.

Ну что за шейка, что за глазки!

Сучык таңған, қарны ашқан,

Ойын қайда, ән қайда.
(«Стрекоза и Муравей»)

Жел бұлқ етсе тебесін әлпеншекті
(«Дуб и Трость»)

Неткен мойны, неткен көз.
(«Ворона и Лисица»)

В приведенных примерах тексты переводов гораздо короче, чем тексты оригиналов. И все же, несмотря на это, их содержание передано замечательно. Это говорит за то, что удлинение текста перевода в одном случае и сокращение — в другом объясняется самой техникой перевода и не представляет собой отклонения переводчика от подлинника. Отсебятиной переводчика надо считать то, что идет вразрез с замыслом или художественными приемами автора. Примером этого может служить, например, отклонение переводчика от оригинала в переводе Каламбаева, выразившееся в пространном объяснении того, как Муравей трудился, тогда как в оригинале об этом нет ни слова. Причем переводчик посвящает этому почти треть всего перевода.

Таким образом, в переводах Абая есть одно стремление — как можно точнее передать содержание оригинала. Отдельные моменты перевода, кажущиеся отклонениями от основного текста, фактически являются творческими приемами, обусловленными рядом причин и особенно уровнем своих читателей. Читатели Абая по своему развитию значительно отличались от читателей Крылова, и великий мастер слова не мог этого не замечать. Все, что творил, он старался сделать доходчивым для своих читателей, учитывая и то, что его произведения будут распространяться только устным путем, и если они не будут построены на логической связи, то при устном распространении постепенно потеряют целостность. Абай не вносит в свои переводы ни казахизма, ни мусульманизма и не допускает грубых калькирования.

Переводы Абая прекрасны с точки зрения освоения творческого наследия великого баснописца. В то время русский народ стоял на несравнимо более высокой ступени развития социально-экономических отношений, чем казахский народ. При таких условиях эти переводы представляют собой вершину искусства, к которой стремился Абай, и он достиг этого.

Как много и упорно работал Абай над этими переводами, чего он хотел, что ему удавалось и что не удавалось, видно из различных вариантов его переводов. Они дают ценные материалы не только для исследователя-литературоведа, но и для историка, экономиста, философа и т. д. Переводы Абая по мастерству похожи на сложную архитектуру небольшого дома, построенного из разноцветных кристаллических кирпичей. Надо художественно осмыслить эту архитектуру, тогда будет видна вся прелесть этих переводов. В них

видны прекрасные узоры, сделанные движением мыслей гениального поэта, направление этих мыслей, большой талант и, наконец, в них видно гневное, призывающее к беспощадной борьбе со всеми видами мерзавцев-лисиц, львов-царей, хищников-волков и им подобных, лицо поэта-мыслителя.

6) Принцип максимальной передачи идейного содержания басен

Из анализа текстов видно, что определяющим принципом для Абая было максимальное приближение переводов к текстам оригиналов. В данном разделе постараемся еще полнее раскрыть ту идейную основу, которая обусловила такой принцип переводов, начав с анализа первого из трех вариантов перевода Абая басни «Ворона и Лисица».

До сих пор в анализах отмечалась поразительная точность переводов Абая. Данный перевод с очевидной наглядностью показывает, какое значение имеет точность; как могло быть иначе, какие неточности могли быть даже у самого Абая и каково их социальное и идейное значение.

Для сопоставления с другими переводами даем данный перевод и русский подстрочник к нему.

КАРГА МЕН ТҮЛКІ

(Крыловтан)

Боқтықта талтандап,
Жан-жаққа жалтандап,
Бір қарға жүр еді.
Бір жатқан ірімшік
Көзіне түседі,
Көнілі өседі,
Ірімшікті көрінген
Тістеп ап ұшады.

Бір ағашқа қонды да,
Асықпай жемек болды да,
Масатып қарады:
Оқына, солына.
Ағашқа қонып, қаранып,
Қанатын, жүнді таранып,
Болмақшы еді маз-майрам,
Дейтін емес, қу қайдаң.

Жем іздеген бір түлкі
Кездей келді сорына.
Ағаштан төмен түспеген,
Ірімшікті тістеген,
Қарға түсті көзіне.
Қу құмар ақмаққа,
Алдап, арбап соқпаққа
Кедеседі өзіне.

Жуасып, жабырқап,
Таң қалып, таңырқап,

Қарады жузіне.
Қарашы залымның,
Бұл жұртқа мәлімнің
Алдаған сезіне:

— «Есен-сау жүрсіз бе,
Ақынның төресі.
Көп жерден белгілі
Тегін құс емесі.
Жүнікіз, үнікіз,
Мұрныңыз, көзікіз,
Құлаққа көп тиген
Мақтаған кемесі.
Басынан өзгеше
Білгіті денесі.

• Көп жерден, қалқамай,
Құмарым тарқамай,
Сізді іздеп келіп ем.
Сүйінісін құлағым,
Тарқасын құмарым,
Өніне бір салыш,
Асық боп өліп ем».

Мақтауға есіріп,
Барынша кесіліп,
Ырғалып: қарқ етті.
Ірімшік жерге салп етті.

Тап етті,
Шап етті,
Ап кетті,
Қу түлкі.

Ант ұрған,
Сол тұрған
Жүріңе бол құлық.

Подстрочник. В мусоре (буквально в отбросах)¹ расхаживала ворона, оглядываясь вокруг себя. Увидев лежащий сыр, она обрадовалась и, взяв его в зубы, полетела. Села она на одно дерево, чтобы покушать не торопясь; гордо посмотрела направо и налево. Она хотела сесть на дерево и, оглядываясь, расправив крылья и перья, восторжествовать, но на ее беду лисица, ищущая себе пищу, вдруг встретилась. Она ворону, не спускавшуюся с дерева и держащую в зубах сыр, увидела. Хитрец любит глупца, любит обмануть, обворовать его. Подумав (буквально посоветовалась сама с собою), смиренно — с грустным видом и с удивлением она посмотрела ей (Вороне) в лицо. Вот какими словами (этот) хитрец, всем известный, стал обманывать (ее): «Здорово поживаешь, лучшая из лучших пеница? Издалека видно, что не простая птица. Какие перышки, какой голосок, какой носок, какие глазки и какой слышанный, нахваленный совет (надо полагать, что «совет» здесь в смысле пеня). Телосложение (ее) отлично от головы (в смысле еще лучше). Издалека, голубушка, с жаждой видеть (тебя) пришла. Утоли мою жажду, успокой мои уши, спой (мне), выходила из терпения (в жажде видеть тебя). (Ворона) опьянев от похвал, показавшись, изво всех сил каркнула: сыр на землю шлепнулся. Набралась (лисица), схватила, скрылась.

Перевод заканчивается следующими словами, написанными вместо концовки: «Шутник (ты), лисица, проклятый (в шутильном то-не), будь ты насмешкой на том же месте, где стоишь».

Данный вариант перевода басни «Ворона и Лисица» не вошел в первое издание произведений Абая. Это значит, что он не вошел в тот сборник рукописей, который положен в основу первого издания и в который вошли все новейшие редакции переводов басен, а сохранился только в одной из «Рукописей Мурсента», содержащей старые редакции переводов. Этот факт неопровержимо доказывает, что перевод был забракован в свое время самим автором и басня заново переведена. Этим новым переводом является тот второй вариант, который находится в той же рукописи. Как видно, вначале первый вариант распространялся параллельно со вторым вариантом, а потом автор, отредактировав второй вариант, дал третий вариант перевода басни, который и вошел потом в новейший сборник наравне с последними вариантами переводов других басен.

Почему Абай забраковал этот первый вариант и чем отличался от него второй и третий варианты? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, сравним эти варианты. При этом второй и третий варианты во многих случаях нами отождествляемы, за основу берется третий вариант и кое-где пополняется различиями между этими

¹ Все, что заключено в простые скобки — от автора публикуемой работы.

последними вариантами. Отдельные места переводов Абая сопоставляем с переводом Алтынсарина.

Нетрудно заметить, что данный вариант перевода Абасем сделан по тексту Крылова строка за строкой: Ворона находит сыр, садится на дерево и не съедает сыр сразу; встречается лисица, подходит, хвалит; упоминаются и перышки, и носик, и глазки, просит спеть и т. д. Несмотря на это, перевод получился слишком вольным. В этом нетрудно убедиться, сопоставив подстрочный текст с теми анализами, которые нами даны по третьему варианту перевода. Поэтому отметим только наиболее характерные различия между ними.

В самом начале первого варианта ворона важно рассказывает там, где для нее очень много пищи (среди отбросов), и не видно, что она слишком нуждается в пище и этот сыр был редкой находкой для нее. Наоборот, она здесь показана самодовольной и сытой. Такому тону перевода соответствует и то, что ворона находит не «кусочек», а просто сыр, и не где-то бог его вороне посылает, а находит она его там, где много таких отбросов. Слова «кусочек» нет и в третьем варианте, но его смысл здесь ясно передается там, где говорится, что для голодного это большая находка (значит, для сытого — ничтожная) и другими оттенками перевода. В этом варианте слова «где-то бог посылал» переведены так, что будто бы при помощи бога ворона случайно наткнулась на сыр. Это является абсолютно правильным переводом. То, что ворона сыр находит среди множества отбросов — это противоречит духу басни. В результате все это в первом варианте переведено в противоположном тоне, чем в оригинале. В третьем варианте этот момент тщательно разработан. Во-первых, переводчик прямо упоминает, что «сыр голодного большая находка», во-вторых, представляет большой интерес такая деталь: во втором варианте слово «позавтракав» переведено словом «накушавшись», а в третьем варианте оно заменяется словом «покушав». Это определенно вызвано тем, что слово «накушавшись» противоречит замыслу данного места — показать незначительность и случайность находки вороны.

Очень характерен перевод данного отрывка у Алтынсарина. Там совсем не указывается, где и как ворона нашла сыр. С самого начала перевода она с вкусным сыром во рту сидит на дереве, и это слово «вкусным» вносит в перевод совершенно другой оттенок. В этом тексте разговор о жизненной необходимости сыра вовсе отпадает, а внимание читателя переносится на то, что сыр — не простой сыр, а вкусный, и остается впечатление, что все действия между вороной и лисицей происходит из-за этого качества сыра. Иначе говоря, между ними происходит не борьба за жизненно необходимую вещь, а какая-то игра в любопытство. Это снижает качество содержания басни: стирает с нее окраску социальной направленности, ее сатиричность. На уровне, близком к переводу Алтынсарина, остается и перевод данного отрывка в первом варианте Абая. В третьем варианте происходит настоящая борьба полуголодных из-за насущного куска.

Аналогичное сходство получается между первым вариантом

Абая и переводом Алтынсарина и в отношении вводной морали. В том и другом случаях она не переведена. Она не нужна была авторам, потому что они не задавались целью сделать свои переводы социально заостренными. Это ясно выражено в переводе Абая в следующих словах: «хитрец любит глупца, любит его обмануть, обворовать...» «Шутник (ты), Лисица, проклятая (в шутливом тоне), будь ты насмешкой на том же месте, где стоишь». Последняя фраза сказана в одобрительно-шутливом тоне, что, мол, ты очень смешотворна, находчива. В первом варианте Абай в лисине не видит социально-вредного типа, как это он делает в третьем варианте. Там он по адресу лисины говорит с гневом, называет ее проходичем, а ее слова — гнусными словами. В этом оттолении характерен такой факт. В одном месте второго варианта Абай слова лисины называет «словами плутовки» («кудың сезі»), в третьем варианте это слово «кудың» переправляет на «сумыны». Последнее слово в казахском языке звучит несравненно сильнее, чем первое, и в данном контексте его можно перевести, по меньшей мере, словом «проходичем». Важен тот факт, что Абай ищет слово более острое, с большей социальной окраской для того, чтобы оттенить вредность лисины. Этот и подобные факты, взятые в совокупности, превращаются в определенную тенденцию, вызванную пристрастным отношением Абая не к зверям, а к подобным им людям.

Приведенные факты являются только отдельными примерами, характеризующими различия идейного содержания этих вариантов. При желании эти примеры можно умножить и можно также показать в деталях, как первый и третий варианты представляют собой совершенно различные по содержанию произведения. В третьем варианте вы не найдете сколько-нибудь существенных отклонений от подлинника.

Несмотря на то, что и в первом варианте материал излагается в том же порядке, как и в подлиннике, отклонения от последнего встречаются в каждом куплете, в каждой строке этого варианта. Ворона здесь не взлетает на дерево, взгромоздясь, или не садится на высокое дерево, как в третьем варианте, а сидит просто на дереве. Пропущен в переводе ряд моментов содержания оригинала, например, «подходит на ципочках» и др. В нем также имеются лишние слова и нескладные места: бессмысленно стоят в тексте перевода фразы: «ағаштан төмен түспеген» («не спускающийся с дерева»), «бұл жұртқа мәлім» («этот всем известный») и т. д. В этом варианте Абай резко отходит от текста басни Крылова. Нет здесь той точности, которая характерна для других переводов Абая. Это вольный перевод. Он представляет собою как бы шуточный перевод басни. В нем очень слабо подразумеваются люди в образах вороны и лисины. Нет в этой басне того общественно значимого, острого идейного содержания, которым характеризуется третий вариант. В этом главное различие между ними.

Характеристика лисины и некоторые другие места текста этого перевода в известной степени приближают его к переводу Алтынсарина, хотя в целом этого сказать никак нельзя. Он стоит гораздо

выше хотя бы потому, что последовательно отражает текст оригинала и тем самым полнее передает содержание басни. Его также невозможно приравнять к другим переводам (басен) Абая, а надо считать образцом, показывающим первые попытки автора перевести басни Крылова и забракованным впоследствии переводчиком. Этот вариант показывает, как Абай приступал к переводам басен, какие у него были заблуждения, что он не сразу освоил идеи басен Крылова и, начав с таких робких шагов, далеко ушел в последующих переводах, превращая их в острое оружие осуществления в жизни своих идейных взглядов. Первый вариант не отвечал этим стремлениям Абая и потому он его забраковал.

Первый вариант Абая и перевод Алтансарина, имея в своих деталях значительные различия, несомненно, сходятся в том отношении, что в том и в другом переводе их авторы принимают басню Крылова, как нравоучительное произведение, в отличие от третьего варианта, где автором эта же басня принята как сатира. Таким образом, мы оказываемся перед фактом, когда один и тот же переводчик дает перевод одной и той же басни в одном случае с нравоучительным содержанием, а в другом с сатирическим. Здесь, между прочим, со всей наглядностью обнаруживается сущность высокого переводческого искусства.

Как видим, Абай, отойдя от нравоучительного перевода, перевода для забавы, перешел к другому типу перевода — к переводу сатирическому, к переводу с социально направленным содержанием. По всему видно, что не формально художественная, не кака-либо другая сторона, а именно идейное содержание басен послужило причиной того, что великий мыслитель резко изменил свое отношение к переводам басен Крылова. В силу условий, в которых развивалась творческая жизнь поэта в это время, Абай всецело отдавался глубокому содержанию крыловских басен.

Как уже было отмечено, из всех вариантов переводов басен Абая видно, что очень характерным явлением для него является стремление к максимальному приближению перевода к оригиналу. Эта характерная особенность доходит до такой степени, что в общей сложности превращается в определенный творческий принцип. Факты, приведенные для иллюстрации наличия в переводах Абая такого принципиального, направляющего стержня, мы называем художественно-текстуальным и художественно-смысловым точными переводами, а те формы, в которые облечены эти переводы — творческими приемами перевода. Точные переводы и творческие приемы Абая, взятые в целом, составляют своеобразный стиль. Это — идейно-художественная форма определенных художественных произведений. Формы художественных произведений определяются их содержанием. Также обстоит дело в анализируемых переводах. В них прикованность внимания переводчика к текстам оригинала обусловлена прикованностью его внимания к их идейному содержанию. Приближение перевода к оригиналу для Абая не самоцель и не слепое стремление без определенных расчетов, а именно средство освоения содержания басен. Последний из разных вариантов перевода одной и

той же басни, будучи приближенным к оригиналу текстуально, в то же время обязательно приближается к нему по смыслу. Бывают такие случаи, когда последний вариант текстуально не точен, а по смыслу точен, но не бывает обратного случая. Это говорит о том, что редакционная обработка переводов преследовала смысловую точность, а не текстуальную. Иначе говоря, не точность перевода определяла его содержание, а, наоборот, идейное содержание определяло его точность.

Также характерен в этом отношении творческий прием переводчика. Там, где он дает текстуально точный перевод, это обязательно приводит также к смысловой точности. В тех случаях, когда ему это не удается, он выбирает смысловую сторону и дает перевод точный не текстуально, но точный по смыслу. Приемы перевода меняются в зависимости от полноты передачи идейного содержания оригинала. Больше того, если переводчик не удовлетворяется передачей этого идейного содержания переводом тех отрывков, которыми оно дано в оригинале, то он усиливает содержание перевода дополнительными строками от себя или некоторыми другими приемами, не внося при этом в перевод ничего чуждого духу оригинала. В этом отношении являются настоящими творческими приемами и те его кажущиеся отклонения от оригинала, которые изредка встречаются в его переводах.

Он пристально следит за точностью содержания своего перевода, передавая его в самых естественных и художественных формах, в борьбе со всевозможными отрицательными влияниями и другими препятствиями на своем пути в достижении этой цели. Этим самым создается высокая напряженность творческой мысли, и в этой борьбе созданы выпешеприведенные замечательные художественные приемы перевода. Следовательно, эти художественные приемы созданы стремлением поэта к смысловой точности, а не художественные приемы приводят его к смысловой точности. Точность перевода, прикованность внимания переводчика к воспроизведению текста оригинала и все те творческие приемы, которые выработаны на этой основе — все это является той формой, при помощи которой Абай выражает это идейное влияние. А высокие творческие успехи в этом деле показывают большую силу этого влияния и перелом в идейно-творческом развитии самого Абая.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВЫВОДЫ ИЗ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДОВ АБАЯ

Анализируя переводы Абая, мы видим, что он следовал за баснями Крылова не только в идейном отношении, но и точно воспроизводил тексты отдельных басен. Отмечен был и тот факт, что поэт к своим переводам относился именно как к переводам. Являются ли эти переводы произведениями, отражающими русский быт и русскую действительность или отражают казахский быт и казахскую действительность того времени? Они отражают ту и другую действительность, точнее: они являются продуктами того общего в жизни обоих народов, которое все больше и больше развивалось при влиянии русской материальной и духовной культуры на социально-экономическое и культурное развитие казахов. Они являются результатом этого влияния, но влияния, органически вошедшего в жизнь народа. Следовательно, они представляют собою непосредственное отражение казахской действительности, но действительности новой, прогрессирующей. Эти переводы вызваны самой жизнью казахов и отражают определенные стороны этой жизни. Дело только в том, что эти произведения Абая пришли в казахскую литературу иными путями, чем многие его другие произведения, отражающие специфический казахский быт.

Таким образом, данные переводы являются произведениями казахской литературы, органически входящими в ее состав, как и другие произведения Абая. Переводы отличаются от собственных произведений Абая только своими некоторыми качествами, из которых прежде всего надо отметить их сатиричность. Кроме того, они отличаются драматизмом, картинностью и всем своим построением. В результате всего этого переводы Абая в казахской литературе являются совершенно новыми произведениями, резко отличающимися и от его сатирических стихов. Они не только чисты от влияния восточной традиционности, но и далеки от влияния казахского фольклора. Материалы фольклора в них использованы лишь как выразительные средства казахского языка. В них нет отражения сугубо специфических особенностей местного быта. Благодаря этой

своей особенностью, при простом подстрочном переводе, они легко могут стать баснями киргизов, татар, узбеков и т. д.

Глубокая идейность, социальная направленность и высокая художественность басен Абая, отсутствие в этих баснях традиционности и шаблона — все это дает возможность автору сохранить в них русскую оригинальность. Некоторые, совершенно непонятные для казахов понятия и слова, неотраженные в переводах, не означают попытку переводчика казахизировать переводы басен. Наоборот, они как раз подтверждают стремление переводчика как можно больше и полнее распространять среди казахов идеи этих басен. Нельзя забывать, что Абай переводил их с расчетом на устное распространение, даже с расчетом на пение и декламирование, а при устном распространении все, что непонятно народу, неудобно для произношения или пения, изменяется, часто совсем выпадает из произведения. Такой перевод в то время был бы не жизненным и оказался бы померой распространению идейного влияния басен Крылова среди казахов. Нет ничего удивительного в том, что он при переводе пропустил эти отдельные слова. Наоборот, надо удивляться тому, как чутко он относится к этим вынужденным пропускам, не заменяя их ничем другим, снижающим идейный уровень содержания басен. Во-первых, он пропустил только те слова, которые были абсолютно непереводаемы, особенно в то время. Во-вторых, пропуская эти слова, он не заменял их специфически казахскими словами. Например, имена «Кум Карпыч», «Сват Климыч», «Сосед Фока» Абай переводит такими общими и для русских, и для казахов понятиями, как «кум», «сват», «сосед», и т. д., не употребляя вместо «Карпыча», «Климыча» и других казахские имена. В переводе «Бедный богат» слова «... на голой лавке лежа», «на той же лавке...» пропущены и вместо них не вставлены характерные для казахского быта слова, обозначающие предметы, где мог бы лежать бедняк-казах. В этой же басне из текста «Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу» переводчик берет слова «Вот на дом у меня...», а остальную часть переводит словами «Сэн — салтанат расход көп» («много расходов на роскошь»). Понятия об экипаже, о даче заменяются понятиями о роскоши вообще. Не случайно не вставляются вместо них чересчур увлекающие в таких случаях казахов мысли, как, например, «на бегуна», «на иноходца» или просто «на хорошую лошади» и т. д. Это понятие не употребляется, несмотря на то, что оно очень близко к понятию об экипаже. Также не переведены слова «...накупить могу я деревень». Вместо этого понятия переводчик не вставляет характерные для казахов понятия, как, например, «накупить могу я много скота» и т. д. И речи не может быть об отражении здесь таких сугубо специфических особенностей казахского быта, как, например, «жену купить» или «жениться». Это вполне возможный вариант для данного места перевода, в случае малейшей склонности переводчика к отражению в переводах казахского быта; у казахов была даже такая пословица: «Если казах разбогатеет — женится, а узбек разбогатеет — дом построит». Здесь имеется в виду не первая жена, а многоженство. В

то время для бедняка действительно было мечтой сблизиться с женщинами и купить себе жену за калым. Последний пример мог быть применен не просто, а в более сглаженном виде: в виде женитьбы на дочери богатого, на красавице, как это распространено в казахском фольклоре, как мечта счастливица. Этого Абай не сделал.

В смысле отражения в своих переводах старого казахского быта Абай не последовал и фольклорным традициям. В случае стремления переводчика дать переводам религиозную окраску, здесь могла бы быть поставлена мысль о паломничестве или о постройке мечети, что всегда в таких случаях имеет место в религиозной литературе, пришедшей в казахскую литературу с Востока. В этих переводах нет признаков религиозной литературы. Слово «аллах», упоминаемое всего в нескольких местах в отдельных переводах, является настоящим традиционным поэтизмом, так же, как и в некоторых баснях Крылова употреблялись слова «бог послал», «ангельский», «Вам в удел природа отвела» и т. д.

Абай любовно оберегает свои переводы от всего, что связано со старыми традиционными понятиями, с отсталым укладом жизни, подтверждая тем самым свои слова: «Мой Восток стал Западом», т. е. поворот к русской культуре. Это привело его к пристальному вниманию к текстам Крылова. Он их любовно и тщательно воспроизводил, применяя для этого разнообразнейшие приемы перевода, увенчавшиеся успехами благодаря его поэтическому гению. Свои переводы Абай оберегал от всего традиционного, от влияния религии и в то же время сознательно вносил в них слова, отражающие русский быт. В переводе басни «Бедный богач» он говорит: «расходов много на раскошке», употребляя при этом слово «расход» по-русски. В контексте ясно видно, что этим самым он хочет оттенить характер этих расходов, что они не обычные расходы, передаваемые казахскими словами, например, «шығын» и др., а особые расходы «на экипажи, на дачу», «на покупку деревьев» и т. д. Это слово еще до революции вообще употреблялось среди известной части казахов и означало как бы большую значимость этих расходов. В переводе басни «Стрекоза и Муравей» употребляется слово «гелайтпа» — «гуляня». Оно уже претерпело изменение и приспособлено к казахскому выражению — не «гуляня», а «гуляйтпа». Это характерное слово, вошедшее еще в то время в быт известной части казахов и отражавшее в нем влияние русского быта. Оно употреблялось здесь в смысле совершенно другого гулянья, чем обычное казахское гулянье. В казахском быту гулянье, даже среди молодежи, отличалось более смирным, тихим характером, без плясок, без шумных хоров и пр. Публичное общение в этих играх парней с девушками во многих местах было почти запрещено. Слово «гуляйтпа» означало шумное, вольное гулянье в разноцветных платках с плясками и гармошкой, которое казахское население видело в русских селах и городах. Приверженцы старых традиций в быту и духовенство к такому образу жизни относились отрицательно, смотрели на него как на разврат, и по адресу молодых людей, допускающих непозволительные, с точки зрения старых традиций, вольности, пренебре-

жительно отзывались: «Гелайтпа жуз». Эта особенность русского быта, свободное выражение своих чувств, заманчиво привлекало казахскую молодежь. Парень, возвратившийся очень довольный с какого-нибудь гулянья в своем или соседнем ауле, для выражения этого приподнятого настроения и своего удовольствия стал говорить «гуляйтпа кельдім», а не «кыдырп кельдім». Вот в этом смысле, в смысле отражения большого эффекта, пышности гулянья стрекосы применяет это слово и Абай.

Таким образом, Абай не только тщательно воспроизводит тексты Крылова казахскими словами и адекватными их смыслу понятиями, но и так умело вводит в свои переводы некоторые картины русского быта через русские слова. Этот факт лишний раз доказывает, что Абай, не отражая в переводах точный смысл отдельных специфических русских понятий, как например, экипаж, покупка деревьев и т. д., сделал это не в целях избежания фактов русского быта, а, наоборот, для того, чтобы больше отразить в своих переводах влияние русской жизни и отразить его через такие факты, которые вошли в быт казахов и стали фактами в то же время и казахской жизни. Абай, оберегая свои переводы от старых традиционных понятий в жизни казахов, выработанных на основе отсталых социально-экономических отношений, отражает в них новые понятия из жизни того же казахского народа, выработанные уже на основе влияния новых социально-экономических отношений.

Определяя идейную основу всего процесса переводов Абая, мы говорили выше, что прикованность его внимания к текстам Крылова обусловлена сильным идейным влиянием на него басен Крылова. Теперь можем добавить к этому, что идейное влияние Крылова на Абая обусловлено сильным влиянием на него не только всей русской литературы и культуры, но и всей русской действительности в целом. И влияние творчества Крылова является одним из ярких выражений этого последнего, более широкого и глубокого влияния.

* * *

К результатам, отмеченным нами в переводах Абая, он пришел по пути, возведенному им в определенный, резко выраженный принцип в области переводов. Такой принцип Абай выдерживает в своих переводах в противовес практике, существующей среди некоторых переводчиков Крылова. Например, по материалам доклада Авраамовилли на тему «Акакий Церетели — переводчик Крылова», сделанного им в 1947 г. на собрании научных работников Публичной библиотеки им. Салтыкова-Шchedрина, в переводах грузинского писателя Акакия Церетели мальчики Сеноша и Федя из басни «Два мальчика» на грузинском языке называются Тэф и Ило; Степан, Демьян, Трофим и Клим из басни «Волк и Кот» на грузинском языке — Гогия, Пэтрэ, Соломани и Саломэ. Переводя басню Крылова «Демьянова уха», Церетели вместо русского блюда — уха берет грузинское вино. Докладчик указывает, что, несмотря на такое огрузинивание, переводчик сумел сохранить русскую оригиналь-

ность басен, но, ввиду ограниченности объема своего труда, он это в подробностях не показывает.

По этому вопросу некоторые теоретические высказывания есть и в книге М. Рафили «И. А. Крылов и азербайджанская литература». Автор, рассматривая азербайджанские переводы басен Крылова одного переводчика, высказывает правильную мысль, что «переводчик связывает образы басни Крылова непосредственно с жизнью Азербайджана». Такие переводные произведения действительно должны быть связаны с жизнью того народа, на языке которого они существуют, должны отразить известные черты этой жизни, обусловленные определенными историческими условиями и, в силу этих условий, связанными с данными переводами. Не может быть, чтобы одно и то же произведение могло быть непосредственно связано со всеми этапами жизни этого народа и передано через специфические особенности этой жизни на любой стадии ее развития. В этом отношении расшифровку вышеуказанной, в общем правильной мысли автора, мы находим в другом месте его работы, где говорится: «В переводе Бакиханова оказались некоторые черты азербайджанских притч. Заключительная строка Крылова не случайно приняла такую более расширенную расшифровку... С подобными концовками мы обычно встречаемся и в восточных притчах. Учитывая большую доходчивость притч, Бакиханов придал басне предельную ясность, и в таком виде, конечно, она могла воздействовать на азербайджанского читателя еще сильнее, еще острее». Оказывается, к сожалению, под «непосредственной жизнью Азербайджана» автор подразумевает не только некоторые черты «азербайджанских притч», но и традиции «восточных притч». По мнению автора, в результате этого получилось, что данный перевод «вышел за рамки переводной литературы, стал довольно заметным фактом литературной жизни Азербайджана времен Бакиханова и был воспринят как оригинальное художественное произведение».¹ Иными словами, переводы Бакиханова вошли как оригинальные произведения в состав национальной литературы, что является естественным явлением, поскольку переводы связаны с жизнью народа. Но нельзя не сомневаться в том, что эти переводы стали народными произведениями потому, что они сделаны на основе восточных традиций в азербайджанской литературе. Здесь остается также неясным главный вопрос: с каким идейным оттенком эти переводы вошли в состав национальной литературы? По определению Ленина, «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»² — культура реакционная и культура прогрессивная, народная. Каждая из них имеет свои различные оттенки в различные периоды своего развития. Не раскрывая подобных деталей, трудно определить роль переводной литературы и ее идейного влияния вообще.

Автор названной книги по данному вопросу не касается таких деталей, и поэтому поставленный им вопрос остается совершенно неясным для читателя. Разрешение вопроса им не доведено до конца. Все высказывания автора характерны одной тенденцией, которая завершается следующими словами: «Выражаясь словами, Белинского, Сиххат переработал басни в азербайджанские формы и перевел их через азербайджанский дух. Вот почему басни русского поэта стали столь родными, близкими, понятными и любимыми для азербайджанской детворы и вошли в обиходную речь».³

К тому «единому» азербайджанскому духу автора привели все его рассуждения о «единой» азербайджанской жизни, о влиянии на переводы басен Крылова азербайджанских и восточных притч и т. д. И не случайно, у автора исследуемые им переводы, в течение почти целого века, получают одного и того же качества — «хорошими». Это похоже на то, что они переведены или вне времени и вне тех социально-экономических и общественно-политических условий, которые азербайджанский народ пережил в течение столетия, или будто бы этот народ в своем развитии за это время стоял на одном и том же месте.

Здесь надо особо отметить еще и тот факт, что, по словам автора, содержание басен Крылова передано в традициях восточной литературы, что является совершенно неверным. Понятие перевода «через азербайджанский дух» можно брать только в смысле передачи их через характерные национальные особенности азербайджанского народа так же, как и в вышеприведенных грузинских переводах, сделанных через передачу специфических особенностей жизни грузинского народа. Мы это последнее понятие разделяем на две части. Одно дело — передавать содержание басен Крылова через приемлемые и понятные для населения факты, и другое — когда в традиционных местных понятиях содержание басен распадается и теряет свою остроту, приспосабливаясь к интересам отдельных общественных или литературных течений, зачастую даже реакционных.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что у некоторых исследователей влияния литературного наследия Крылова на национальные литературы есть такая общая тенденция, которая преимущественно переводов видит в установках переводчика на национальный быт. Нетрудно видеть из цитаты, приведенной из книги Рафили, что на такую мысль наталкивает автора тот факт, что и Крылов перевел свои басни через «русский дух». Вполне возможно, что то же самое в значительной степени повлияло на такое направление исследовательской работы и многих других. Этому, вероятно, способствовал и тот факт, что такие переводы с установкой на родной быт существуют у многих переводчиков Крылова. Дело не в том, что исследователи отрицают этот факт, а в том, что они относятся к этим фактам не критически, шаблонно и возводят их в какой-то положительный принцип перевода, не находя другого решения воп-

¹ Рафили Микаэль И. А. Крылов и азербайджанская литература... стр. 19.

² Там же, стр. 20.

³ В. И. Ленин. Соч., т. XVII, изд. третье, стр. 143.

роса, другого выхода объяснить эти факты, не видя противоположных им фактов.

В советском литературоведении широко известно, что Крылов, переводя греческие и французские басни на русский язык, максимально использовал все богатство русского языка и, кроме того, внес в них факты русского быта и вообще русскую действительность. Здесь надо строго различать две вещи: одно дело использовать богатства языка для передачи содержания басни — это обязательно должен сделать всякий переводчик; другое дело — вносить в это содержание русский быт и русскую действительность вообще. У вышеуказанных исследователей влияния творчества Крылова на национальные литературы есть тенденция копировать эти положения, связанные с переводами Крылова, т. е. искать положительные особенности переводов басен Крылова в отражении в них национального быта того народа, на язык которого они переведены. Такому пониманию способствует еще легенда о так называемых «страстующих сюжетах» басен, согласно которой будто бы все басни на один и тот же сюжет являются разными вариантами одной и той же басни с некоторыми национально-специфическими чертами. По этой «теории» выходит, что казахские переводы басен Крылова, кроме связи со своими оригиналами, имеют еще что-то общее с французскими или греческими баснями, с которых якобы переведены данные басни Крылова. Следовательно, получается так, что казахские переводы являются не только отражением местного национального быта и влияния русской действительности, но и отражением французской или греческой действительности, переданной по наследству через сюжеты басен. По заключению некоторых исследователей, это французское или греческое происхождение повлияло даже на выбор темы для перевода некоторыми переводчиками басен Крылова. Такая «теория» не только запутывает вопрос об изучении путей влияния русской литературы на национальные литературы, но и приводит к абсурду. Данная теория неверна потому, что она литературу (в данном случае переводы басен Крылова) отрывает от конкретных условий общественной жизни, абстрагирует и возвращает ее.

Также неверен принцип находить положительные черты этих переводов исключительно в отражении в них специфических черт национального быта вообще. Любое изменение, которое переводчик вносит в переводимое им произведение, или усиливает, или ослабляет идейно-художественное содержание данного произведения. Отражение в произведениях национальных особенностей одного народа взамен других особенностей другого народа — это тоже изменение. Здесь также ставится вопрос об усилении или ослаблении содержания переведенного произведения. Следовательно, дело вовсе не в том, отражает переводчик в своем переводе национальные особенности жизни того или другого народа или нет, а в том, насколько он усиливает или ослабляет содержание басни этим отражением национальных особенностей.

Отражение специфических национальных особенностей в пере-

воде того или другого народа не может быть в одинаковом масштабе и иметь одинаковое влияние, не говоря о деталях в каждом отдельном случае, т. е. являются ли эти особенности носителями нового, прогрессивного, развивающегося в этой жизни, или это те стороны ее, которые уже отживают и являются носителями старого, реакционного, как, например, традиции восточной литературы, укоренившиеся в данной национальной литературе. Эти последние традиции в литературе азиатских и кавказских народов, особенно в момент проникновения в них русского влияния, стали реакционными, и влияние русской литературы развивалось там в борьбе с этими реакционными традициями. В этом смысле они являются противоположностью тех новых традиций, которые выработались в этой литературе под влиянием русской литературы и в том числе творчества Крылова. Следовательно, содержание басен Крылова никак не могло быть переданным через свои идейные противоположности.

Внося в содержание переводимых им греческих или французских басен характерные особенности русской жизни, Крылов усиливал их идейное содержание, тем самым отражая определенное качество общественного развития, назревшее на основе русской действительности. Рафили извращает слова Белинского о переводе «через русский дух». Белинский действительно считал, что «...высочайшее достоинство басен Крылова заключается в том, что они; и по содержанию, и по изложению, и по языку, в высшей степени русские басни. Даже в переводах и в подражаниях Крылов умел остаться русским»¹. Но говоря о баснях Крылова, Белинский берет русскую жизнь не вообще, как это делает Рафили по отношению к жизни азербайджанского народа, а связывает появление басен Крылова с новым движением в этой жизни, с ее развитием. Об этом свидетельствуют его следующие слова: «...самые лучшие, следовательно, самые народные басни свои Крылов написал уже в эпоху деятельности Пушкина и, следовательно, нового движения, которое последний дал русской поэзии»². И дальше: «Деятельная книга доказывает, что бы мог сделать Крылов, если-б он позже родился...». Мы должны по-марксистски понять это новое движение и нам нельзя брать вне времени влияние на национальные литературы такой острой социальной сатиры, как басни Крылова.

Таким образом, качество переводных басен Крылова стоит выше своих оригиналов не потому, что он в них отразил характерные черты русской жизни, а потому, что в русской действительности в более остром, осложненном состоянии, чем скажем в Греции или Франции того времени, находились те общественные условия, которые вызвали к жизни басни Крылова. Другими словами, Крылов отразил в своих переводах русскую действительность не вообще, а такую, которая в определенном отношении, в определенное время, стояла на высокой стадии своего развития.

¹ «В. Г. Белинский о Крылове», 1944, стр. 57.

² Там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 41.

Подходя к переводу с этой точки зрения, мы видим, что в переводах Абая основные качества басен Крылова переданы. Абай достигает этого не путем отражения в переводах национального быта казахского народа, а путем бережного и тщательного воспроизведения содержания текстов басен, применяя разнообразные художественные приемы. Условия для восприятия их в народе созрели под влиянием русской материальной и духовной культуры и критического, до крайности напряженного положения казахского народа под двойным гнетом — царизма и местных эксплуататоров, когда встал вопрос о жизни или смерти всего народа и когда народ мобилизовал все живое в себе на борьбу за свое дальнейшее существование. Нет в этих переводах никаких влияний греческой или французской жизни через странствующие сюжеты, а есть влияние непосредственных жизненных условий, т. е. влияние русской жизни.

Басни Абая отражают жизнь казахского народа, отражают ее прогрессивные стороны, развившиеся под влиянием многовекового жизненного опыта русского народа. Эти басни отражают великую дружбу русского и казахского народов. Абай максимально использовал художественные возможности казахского языка для передачи прямого смысла содержания басен Крылова. Даже идиоматические выражения на казахском языке он применял только там, где они не противоречили содержанию басен, а, наоборот, способствовали более полной передаче прямого смысла. Оригинален тот путь, идя по которому, Абай достиг высокой идейности своих переводов. Данный путь обусловлен жизнью казахского народа в тот период и на этой основе — сильным идейно-творческим влиянием басен Крылова на Абая. Все, что сделано им, преследует цель достичь полноты идейного содержания переводов. Это путь, выбранный самой жизнью в процессе освоения наследия русской классической литературы казахским народом. Это один из путей распространения влияния русской литературы, который опровергает тенденцию видеть лучшие качества переводов в установке переводчика на национальный быт и «теорию» о влиянии на переводы басен Крылова «странствующих сюжетов».

Зарождение критического реализма в казахской литературе

Влияние русской литературы на казахскую литературу XIX века вызвано самой жизнью. Это естественное проявление того прогресса, который имел место в жизни народа в результате общения с Россией.

Стремление к новому стало заметным движением среди казахского населения. Шла борьба между развивающимся новым и отживающим свой век старым миром. То новое, которое проникало в область устной и письменной литературы, было только частью этого общего движения. Появлялись новые произведения, соответствующие новым условиям жизни, изменялись старые памятники фольклора, получая новые оттенки как в содержании, так и в фор-

ме. Этот широко развернувшийся в народной поэзии процесс обновления является целым этапом в казахской литературе, предшествовавшим творчеству Абая и отчасти подготовившим его. Привыкая к просвещению, к овладению русской литературой ни в коем случае не следует рассматривать в отрыве от того новаторства в казахском фольклоре, когда Джамбул доходит до воспевания новой, прогрессивной в то время психологии, вопреки реакционным акымам.

Творческая деятельность Абая и его работа над переводами основывались на движении в народных массах. Среди казахов, учившихся в русских школах, стало массовым явлением не только чтение, но и распространение среди населения произведений русских писателей. Они их переводили на казахский язык. И эти произведения распространялись в рукописях, заучивались и передавались устным путем, наряду с фольклором. Это был наиболее доступный способ распространения русской литературы. Потанин, рассуждая о необходимости распространения среди казахов русской литературы, писал: «Мне рассказывали об одном киргизском султане (уже умершем, Ускембаеве), который кончил курс в Омском кадетском корпусе и потом жил на родине в степи около Семипалатинска, что он любил вечерами рассказывать своим землякам содержание русских повестей и романов, и киргизы с таким интересом его слушали, что просили его записать свои рассказы; таким образом, получились тетрадки, написанные по-киргизски и содержавшие в себе вольный перевод произведений Тургенева, Лермонтова, Толстого и др. Иногда во время этих литературных вечеров в юрте киргизы пускались в рассуждения...»¹

Потанин правильно отмечает, что «киргизы пускались в рассуждения». Произведения русской литературы будили мысль у казахов и вызвали даже горячие споры между ними. Эти произведения в полусонной мрачной степи сверкали как яркие лучи, будя и призывая ее к новой светлой жизни. Переводческая деятельность Абая была исключительным плодотворным случаем этого массового явления среди прогрессивных элементов в казахских аулах. А перевод оказался одной из форм освоения русской культуры, русской передовой общественной мысли казахским народом, формой, имеющей свои специфические особенности, своеобразно отражающие определенные моменты общественного развития и заслуживающие специального изучения.

Перевод басен Крылова был самым распространенным явлением среди грамотных казахов. Неграмотными они заучивались устно. В то время казахская степь почти не знала печатной литературы на своем языке. В первых печатных изданиях уже были переводные произведения, в первую очередь, басни Крылова.

¹ Г. Потанин. В юрте последнего киргизского царевича. «Русское богатство», 1896, № 8.

Произведения Абая являлись обобщением того, что было в природе в этой области. В них лучше и ярче выражены те особенности, которые характерны для этого нового направления в казахской литературе конца XIX и начала XX вв.

В процессе распространения влияния русской литературы на казахскую литературу мы видим определенную закономерность, обусловленную различными условиями жизни. В силу этих условий наиболее ярким проявлением влияния русской литературы на до-революционную казахскую литературу остается широкое распространение среди казахов басен Крылова. Переломный момент этого влияния начинается с последнего этапа творческой деятельности Абая. Значение творческого наследия Крылова в казахской литературе XIX в. надо понимать гораздо шире, чем оно отмечалось до сих пор в нашем литературоведении. Для того, чтобы понять масштаб, силу и своеобразные особенности этого влияния, надо иметь в виду следующие обстоятельства.

Во-первых, влияние басен Крылова надо понимать как влияние всего его творчества. Басни являются не только прямым продолжением его литературной деятельности, но и высшим этапом ее. Если Крылов в своих сатирических произведениях, написанных до басен, критиковал общественные пороки того времени, то в своих баснях он заклеил эти пороки с точки зрения широких народных масс.

Крыловская сатира является высшей стадией всей русской сатирической литературы до него. Казахская литература не проходила этот длительный этап развития сатирической литературы и не испытывала на себе непосредственного воздействия первых ступеней этого развития, а сразу заимствовала опыт на данной высокой стадии.

Во-вторых, влияние творчества Крылова казахская литература испытала не в начале XIX в., а в конце его, когда обстановка в России совершенно изменилась. В конце XIX в. в России капитализм не только развился, но и достиг своей высшей стадии — империализма.

Таким образом, басни Крылова в казахскую литературу пришли в период обостренной обстановки более быстрого капиталистического развития в России, а не замедленного патриархально-крепостнического развития, в которой они появились в русской литературе.

В-третьих, когда в казахской литературе появились переводы басен Крылова, она была несравнимо меньше развита, чем русская литература в момент появления в ней этих басен: русская литература уже имела свою многовековую историю, такие известные имена, как Ломоносов, Радищев, Кантемир, Карамзин и др., а казахская литература стояла на грани фольклора — по существу она вся состояла из фольклора, за исключением произведений самого Абая, тоже распространенных в то время устно. В русской литературе басни Крылова появились как отражение жизни русского народа при более развитых социально-экономических отношениях, чем патриархально-родовые отношения, господствовавшие среди

казахов в указанный период времени. При таких отношениях не только не могла возникнуть социально-направленная острая сатира, но она не могла быть воспринята. В казахской литературе такую сатиру не могло породить и влияние тех социальных условий, отражением которых в русской литературе явились басни Крылова в период их возникновения. Сила воздействия этих условий на казахскую литературу была бы слишком недостаточна для этого потому, что последняя еще слишком была слаба для восприятия такого влияния.

В казахской литературе басни Крылова появились как отражение влияния русской действительности в условиях более быстро развивающегося капитализма. В этих условиях еще резче выступало социальное значение этих басен, еще более острой стала их сатиричность и еще более умножилась сила их влияния на казахскую литературу. Кроме того, эти же условия, силой своего воздействия, подготовили соответствующую почву в казахской литературе, благоприятную для такого влияния, усилили восприимчивость казахской литературы в этом отношении.

В этой обстановке лисица из басни Крылова показалась как бы хитрее, чем она была в начале XIX века, когда она в этой басне пришла в русскую литературу; слон показался крупнее, осел глупее и т. д. Это значит, что басни Крылова, пришедшие в казахскую литературу, не те же басни, которые появились в русской литературе в начале XIX века. Это басни Крылова с новыми качествами в новых условиях русской и казахской национальной культуры.

Крылов в русской литературе выступил раньше таких крупнейших представителей русской классической литературы, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Салтыков-Шедрин и таких революционных просветителей, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Но когда басни Крылова пришли в казахскую литературу, труды этих виднейших представителей русской передовой общественной мысли превратились в великую силу, оказывающую свое огромное влияние не только на русскую литературу, но и на национальные литературы. Труды их оказывали свое влияние и на казахскую литературу конца XIX и начала XX веков, в том числе и на творчество Абая.

Это, в частности, сказалось в том, что одновременное плодотворное влияние всей русской классической литературы и русской передовой общественной мысли на общественную жизнь казахского народа создало благоприятные условия для распространения басен Крылова. Больше того, это общее влияние русской передовой общественной мысли в известной степени получало свое воплощение в переводах и вообще во влиянии басен Крылова. В некоторых отношениях басни Крылова оказались как бы самой приемлемой формой отражения этого влияния. Например, нет сомнения в том, что на Абая повлияла сатира и Салтыкова-Шедрина. Об этом свидетельствует то, что Абай в своих стихах ставит его в пример, как передового человека. Но произведений его он не перевел. Абай

не переводил ничего прозаического вообще. В казахской литературе того времени совсем не было прозы, ибо казахская литература еще не сложилась, как письменная литература.

Конкретное идейно-творческое влияние Пушкина и Лермонтова и других представителей русской классической литературы на Абая непосредственно предшествовало переводам басен Крылова. В этих явлениях есть внутренняя идейная связь. Образно представляя себе эту связь, можно было бы сказать, что басни Крылова вошли в творчество Абая и во всю казахскую литературу под яркими лучами гения Пушкина, Лермонтова и др. То же самое, в известном смысле, можно сказать и по отношению к некоторым другим представителям русской классической литературы.

В этом смысле басни Крылова по отношению к казахской литературе того времени «нечто больше, нежели басни». «Многие в Крылове хотят видеть непременно баснописца; мы видим в нем нечто большее. Басня только форма; важен тот дух, который точно так же выражался бы в другой форме. Говоря о Хемницера и Дмитриева, говорите о басне и баснописцах. Басни Крылова, конечно, тоже басни, но, сверх того, еще и нечто большее, нежели басни...»¹. Эти слова Белинского определяют разницу между баснями Крылова и баснями других русских баснописцев — Хемницера и Дмитриева. Но слова Белинского вполне применимы и в данном случае к определению неизмеримо возросшего значения басен Крылова для казахской литературы при тех благоприятных условиях, когда они оказывали свое влияние как составная часть всей русской классической литературы. «...поэзия Крылова и в эстетическом и национальном смысле, должна относиться к поэзии Пушкина, как река, пусть даже самая огромная, относится к морю, принимающему в свое необъятное лоно тысячу рек, и больших и малых».²

Таким образом, по поводу влияния басен Крылова на казахскую литературу в известном смысле мы тоже можем сказать, что «...басня только форма; важен тот дух, который точно так же выражался бы и в другой форме...»³.

Это влияние во многом является выражением общего влияния всей классической русской литературы и русской передовой общественной мысли.

Сатиричность басен Крылова возрастала еще и потому, что обстановка, в которой воспринималась эта сатира, была обостренной. Эта обстановка в казахской степи не созревала веками, как это было в жизни русского народа. Она созревала ускоренными темпами, особенно во второй половине XIX века. Народ поспешно переходил от слишком отсталой стадии к очень высокой для него стадии социально-экономического и общественно-политического развития, минуя некоторые моменты его или проходя их в неразвитой до конца форме. Такой резкий переход обусловил остро критическое

отношение всего нового ко всему старому. Появились новые люди — представители нового течения. Разгоралась борьба между ними и представителями старого. Они жадно искали все новые и новые средства борьбы и находили их, в частности, в русской литературе.

В такой обстановке басни Крылова среди казахского населения находили себе применение в разнообразнейших формах. Этому способствовала еще та особенность жизни казахского народа, что он жил искусством слова. Художественное слово имело решающее значение в жизни народа во многих отношениях. Красноречие имело огромное значение в разрешении серьезных судебных дел. В искусстве слова состязались акын с акыном, парень с девушкой, пастух с пастухом и т. д. Очень часто большими мастерами этого искусства оказывались пастухи. Оказаться победленным в этих состязаниях было позором, платили за это штраф ценными вещами или скотом. Такая особенность народного быта выдвигала специально занимающихся распространением этого народного искусства людей — акынов. Эти профессионалы ездили из аула в аул, распространяя новости в этой области, устраивая везде и всюду шумные художественные вечера. За новыми песнями, за новыми произведениями литературы или для распространения таковых ездили за сотни километров. Это народное искусство создавало благоприятные условия и для распространения басен Крылова среди казахов. Они быстро передавались из уст в уста.

Критически настроенные люди в аулах жадно воспринимали эти басни. Человек, измученный несправедливостями жизни и физически, и морально, видел в них какое-то утешение. Передовые представители народа — идейно пробуждающиеся люди, применяя сатирические басни Крылова для обвинения своих врагов — представителей старых традиций, получали от этого буквально эстетическое удовольствие. Так искусно высмеивая своих врагов, как Крылов в баснях, сравнить их в такой выразительной форме с ишаком, лисцей, львом, москвой и т. п. — это было в глазах народа в высшей степени интересно. В таких условиях приобретали остроту сатиры и такие басни, которые в другой бы обстановке так не воспринимались.

Глубокая народность, острая сатира басен Крылова, их влияние на казахскую литературу во взаимодействии со всей передовой русской общественной мыслью, усиленное социально-экономическое и общественно-политическое воздействие русской духовной и материальной культуры на все отрасли жизни казахского народа, благоприятная обстановка и особенности поспешного развития в казахских аулах, отличный перевод Абая — все это сделало возможным зарождение критического реализма в казахской литературе в тесной связи с баснями Крылова на основе назревших для этого условий в материальной жизни казахского народа.

Сатирический вид поэзии сыграл решающую роль и в русской литературе в первоначальной стадии ее развития.

«Нельзя сказать, — пишет Чернышевский, — напротив того,

¹ В. Г. Белинский. Собрание соч., в 3-х томах, т. 2, 1948, стр. 711.

² Там же.

³ Там же.

чтобы Гоголь не имел предшественников в том направлении содержания, которое называется сатирическим. Оно всегда составляла самую живую, или лучше сказать, единственную живую сторону нашей литературы... «Горе от ума» (Грибоедова — С. Н.) остается до сих пор одною из самых любимых книг, потому что представляет ряд превосходных сатир, изложенных то в форме монологов, то в виде разговоров. И однако же... должно приписать исключительно Гоголю заслугу прочного введения в русскую изящную литературу сатирического или, как справедливее будет называть его, критического направления¹. Сатиру он считает единственной живою стороной русской литературы до Пушкина, называя ее критическим направлением в литературе.

Высоко оценил роль сатиры в русской литературе и Максим Горький. Он писал: «...Фонезинным начала великопечнейшая и, может быть, наиболее социально плодотворная линия русской литературы — линия обличительно-реалистическая», от которой пошли «такие крупные люди, как Крылов, Грибоедов, Гоголь, Пушкин, Шедрин...»².

Крылов обобщил в своих баснях опыт развития в течение всего XVIII и начала XIX вв. этой наиболее социально плодотворной линии русской литературы. Но дальнейшее длительное развитие русской литературы дало возможность русской сатире возродиться и в других формах, в творчестве других великих писателей, как Гоголь, Некрасов, Салтыков-Шедрин.

Казахская литература не имела возможности и такого длительного развития сатирической линии литературы. Она пришла к ней под могучим воздействием русской литературы и прошла сравнительно короткий путь своего развития до Октября. Казахская литература не имеет ни Гоголя, ни Некрасова, ни Шедрина. Вернее, они воплощены в том духе, который выражен в форме басни, но мог бы быть выражен и в других формах.

После того, как мы усилили себе роль сатиры в русской литературе, становится совершенно естественным и убедительным данный путь развития казахской литературы, т. е. зарождение и развитие в ней критического реализма в тесной связи с баснями Крылова.

Переводы Абая являются отражением переломного момента, названного в народе критическим отношением к действительности, и в них заложена основа (начало) критического реализма в казахской литературе.

История казахской письменной литературы начинается с Абая. После Абая в дореволюционной казахской литературе нет ни одного писателя, о котором можно было бы говорить без оговорок как о представителе критического реализма. Отрицание роли басен Крылова в развитии направления критического реализма в казахской литературе приводит к отрицанию этого реализма в ней вообще.

Жестокая, сознательная борьба казахского народа за изменение старого образа жизни и установление нового, борьба, выросшая до вооруженного выступления вместе с русским народом для свержения капиталистического строя в Великую Октябрьскую социалистическую революцию, не могла не отразиться в казахской литературе в форме критического реализма.

Утверждение, что влияние творчества Крылова на казахскую литературу проходило в обстановке сильного влияния всей русской литературы, ни в какой мере не противоречит тому, что для казахской литературы конца XIX и начала XX вв. особенно характерно распространение в ней басен Крылова. Наоборот, связь их распространения со всей русской классикой и передовой общественной мыслью показывает глубину и жизненность этого литературного явления. Эти басни становятся решающими факторами в казахской литературе, начиная с переводов Абая. Их влияние беспрерывно и прогрессивно возрастает, превращаясь в широкое направление в казахской литературе.

Критический реализм в дореволюционной казахской литературе зарождался и развивался в тесной связи с баснями Крылова под общим влиянием передовой русской культуры, в частности, литературы. Основа критического реализма заложена переводами Абая. Абай является основоположником критического реализма в казахской литературе.

Казахский народ, приняв и освоив это высокое достижение многовекового и сложнейшего развития русского народа, показал тем самым свою жизнеспособность, подготовленность к серьезным испытаниям и готовность к дальнейшей совместной борьбе за счастливую жизнь обоих народов.

Эта дружба, испытанная в огне Великой Октябрьской социалистической революции, привела казахскую литературу к социалистическому реализму, основоположником которого был великий Максим Горький.

Эта дружба, закаленная в совместной борьбе за построение коммунизма в нашей чудесной стране — Советском Союзе, ведет казахскую литературу по пути дальнейшего процветания в составе многонациональной советской литературы.

На протяжении всей этой благородной упорной борьбы Крылов и Абай были с нами. Они боролись вместе с нами, вместе переживали трудности и вместе с нами радовались нашим успехам. Они занимают равно почетное место в казахской литературе, как основоположники критического реализма в ней.

¹ Н. Г. Чернышевский. Литературно-критические статьи. 1939, стр. 55.

² М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 25.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	5

Глава первая

Казахские фольклорные басни	12
Первые переводы басен Крылова	15

Глава вторая

Роль басен Крылова в казахской литературе XIX в. и в творчестве Абая.	
Борьба прогрессивного направления с реакционным направлением в казахской литературе XIX в.	26
Переводы Абая в различные этапы его идейно-творческого развития	30
Общие идейные мотивы в творчестве Абая и Крылова	34
Обращение к басням Крылова — новый этап в творчестве Абая	37
Распространение басен Крылова — новый этап в казахской литературе того времени	40
Басни Крылова в различных областях духовной жизни казахского народа.	44
Анализ переводов Абая	49
Тексты переводов Абая	
Анализ отдельных переводов Абая	54
Общий анализ переводов Абая	74
а) Принцип максимального приближения переводов к текстам оригинала	
б) Принцип максимальной передачи идейного содержания басен	81

Глава третья

Выводы из анализа переводов Абая	84
Зарождение критического реализма в казахской литературе	96

Редактор Г. Ф. Сметаников
Тех. редактор З. П. Форочкина
Корректор В. И. Шляхов

* * *

Сдано в набор 6/III 1951 г. Подписано к печати 28/IV 1951 г. Объем 6,5 п. л.
Уч.-издат. 7,75 л. УГ07387. Тираж 3000.

* * *

Типография Издательства АН КазССР, г. Алма-Ата, ул. Виноградова, 26, Зак 69.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
8	19 сверху	а понятие влияния	а понятие — влияние	автора
9	15 снизу	музой	«музой	автора
11	7 снизу	объясняется	объясняются	автора
19	9 сверху	сағат	саған	корр.
29	7 сверху	Калка	Капка	корр.
42	25 сверху	познее	позднее	корр.
56	7 сверху	үнмен	тәтті үнмен	автора
57	8 снизу	„сүркіяті“	„сүркія тіл“	автора
62	19 снизу	көз	көз	автора

Зак. 69.

Цена 6 руб. 40 коп.